

СВЯЩЕННАЯ НАРОДНАЯ 2

*75-летию Великой Победы
посвящается...*

Священная народная...

Выпуск 2

Сборник произведений

Составитель Г.В. Самусенко

Коломна
Серебро Слов
2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

C25

ISBN 978-5-907154-64-3

Редколлегия:

Сергей Сергеевич Антипов
Заместитель Председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Игорь Евгеньевич Витюк
Заместитель Председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Денис Викторович Минаев
Генеральный директор издательства «Серебро Слов»,
Секретарь Правления Московской областной организации
Союза писателей России

Галина Валентиновна Самусенко
составитель,
член Московской областной организации
Союза писателей России

C25 Священная народная... Сборник произведений. Вып. 2
(75-летию Великой Победы посвящается) / Сост.: Галина Самусенко. – Коломна: Серебро Слов, 2019. – 160 с.

ISBN 978-5-907154-64-3

© Авторы, 2019
© Самусенко Г.В., составитель, 2019
© Минаев Д.В., обложка, 2019
© Серебро Слов, 2019

ЖИТЬ И ПОМНИТЬ

Когда знакомишься с воспоминаниями родственников тех, кто вернулся с фронта, рано или поздно обращаешь внимание, как часто в них практически без изменений повторяется одна и та же фраза: «Он не любил рассказывать о войне».

Это и понятно. Человек, переживший так много боли, остерегается лишней раз бередить её, свернувшуюся в комок на дне души: ведь ясно, что сгладиться, превратиться в бесстрастную, лишённую эмоций память ей уже не суждено. А им, вернувшимся, нужно было, несмотря на это, находить в себе силы жить дальше — любить, работать, радовать родных... И вот удивительное качество сильных духом и чистых сердцем — а именно они и были в первых рядах защищавших Родину: умение сохранять человечность в самых страшных испытаниях.

«Василий Фёдорович с грустью в голосе вспоминает о погибших грузях. Ветеран не согласен с тем, о чём многие сегодня говорят: будто трудности, страх делают человека жестоким, агрессивным. Он убеждён, что человек, который видел ужасы войны, был на краю жизни и смерти, никогда не будет жестоким, потому что он это отрицает».

(В. Поггайская. «Память сердца»)

Нет в России семьи, которая осталась бы не затронута общим, всенародным горем сороковых годов. Второй выпуск нашего сборника — ещё один вклад в летопись тех лет. День за днём она пополняется ранее не рассказанными историями о войне, которая *«была гругой, совсем не плакатной,*

которую показывали в кино» (В. Зиновьев. «Тёмная ночь»), где чудеса героизма подчас совершались теми, кто совсем не считал себя героем, просто делая то, что должен.

«В мирное время И. А. Сухов ... вспоминал о боевом органе, который он заслужил в боях под Москвой в начале войны и который ему так и не вручили... Фронтовик объяснял это тем, что в то тяжёлое для страны время о наградах никто не думал — немец стоял у стен столицы и надо было Родину защищать».

(А. Петраков. «Он был гвардейцем»)

И рядом, бок о бок с опытными бойцами шагали совсем юные, почти ещё дети, прибавлявшие себе возраст, чтобы поскорее попасть на фронт:

*Он отважно прошёл всю войну. Он с врагами сражался.
Никогда не просил снисхожденья, мол, ещё молодой.
Подлечив свои раны, он вновь в батальон возвращался
И с войны воротился в семнадцать живой, но сегой.*

(Л. Потанина. «Один из героев Победы»)

Отдельный пласт народной хроники Великой Отечественной — это жизнь тыла, где терпеливо совершали свой тихий ежедневный подвиг женщины, проводившие на фронт отцов, мужей, сыновей.

«В военное время было много сирот, и бабушка, кроме своих трёх девчонок, подобрала и воспитала ещё одну. Никто этим не кичился. ... Ведя хозяйство, бабуля умудрялась ещё и вязать шерстяные носки на фронт. Она их отправляла, наверно, сотнями».

(Г. Безменова. «Пелагея»)

Вероятно, сейчас, с течением времени, всё больше будет открываться, в том числе в литературе, именно нефронтовая сторона войны — благодаря воспоминаниям тех, кто встретил начало сороковых ребёнком, кому пришлось испытать ужасы оккупации, голод, вынужденные скитания, потерю

родителей... Война рвёт связи между людьми, рвёт по живому, и эти невидимые раны, нанесённые роду, кровотоку до сих пор. Даже выросшим в относительно спокойной обстановке глубокого тыла, но так и не дождавшимся возвращения дедов, отцов, старших братьев, словно проштамповала душу ядовитая «установка» — что жить в разлуке с родными хоть и печально, но... привычно. Кто подсчитает, сколько юных судеб было надломлено уже много позже — из-за отсутствия рядом крепкого отцовского плеча, доброго мужского примера?.. Говоря о Великой Отечественной, мы часто произносим слово «память» — горькое, но вместе с тем успокаивающее: ведь память — это о прошлом, о завершившемся. Но когда вдумываешься, охватывая мысленным взором всю неподъёмную громаду последствий войны, — с каким-то внутренним оцепенением осознаёшь, что по-настоящему она ещё не закончилась...

Поэтому писать о ней — нужно. Необходимо. Писать, говорить, напоминать, предостерегать молодых, многим из которых кажется, что речь идёт о чём-то из разряда «глубокой древности». Пусть кажется, понимание придёт потом. Да, слава Богу, и сейчас далеко не все из них так беспечны.

«Я, как и мои ровесники, не знаю войны. Не знаю и не хочу войны. Но ведь её не хотели и те, кто погибал, не думал о смерти, не думал, что не увидит больше ни солнца, ни травы, ни детей».

(Т. Дабырова. «Фронтовой путь моего прадедушки»)

Если немного акцентировать тему «эха» событий, — стоит особо отметить вошедшую в этот выпуск серию рассказов Петра Панасейко под общим названием «Давным-давно была война», где представлена широкомасштабная, можно сказать — панорамная, картина происходящего со страной и народом спустя несколько десятилетий после Победы. Автор просит не воспринимать его рассказы как документалистику: образы героев являются обобщёнными, собирательными, — однако за ними стоят судьбы многих и многих реальных людей. Это яркие, живые портреты целого поколения. Бывший фронтовик, ставший в мирное время преподавателем,

давателем и сумевший вложить в своих подопечных, помимо обычных школьных премудростей, стремление воспитывать в себе смелость и правдолюбие. Фронтовые друзья, пути которых жизнь снова сводит самым неожиданным образом. Женщины, очень по-разному пережившие кто плен, кто потерю супруга. Есть здесь и несколько историй предательства, которое пусть с запозданием, но бывает разоблачено и наказано. А особенно щемящими оказываются образы пожилых людей, растерявшихся в новых экономических реалиях, трогательно беззащитных перед чужой чёрствостью — потому что не привыкли, не научились защищаться от своих. Но в конечном счёте справедливость торжествует и здесь, сама жизнь неисповедимыми путями выручает героев из неприятностей и передряг.

Завершают серию три статьи о советских военных кинофильмах — и по прочтении вам наверняка захочется пересмотреть их (а может быть, увидеть впервые).

«Все войны когда-нибудь заканчиваются, — пишет Валентина Подгайская в очерке «Детство, опалённое войной», — трава пробивается из-под пепла, дети, пережившие войну, вырастают и воспитывают своих детей...» Будем же бережно относиться к миру, в котором нам выпало жить. И помнить о тех, кто отстоял для нас эту возможность.

Анастасия Русских

Галина Безменова

г. Барнаул, Алтайский край

*Памяти Прокопия Ивановича Булыгина,
Алексея Ивановича Минченко*

Девятое мая! Трава молодая.
Зелёная тушь на ресницах кленовых —
Нам дедушка всё завещал, погибая,
И даже во внуках свой взгляд васильковый.

Что для меня, без стариков живущей, войны?
Фашизм, насилие... Как можно допускать?
Ничем той дикости безумной, непристойной,
Не соразмерной с платежом, не оправдать.
Давно понятна мизантропов хитрость людям.
Война — последний аргумент, и до него
Не подло ль было опускаться? За валютой?..
Когда история научит и кого?..

Фронт забирает самых лучших и бесстрашных.
В сороковых с другими вместе полегли
Два деда наших; первый — в схватке рукопашной,
Другого позже, в сорок третьем привезли
Из госпиталя чуть живого — кожа, кости...
Беззубый, злой, и ужасом глаза полны...
Предстал перед женой (хоть сразу на погост ему...)
Полуживой визиткой варварской войны.

Когда окреп, за окончательной победой
Под бабий вой — на фронт! И смертью был сочтён.
В трагическую ткань времён войны одета
Была нетленная любовь, но мир спасён!

И героизм, и мужество людей впоследствии
Примером стали торжества добра над злом.
Оплачен долг достойной жизнью по-советски.
Но если что... есть опыт справиться с врагом.

ПЕЛАГЕЯ

Очерк

Выходные дни лучше планировать заранее, иначе не увидишь, как пролетят, и ничего полезного не сделаешь. Известно ведь: время – тогда богатство, когда им воспользуешься. Вот и у меня однажды так вышло. Проснулась субботним утром, планов – никаких, лежала-лежала и незаметно погружилась в воспоминания из детства о моей единственной бабушке Булыгиной Пелагее Андриановне. Остальных стариков, как и у многих из нашего поколения, унесла война. Наверное, поэтому я очень дорожила своей любимой бабулечкой.

Мне было всё равно, какой она была, главное – была! Сельчане её уважали, прислушивались к её мнению и часто спрашивали совета по разным житейским вопросам, касалось ли это хозяйства, скотины или огорода... Помню, прибежала как-то раз соседка и кричит ей с порога: «Поля! Поля, где ты? Помоги – корова разродиться не может». Бабушка взяла навесной замок с ключом, ведро воды и пошла в стайку, где корова соседская телилась. Мы, ребятишки, – за ней, да так, чтобы под ногами не путаться, иначе прогнать могут в два счёта. Бабушка опустила замок в ведро с чистой водой и ключом открыла его там, что-то ещё пошептала, дала эту воду выпить корове, и та вскоре принялась телиться. Нас всё равно выгнали. А корова принесла бычка.

Летом бабушке пришлось ещё раз наведываться к этой отелившейся корове, соседка негодовала, что та не даёт себя подоить. Так наша баба Поля поговорила ласково с коровой, присела с правой стороны и струйками молока из вымени давай в копыта корове брызгать. Глядь – в копыте-то гвоздь торчит – наступила где-то.

– Ах ты шалавая, – заругалась хозяйка на свою бедолагу, – опять на стройке шарилась, трава там тебе, что ли, слаще... Спасибо, Полюшка, ввек бы не догадалась, почему эта бродяжка копытом по ведру лязгает.

С тем и ушли домой.

Бабушка казалась мне суровой, но я искренне любила её и помогала ей, в чём могла. Однажды убиралась у неё в кладовке. Протирая полки, перекладывала разные вещи. Смотрю – книги какие-то. (Это были учётные книги, похожие на разлинованные тетради.) Открыла, начала читать. Это оказались рецепты от болезней. Аккуратным почерком бабушка описывала, какие травы от каких заболеваний помогают. Надо же (!) – целых четыре больших книги! Я зачиталась. Позже мне влетело от неё, за то, что я так ничего и не сделала до обеда. Зато я ещё больше стала уважать свою бабу Полю, такую умную, практичную в жизни. Вот только с папой они часто ругались, я не понимала, из-за чего.

Из рассказов мамы я знала, что у них был труднообъяснимый конфликт длиной в жизнь. Бабушкины недовольства иногда распространялись и на меня. Мне, горячо любившей свою единственную и героическую бабушку, было вначале и невдомёк, что моя банальная схожесть с отцом в чертах лица возбуждала в старом человеке беспричинную ярость; то прут схватит, начнёт стегать по ногам – поторпливать в магазин, не дав и переодеться; то, не разобравшись, камни и бакулки швыряет, громко и безапелляционно уличая меня в том, чего я не делала.

Как стало позже известно, получила я тогда нагоняй вместо своего брата Витьки. Он загнал накануне купленную молодую стельную корову в один пригон со старой. И та её пободала – слава Богу, без последствий. А бабушкины слова прошли сквозь время и вызывают во мне лёгкую улыбку всякий раз, когда я их вспоминаю. Представьте. Иду на речку за водой мимо огорода с ведрами на коромысле, а в меня ни с того ни с сего какие-то камни летят, бакулки деревянные. И бабушка, перелезая через забор, кричит: «Ах ты змея подколодная, ты пошто корову, не спросив меня,

в стайку загнала?!» Какую, думаю, корову? И иду дальше, не обращая на неё внимания, словно ничего и не происходит. Не принято у нас было со старшими спорить.

Только средний брат Витька, шкодливый от рождения, всё-таки потом отыгрался на бабулечке. На чердаке нашего дома под крышей он нашёл жбан с краской, с серебрянкой, набрал немного и предложил нам с младшим братом Серёжкой вместе пойти на речку. Там он её поджжёт – удивительное зрелище! Кто его надоумил – не знаю, только при помощи изоленты, спичек и серебрянки он смастерил какую-то «бомбочку», чиркнул о коробок спичек и закинул в огород. Бабушка там как раз сено перекалывала... Витька от хохота потом ещё долго отходил, всё повторял: «Вилы – в одну сторону, бабка – в другую». Вот так всегда было: нашкодит Витька, а ругали меня, и стыдно было перед бабулей тоже мне, а не брату. А вот обиды не было.

У бабушки, кроме меня, было ещё четыре внучки и четыре внука, ей было кого любить и было кого жалеть, а это уже относится не к внукам, а к маме. Её, как самую старшую из троих девчонок, рано, можно сказать, вытолкнули замуж, лишь бы в доме мужик появился. Только мамина семейная жизнь не сложилась с самого начала. Муж, с виду здоровый статный мужчина, оказался пьяницей и деспотом. В конечном итоге она сбежала от него с ребёнком на руках. Второй муж был ещё хлеще первого. Одарённый вроде бы от природы мастер-мебельщик, кроме пьянки, занимался ещё и рукоприкладством. Слава Богу, Витька перенял от отца только талант, а злобы в его характере не было, так... дурь от недосмотра. Он, кстати, родился у мамы далеко от Алтая, в Луганской области на Украине... Мамина сестра Валентина как-то рассказывала мне о своей поездке на Украину в то время.

– Галя, ты не поверишь... Твоя мама с двумя маленькими детьми жила в землянке. Я захожу, а она сшила сынкам пальтишки из своего старого пальто и сидит уже заплатки на них пришивает. У меня сердце сжалось от увиденного. А когда твоя мама рассказала мне, как он порой пьёт

и гоняет её с ребятишками, так я вовсе поклялась, что вытаскую её оттуда во что бы то ни стало и увезу.

Так потом и случилось. Тётя Валя вернулась на Алтай, рассказала обо всём моей бабушке Пелагее, и та, продав осенью порося, поехала на эти деньги и забрала маму с запуганными мальчишками Сашкой и Витькой к себе в Турочак, в родной дом на берегу горной реки Бии.

Этот дом бабушка строила сама со своими девочками. Мама рассказывала, что ещё до рассвета они вставали, доили коров, прогоняли их в поле к пастуху и уходили в лес пилить деревья. Потом мама шла в школу. (Одно время девочки ходили в школу по очереди, так как у них были одни калоши на троих.) После школы мама вновь возвращалась в лес. Все сучья на поваленных деревьях были уже обрублены, и бабушка с мамой принимались пилить: что – на чурки, а добрые деревья – на баню. Потом всё свезли на лошади домой. Серко был крепким конём. Бабушка его берегла. Как иначе справиться одной с хозяйством? Сын Володя, на которого она возлагала надежды, заболел, да так тяжело, что и не выжил. Остались одни девчонки.

Видимо, бабушка чувствовала свою вину перед мамой и мечтала о лучшей для неё семейной доле. А тут в маминой жизни появился детдомовский (безотцовщина – ни кола, ни двора) отслуживший солдат, мой папа, и с проклятиями тёщи увёз её опять на чужбину. Машины письма о том, что папа переписал на себя детей, о том, что она счастлива с ним, что он работает начальником ПМК и много зарабатывает, что он заботливый, любит одинаково и её мальчишек, и нас с младшим братом Серёжкой (нас стало четверо), не растопили бабушкиного сердца. Мы жили хорошо, дружно. Каждое лето приезжали из Иркутской области на Алтай, помогали стареющей бабушке с хозяйством. А позже, когда я перешла в шестой класс, и вовсе переехали к ней в Турочак. Построили дом рядом, хотя папа никогда не был плотником и обучаться этому мастерству ему было не у кого. Строили всей семьёй, и взрослые и дети. (Правда, старший брат Александр окончил военное лётное училище

и служил тогда в Германии, средний брат Виктор был в армии.) Младший брат Сергей забивал мох между брёвнами, докуда дотягивался. Папа обивал потолок и стены дранкой. Мы с мамой месили раствор, потом штукатурили и сушили стены обогревателем. Бабушка готовила. Она ввела за правило всегда ужинать вместе за одним столом.

Всем своим поведением я старалась угодить родному старому человеку. Каждый день я была у неё на подхвате, помогала старушке с огородом, доила её корову, мыла полы, даже тротуарные доски начищала. Бабушка была для меня эталоном сильной личности. Ещё бы! Мужественная, жизнестойкая, умная, красивая, работающая. А пела старинные народные песни настолько хорошо, что, помню, какие-то приезжие люди записывали её исполнение на магнитофон. Я ею гордилась. Для ребёнка старый человек вообще – кладёшь мудрости. Но больше всего меня впечатлил мамин рассказ о жизни в военное время. Именно после него меня переполнило чувство уже безоговорочной любви к родной Пелагее Андриановне.

Жизнь в горах намного суровее, чем можно себе представить. Село расположено в семидесяти километрах от озера Телецкого между двумя большими реками, чистой холодной быстрой Бией и тёплой медленно текущей Лебедью, да ещё озеро... Поэтому туманы здесь не редки, ночью идут дожди, а днём доносится зной. В таких условиях заготовить сено на зиму порой было дело искусства, да вдобавок сенокосы были либо далеко от села на горных склонах, наш был в семи километрах, либо ближе, но за рекой, там у нас было ещё два покоса. Из-за пожаров стог сена раньше глубокой осени нельзя было перевезти в село. А из-за безветрия люди отапливали жильё только дровами. Представить трудно, сколько дров надо заготавливать каждый год на каждую семью. Детства, такого, какое обычные люди себе представляют, у сельских ребятшек не было. Всё лето в огородах, на покосах, часто с ночёвками.

Помню, сплаваемся вниз по реке на лодке с покоса в двенадцатом часу, мотор не заводим, экономим бензин,

да и люди уже спят, зачем шуметь? Отец то и дело закидывает удочку в надежде поймать хариуса.

– Вот тут, перед островом, мы с Серёжкой прошлый раз чуть зверя не догнали! – неожиданно заговорил отец. – Возвращаемся с рыбалки на моторке, сначала думал, показалось – нет, лось плывёт! Мясо бесплатное! Разворачиваю моторку и – за ним, уже придумал, как взять. Да только мотор заглох, гадство, в нескольких метрах. Как же я сейчас рад, что он тогда заглох! Я ведь пока заводил, смотрю – на берег мощными ударами о воду выносит себя вовсе не лось, а огромный тучный медведь. Тучный-то тучный, но с лёгкостью в несколько прыжков скрылся из глаз, только хруст тальника слышно было.

Отец ещё немного посмеялся, дёрнул головой из стороны в сторону, повернулся к другому борту моторки и опять закинул в воду снасть на удилице. Уже подплываем...

В селе танцы, музыка разливается по всей длине реки, иллюминация. А у меня только одно желание – упасть в постель. Какие там танцы! Хоть бы сил хватило умыться, прибрать инвентарь да разобрать сумки. Хотя покос за рекой мне нравился больше, чем за строящимся аэропортом, куда надо было ходить пешком по горам по семь километров. Пока дойдёшь до места, за спиной в рюкзаке молоко от жары и тряски успеваешь скиснуть и сбиться в масло. Утром косить проще. Прохлада, роса на траве, литовка с приятным для слуха хрустом идёт как по маслу. Но к обеду становится невыносимо. Пауты, слепни, дикие осы, пот ручьём. Четыреста раз махнёшь литовкой и бежишь к родниковому ручью обмыться. Потом вновь – в ряд, да торопишься, чтобы сзади идущий косарь тебе по пяткам не резанул. Наконец-то обед. Пока взрослые едят, ты замертво падаешь рядом и успеваешь немного поспать. «За работу!» – незабываемый будильник. На ходу берёшь варёное яйцо, надо же перекусить, приходишь до следующей нескошенной поляны, рядом ручей. Бросаешь в него платок с головы, выламываешь трубочку из пучки и через неё пьёшь таким образом цежённую воду. Мокрым платком

повязываешь голову – хорошо, прохладно! Затем быстро точишь бруском литовку, благо навык уже есть, хотя первый раз без крови не обошлось. Теперь мой большой палец со шрамом повдоль всегда чётко определяет своё местоположение на бруске.

Скосить траву – это ещё не самое трудное в сенокосе. «И в валках – не трава, и в копне – не сено», – говорила мама. Скошенную в валках траву надо переворачивать, а если намочит дождь, то снова ворошить. И только сухие валки сгребаются и навильниками стаскиваются в копны. Копны делали небольшими, чтобы потом на себе (где на всех лошадей наберёшься) свозить и сметать в стог. На стог ставили всегда меня, я страшно боялась, но возражать было не принято. Я была лёгонькой, уминая сено, сильно проваливалась, и туда, где проваливалась сильнее, кричала, чтобы накидывали сена побольше. Если навильники с сеном укладывались неровно, я подхватывала их граблями и поправляла, перетаскивала на нужную сторону. Позже, проходя мимо чужих стогов, отец оценивающе произносил: «Смотри-ка, у соседей стог с плечом получился, а у нас Галинка ровненькие выдаёт». В этом заключалась и похвала, и благодарность, и родительская гордость.

Что бы мы ни делали, я всегда примеряла эту работу на бабушку. Как же она без мужа со всем управлялась?! «А-а, глаза боятся, а руки делают, – отмахнулась она однажды, – зато работа от горя излечивает».

В военное время было много сирот, и бабушка, кроме своих трёх девчонок, подобрала и воспитала ещё одну. Никто этим не кичился. Я об этом вообще узнала уже в студенческие годы. Её звали Екатерина Хлыновская. Она выросла и уехала в Горно-Алтайск, как оказалось, насовсем. Я пыталась её разыскать, но на территории Республики Алтай она не проживала. Да и фамилию могла сменить.

Мама была старшей в семье, а значит, выполняла всю взрослую работу. И за скотиной присматривала, и младшие сёстры были на ней, и порядок в доме. Однажды бабушка велела ей сбить сметану в масло в высокой узкой

бадье, специально предназначенной для этого, в маслобойке, а сама ушла на маслозавод, она там работала. Туда и излишки молока, если их можно так назвать, сдавала. Оплачивала выписанные литры сыворотки, которой кормили скотину, в основном свиней. Так вот, мама послушно сбивала масло, да, притомившись, пошла попить воды. А младшие сёстры открыли крышку и намазали белое, ещё незрелое, масло на хлеб и убежали. Маме за то, что она их прозевала, потом досталось от бабушки. Она в горячах схватила бич и стеганула им по заднице. На конце бича оказался узелок, который с кровью вырвал кусок плоти.

Бабушка много чего мне рассказывала из того, за что не могла себя потом простить. Только по её рассказам и можно было судить о суровом военном и послевоенном времени. Ведя хозяйство, бабуля умудрялась ещё и вязать шерстяные носки на фронт. Она их отправляла, наверное, сотнями. Хотя девчонки порой ходили в школу по очереди в одних калошах, обернув ноги газетами. Поверить невозможно.

Говорили, что у бабушки с дедом Прокопием Ивановичем была большая настоящая любовь. В его счастье она находила своё, и всё у них ладилось. Если бы только не война... Как же ей не хватало его! Да что там, все односельчане отправляли на фронт всё, что только могли, лишь бы война поскорее закончилась, лишь бы родные вернулись живыми. Вот и не жалел особо никто ни детей, ни себя. Однажды, в 1943 году, дедушка, а для Пелагеи – любимый родной человек, её муж и опора, приехал из госпиталя на поправку после ранений.

– Господи, – вспоминала бабушка, – его узнать было невозможно: беззубый, ущербный, весь в ранах, как подросток – кожа да кости! Кто ни увидит, удивится. И это вместо богатыря, какого я провозжала на фронт.

– Как там страшно! Я, наверное, не выживу, – словно оправдывая свой вид, произнёс дед. Вцепилась она в него, взвыла белугой: «Не отпущу больше, – кричит, – ты своё отвоевал! Посмотри на себя, каким ты стал, какой из тебя

солдат?!» Книжку его красноармейскую спрятала. Дед целый месяц, пока заживали раны, как будто старался ей доказать, что он ещё ого-го (!) какой боец. Раненый, переделал по дому мужицкие дела. Бабушка подробности не рассказывала, больше плакала, какие там подробности... В страшную ткань времени была облачена её жизнь. Только и жила чувством материнского долга и надеждой на мирное будущее. Лишь иногда, с её слов, она терялась рядом с любимым во времени и, наверное, была счастлива относительно других женщин. Только ушёл он, как срок побывки вышел, опять на фронт. Позже она получила известие о том, что он пропал без вести.

Она его всю жизнь прождала, всю жизнь!

Алевтина Бондаренко

г. Коломна, Московская область

* * *

Поэту Павлу Когану посвящается

Война, бомбёжка, кругом тревога,
Но уже не впервой
Врачи говорили — Павел Коган
Не годен к строевой.

Да кто бы мог удержать поэта?
И в сорок втором году
Он, лейтенант, командир разведки,
Однажды попал в беду.

Враги окружили, прижали к сопке
Сахарная Голова,
И не уйти потаённой тропкой —
Выгорела трава.

Утро — и скоро небо охватит
Светлая полоса.
«Я вас прикрою. Патронов хватит
Только на полчаса».

Он командир, что ещё добавить?
Будет недолгим бой.
Но разведанные нужно доставить
Нашим любой ценой.

Сопка дымилась, сопка взрывалась,
И говорит молва —
Все полчаса вместе с ним сражалась
Сахарная Голова.

И думал он, глаза закрывая:
Есть у тропы изгиб.

Ребята, ребята, чтоб вы добежали,
Я сегодня погиб.

От взрывов чтоб не дымились дали
И светел был солнца нимб,
Чтобы другие стихи писали,
Он сегодня погиб.

Чайки у моря кричат от горя
На разные голоса,
*Ну а где-то в гальнем синем море
Бригантина поднимает паруса...*

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Не забыть тех безусых ребят,
Что на фронт шли отряд за отрядом.
В сорок первом ушли на закат,
Крикнув маме: «Не плачь, не надо!»

Весною ветра молодые проснутся,
Чтоб снова повсюду сады зацвели.
И только они никогда не вернуться,
Чтоб дети и жить, и учиться могли.

Эта боль от тяжёлых утрат
Не излечится времени бегом,
Укрывая могилы солдат
То осенней листвою, то снегом.

Но каждой весной, вспомнив всех поимённо,
Приспустит страна боевые знамёна,
И, память о каждом солдате храня,
Народы у Вечного встанут огня.

И наступит минута молчания —
Наша память, и боль, и признание,
Где сердца в унисон бьются, словно набат.
Мы помним твой подвиг, солдат!

Лилия Войнова

г. Бийск, Алтайский край

ВОЙНА ЖИВА

У меня не было дедушек,
Их убила война.
Папа вырос в детдоме. Мама —
До сих пор голодна.

Вечерами часто по пятницам
Папа, пьяненький, вспоминал,
Как он шёл из тюрьмы от матери,
Арестантский хлеб уминал.

А у мамы был — смех сквозь слёзы:
В огороде росла белена,
Мама съела — и в пляс пустилась!
Хоть с рожденья была скромна...

Папу сгубят табак и водка —
Эх, детдомовская шпана!
А для мамы вся радость жизни —
Подчищать тарелки до дна...

Две судьбы изломаны с детства,
Как ни правила их тишина.
От войны никуда не деться,
В каждом доме жива война.

КРАСНЫЕ ВЕНКИ

Красные венки пуль-очередей
Делят нас на птиц или лошадей?
Делят нас на «SCNELLE!»*
Делят нас на «HEIL!»**
Делят на «Пожалуйста, ты не умирай!»...

Грузно шёл состав — ночи резал сыр.
Миг... И перестал улыбаться мир.
Небо и земля превратились в соль.
Падают друзья, жертвуя собой.

Где-то в городах стаи голубей.
Тонкой стружкой страх:
— Думай о себе.
Не стони, Земля — втоптан урожай...
По родным полям души воскрешай!

...Красные венки пуль-очередей
Делят нас на птиц или лошадей...
— Ты теперь мишень! Ты один в ночи!
Пепел деревень о тебе кричит:
— Ты теперь мишень! Ты один в ночи!
Пепел деревень о тебе молчит.

Запорошены снегом глаза.
За усталостью дня — никого.
Птичий гомон во сне подсказал,
Что свобода дороже всего.

За тобой перелески бегут,
Но сугроб укрывает тебя.
Ты забыл, что такое уют, —
Ты нисколько не жил для себя.

Только Родина, правда и честь!
Это всё, что стоит за спиной.
Весь твой выбор — сейчас или здесь.
Кто командовал этой войной?

Победителей стали судить.
Победителей стали сажать.
Дайте, братцы, свободы испить
И обнять престарелую мать!

От системы в мороз и туман
Я бегу, а скорее — ползу...
Тот, кто выдумал этот обман,
В День Победы пропустит слезу.

Свято верили мы в идеал,
В то, что равенство выше всего...
Замерзая в снегу, я шептал:
«Здравствуй, мир!»
А вокруг — никого.

Правдолюбец, я правды не знал —
Только вера превыше всего.
Над сугробом Творец прошептал:
«Здесь свободы твоей торжество...»
Запорошены снегом глаза.

* SCHNELLE (нем.) — скорее (шнель!).

** HEIL (нем.) — приветствие (хайль).

ФРОНТОВОЙ ПУТЬ МОЕГО ПРАДЕДУШКИ

Великая Отечественная война — одно из самых ужасных испытаний, выпавших на долю советского народа. Её тяжести и кровопролития наложили огромный отпечаток на сознание людей. Тысячи и сотни погибших за Родину... Хотя со времени войны прошло семьдесят четыре года, подвиг русского народа остаётся в нашей памяти навсегда.

Я, как и мои ровесники, не знаю войны. Не знаю и не хочу войны. Но ведь её не хотели и те, кто погибал, не думал о смерти, не думал, что не увидит больше ни солнца, ни травы, ни детей. Я думаю, что война — это великий урок для всех людей. Мы, нынешнее поколение, родившееся в мирное время, изучая историю своей страны, своих предков, понимаем, насколько тяжелы были испытания войны, сколько горя принесла она людям, как нелегко было переосмысливать нравственные ценности перед лицом смерти и насколько ужасна смерть. Но, несмотря на всё это, народ встал на защиту своей Родины.

Так, в годы Великой Отечественной войны в ряды Красной Армии были призваны более 30 миллионов граждан нашей страны. В их числе были 6460 малопургинцев. Из них погибли в боях 1366, пропали без вести 1926. Были замучены в концлагерях 26, умерли в госпиталях 256 жителей района. Возвратились с победой 2850 малопургинцев, среди них был и мой прадед Тубылов Матвей Николаевич.

Интересна судьба моего прадеда, которым я горжусь. Он родился в 1912 году в селе Малая Пурга, в семье крестьянина. Окончил начальную школу в 1924 году. Работал в Малопургинском потребобществе два года, затем в Агрызе в НЖЧ, в колхозе «Юж-Пурга». С 1 января 1940 года служил в армии на Финском фронте. С октября 1940 года по 22 июня 1941 года работал в колхозе «Юж-Пурга», а через два его из города Воткинска отправили на фронт. Дедушка расска-

зывал, что их было 5500 человек, все они были из Удмуртии. 3 июля 1941 года в городе Великие Луки их разбомбили, где 330 человек погибло. Дальше они поехали этим же составом в направлении Литвы. Между городами Витебск и Псков на их состав направились четыре самолёта с опознавательным знаком «Красный крест». Они думали, что это советские самолёты, но самолёты стали бомбить поезд. Половина солдат погибла. Здесь-то и его ранило. Солдаты вынуждены были бросить состав, обратно отступить до города Великие Луки. Там их вооружили, дали обмундирование, а затем они участвовали в боях с немцами в Московской и Калининской областях. 6 сентября 1941 года прадед получил ранение под городом Андринополь. Был в 38-м отдельном полку, ранен в правую ногу. Лежал в городе Торжок, городе Калинин, в Москве, в Рязани, Тамбове, Саратове. 7 января 1942 года из Саратова был выписан в строевую часть, попал под Волоколамск, воевал три-четыре дня. Потом часть направили на Валдайскую возвышенность, где наши войска окружили 16-ю немецкую дивизию. В том бою русские солдаты разгромили немцев. В селе Ромашево моего прадедушку ранило в правую ногу. Лежал в госпиталях до 20 июня 1942 года. С 1 ноября 1942 года находился на курсах в городе Высоковск. С ноября до 1 января 1943 года был в 262-й стрелковой дивизии в отдельном учебном батальоне. Часто бывал в разведке.

Во время ночных разведок узнавали количество вооружений и количество гитлеровцев. Между городом Белой и городом Смоленск в самых удобных местах немцы имели долговременные огневые точки — доты. Приходилось несколько раз разведывать ходы и выходы дотов противника. 1 января 1943 года блокировали немцев, взорвали дот. Убили 8 фашистов, одного пулемётчика забрали живым в плен, достали ценные документы, разрезали все телефонные линии, за что мой прадедушка Тубылов Матвей Николаевич был награждён орденом Красной Звезды, и тут же он получил ранение левого коленного сустава. Лежал в госпиталях Кирова, Советска, военном госпитале Б799. И оттуда вернулся

домой. Работал счетоводом, председателем Малоपुरгинского сельсовета, секретарём в Райисполкоме, председателем колхоза имени Ворошилова, в райпотребсоюзе, в заготскоте, в коммунальном отделе, в райсобесе, в пожарном обществе в ДГТО, в колхозе «Юж-Пурга» кладовщиком. Прадедушка умер в 1996 году.

Мой прадедушка награждён орденом Красной Звезды, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», «50 лет Вооружённых сил СССР», «60 лет Вооружённых сил СССР». С 1932 года – член ВЛКСМ, с 1945 года – член КПСС. Являлся ветераном труда.

Великая Отечественная война принесла много горя. Но победа была за нами, русскими. Победа, которая досталась дорогой ценой. Многим мы обязаны своим дедам, прадедам, которые сражались за Родину, за жизни родных и близких. Мой прадедушка достойно защищал Родину с оружием в руках и достойно помогал в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства. Наш народ – миролюбивый и хочет, чтобы мы, молодое поколение, никогда не пережили тех ужасов войны, которые пришлось пережить нашим прадедам.

Анна Дьяконова

г. Пятигорск

НАДЕЖНЫЙ ТЫЛ

С кудели серой, пышной вьётся нить,
Размеренно постукивает прялка,
В окне рожочек месяца грустит,
Тихонько песнь заводит молодайка.

В ней грусти много, горечи, тоски
О женской непростой, тяжёлой доле.
Дождаться б милого дружка с войны, –
Любовь её томится, как в неволе.

Давно овечью распушили шерсть.
Трещит огонь, посвистывает чайник.
Газету принесли, надо прочесть,
Вдруг вести добрые появятся случайно.

Носки там вяжут, варежки, шарфы,
Мелькают спицы, и клубок размотан.
И всё на фронт бойцам, им так нужны
Поддержка тыла, женская забота.

Здесь не слышны разрывы, тихо так:
Фитиль горит от лампы с керосином.
По рельсам стук колёс, и товарняк
Спешит доставить ценный груз транзитом.

Домой с войны ждут весточек родных,
Надежду в своём сердце носит каждый.
Пусть все они останутся в живых,
Отстаивая пядь земли отважно.

Пришла тогда суровая пора,
Отчизна на защиту дружно встала.
Военные тяжёлые года,
Мы помним, как Победа доставалась!

ТЁМНАЯ НОЧЬ

Повесть

*Научить жить невозможно, можно только самому
этому учиться всю свою жизнь.*

Автор

Не пришедшим с той страшной войны посвящается

У Георгия Александровича сильно ныло плечо, болели ноги, струи дождя норовили попасть за шиворот. Шинель промокла насквозь и, казалось, весила не менее двух пудов. Вид у Георгия был неказистый: шинель и гимнастёрка с чужого плеча, синие диагоналевые кавалеристские галифе, тяжёлые чёрные ботинки с обмотками, противогаз в сумке, бутылка с зажигательной смесью, за спиной мешок и трёхлинейная винтовка образца 1891 года. Поговаривали, что это обмундирование хранилось ещё со времён царской армии. Ботинки были не по размеру и от долгой ходьбы натёрли на ногах кровавые мозоли. Каждый шаг давался с большим трудом. Бутылка с зажигательной смесью оттягивала карман, хотелось её куда-нибудь выбросить. Противогаз тоже давал тяжесть при ходьбе. В мешке, который собирала супруга Людмила, лежала пачка печенья, две банки консервов, бритва, хозяйственное мыло, сатиновые трусы, чёрные носки.

С каждым шагом Георгий чувствовал, как его всё больше тянуло к земле. Колонна ополченцев растянулась, ползла еле-еле, несмотря на все крики ротного. Ротный уже сорвал голос, стараясь подогнать строй.

Наступала ночь, шёл проливной дождь, ветер гулял по полю, стремясь сбить упрямую колонну. Вдалеке лес становился то гуще, то реже. Необходимо было успеть занять оборону на одной из прилежащих дорог.

Фашисты рвались к Москве, казалось, не было такой силы на земле, чтобы могла остановить эту германскую машину.

Время разделилось на секунды, и каждый промежуток времени влиял на чашу весов, которые качались из стороны в сторону, решая, есть ли время жить или уже пора умереть России. Война была другой, совсем не плакатной, которую показывали в кино. Много, очень много гибло людей. В войсках не работала связь, горели танки, не хватало снарядов, мотоциклов, биноклей. Всего, что необходимо для участия в бою, не хватало. Кругом — бегущие части, потерявшие управление, куча окружённых дивизий, когда в плен попадали десятками тысяч, преступные приказы командования, которое боялось больше своего начальства, чем врага.

Такова была правда, но была и Родина, которую необходимо было прикрыть, отдав жизнь, задержать немцев на день, час, миг, поэтому и соперничали люди с машинами в скорости, не было у них другого выхода. Понимал всё ротный, кричал и рычал, чтобы успеть к дороге, а там как Бог даст.

Входила эта рота в седьмую дивизию народного ополчения. Сформирована была она в Москве в здании школы. Подразделение состояло из учащихся МВТУ имени Баумана, заводских рабочих. Георгий Александрович до вступления в ополчение работал преподавателем биологии в школе. Был очень удивлён, что мушка может быть частью механического прицельного приспособления, он всегда считал, что мушка — это просто муха. Фамилия у преподавателя была боевая — Борцов, но Георгий себя борцом по жизни не ощущал. Он и в ополченцы записался, чтобы быть с младшим сыном. Сын Георгия, Виктор, был студентом института, одним из первых записался в ополчение. Смущало его присутствие отца.

«Что я, маленький? Зачем он здесь? Ведь старый уже, сидел бы дома», — думал сын.

«Завтра будет бой. Я, конечно, первым уничтожу танк», — размышлял он.

Как уничтожить танк, каким образом, Виктор не знал. Он даже не предполагал, что уничтожить танк бутылкой очень сложно. Необходимо подпустить его к себе на расстояние

броска, но танк, стреляя из башенного орудия и пулемёта, выкашивает людей. Рядом с танком едет на мотоциклах мотопехота, на колясках с тяжёлыми 7,9 мм пулемётами МГ-34. От попадания пули человека отбрасывает на метры. Разлетается человеческое тело на куски от очереди. Танк утюжит человека, наматывая его на гусеницы.

Весь этот ужас не пугал студента, его занимали будущие награды.

«Вот приду с фронта – меня наградят, а может, орден дадут?»

Возникали у паренька интересные образы: то он подбивает шесть танков, то его целует однокурсница Полина. Ради неё он и пошёл в ополчение. Она на него обратит внимание, когда увидит его в орденах и медалях. Наверное, они потом поженятся. Будет у них много детей.

«Как она прекрасна! Каков стан, фигура, губы! Мечта! Только мешает этот дождь. Ротный орёт, шинель мокнет. Идти всё тяжелее. Скорей бы дойти до места», – размышлял Виктор.

Младший Борцов начал уставать.

Сколько можно идти?

«Ротный, собака, всё подгоняет. Сейчас бы остановиться, в тёплую квартиру. Холодно очень, зубы начинают стучать».

Постепенно Виктор Борцов становился похожим на мокрого цыплёнка. Он стал оглядываться по сторонам. Рядом с ним шёл рабочий с завода «Ленинец». Усатый, хмурый человек. Грустное лицо, честный взгляд, натруженные руки. Шёл рабочий. Казалось, что он не чувствует усталости, сомнений. Несуразная одежда ополченца на нём смотрелась даже немного красиво. Конец винтовки был обернут клеёнкой, чтобы не попала вода. От рабочего веяло такой уверенностью, силой, что Виктор понял: рабочий умрёт, но с места не сойдёт. Такого человека можно убить, а победить – никогда! Стало Виктору немного легче.

«Если среди нас есть такие люди, значит, не всё так плохо», – решил он.

Ротный Сергеев Иван Михайлович стал командиром ввиду сложившихся обстоятельств. Было ему около 25 лет. Иван понимал, что народное ополчение – это самый последний резерв. Резерв, которым на малое время можно заткнуть дыры в обороне. Бросок до места назначения предстоял немалый – двадцать пять километров. Тем более для городских жителей, которые привыкли ездить на транспорте. Ноги их не привыкли к переходам и долгому хождению. За спиной ополчения нет никого. Отступят они – и дорога на Москву свободна. Погибнут все, шансов нет, или попадут в плен, что ещё хуже. Оглядывал Иван своё неказистое войско, прикидывая, как расставить людей, чтобы подольше задержать врага и не зря отдать жизнь.

«Вон идёт студент, наверное, мечтает о подвигах? Чудак, война не то, что показывают в кино и пишут в книгах. Надо взять у него винтовку и отдать кому-либо, пользы больше будет».

У меня в роте 86 человек, в бою никто не был. По уставу должен в роте быть пулемётный взвод со станковыми пулемётами. Один расчёт миномётчиков с пятидесяти-миллиметровыми миномётами. Ручных пулемётов в роте должно быть двенадцать штук. Два снайпера, а также четыре санитары. У меня должен быть заместитель замполит.

А у нас в роте? Почти нет ничего. Семьдесят пять винтовок, пять пистолетов, один ручной пулемёт Дегтярёва ДП-27. Ещё бутылки с зажигательной смесью, несколько гранат. Никакой артиллерии. Снайперов нет, один фельдшер. Что я могу сделать с немецкими танками и мотоциклами? Ничего. Только умереть. Видеть, как гибнут люди, как по ним будут ездить танки и мотоциклы. Видно, судьба у меня такая! Жаль, но выжить не могу! Главное в плен не попасть. На этот случай лежит в кармане граната».

Подгонял Иван людей, гнал что было сил, жалея их. Всматриваясь в их лица, думал: «Вот с кем придётся умереть!» Хотел помочь своим солдатам, но не мог, поэтому злился на них, на себя.

Брёл Иван вместе с ополченцами, и невесёлые мысли лезли ему в голову.

«Почему мне так не везло в жизни?»

Вспомнилась родная деревня Псковской области. Родители умерли от голода в 20-х годах. Рос сиротой, работал пастухом в колхозе. Пастух профессия очень значимая в деревне. Ивана в деревне знали все. Выбрали его в пастухи всей деревней. В течение сезона работы он по очереди столовался и жил в каждом доме, в зависимости от количества скота. Каждая хозяйка стремилась накормить пастуха как можно вкуснее. Самое лучшее выставлялось на стол. Не дай Бог, Иван скажет в деревне, что кормили плохо. Было негласное соревнование, кто лучше накормит пастуха. Все жалели сироту. В крестьянских семьях было много детей. Как было прекрасно жить и радоваться жизни! Иван больше всего любил столоваться и ночевать в семье Сидоровых. Очень нравилась ему дочка главы рода. Настенька была хохотушка, весёлая, игривая девочка. Когда Иван ещё был ребёнком, Настя часто приходила помогать пасти коров. Приведёт свою козу Клаву, привяжет к колышку и начинает играть в пятнашки с Ванькой. Ванька был ещё подпаском. Старик пастух поворчит и отпустит Ивана бегать с Настенькой. Дети наиграются, набегаются, отвяжет девочка козу и уходит домой.

Чем больше проходило времени, тем сильнее привязывался к Настеньке пастушок. Однажды принесла Настенька Ивану в подарок маленькую куколку, сделанную из деревянных бусинок. Шло время, и в один прекрасный день понял Иван, что не может жить без девушки. Решил вечером после работы сходить к Сидоровым и попросить руки дочери.

Отец Настеньки был хмурым, серьёзным человеком. Он был недоволен властью: когда образовался колхоз, отобрали почти всю живность. Самого главу семьи чуть не раскулачили. Могли расстрелять или сослать в Сибирь.

Крестьянский двор Сидоровых состоял из избы-шестьстенки, клетки, хлева, конюшни, гумна. Нетипичная их изба – это объединённые под одной крышей два рядом стоящих сруба, связанных сенями и переходом. Иван решил

завести разговор с отцом Настеньки в сенях. Подошёл он к дому, в котором провёл немало времени. Стал заходить на крыльцо, а сердце забилося быстро-быстро, вот-вот выскочит. Собрался с духом Иван и постучал в крепкую дубовую дверь, обитую железом.

– Кто стучит? – слышится голос Андрея Александровича Сидорова.

– Это я, Иван Сергеев, – отвечает Иван.

– А, Ивашка, заходи, – отвечает Андрей Александрович.

– Вы выйдите в сени, у меня к вам разговор есть.

– Ладно, хорошо, выйду.

Вышел Сидоров и спрашивает:

– Что ты меня звал?

– Дядька Андрей, отдай за меня Настеньку.

Андрей Александрович побагровел от гнева.

– Что ж ты, голь перекатная без рода и племени, хочешь в мою семью войти. Вон! Я чтобы тебя никогда не видел у меня дома.

Вышел Иван из дома Сидоровых ни с чем. На следующий день, собрав свои пожитки, решил он уйти из деревни, чтобы не видеть Настеньку. Уехать далеко-далеко, чтобы забыть всё. Поехал он в город Саратов и поступил в танковое училище. Во время обучения носил куколку Насту в кармане брюк, она всегда была рядом. Окончил танковое училище в звании лейтенанта и был назначен командиром взвода танка Т-26. Бронирование танка было противопопулярным. Базовым средством внешней связи служила флажковая сигнализация.

Получил Иван танк, а тут война. Кругом неразбериха, не хватает топлива, боеприпасов. В первом бою сгорели сразу два танка из его взвода вместе с экипажами, не успев сделать ни одного выстрела. Во время боя танк, в котором находился Сергеев, был подбит и загорелся.

Иван вылез из своего люка, наводчик и механик-водитель танка погибли. Первая мысль посетила Ивана, когда пришёл в себя: не забыл ли в танке Насту? Нет, Наста лежала в кармане, как обычно. События разворачивались как в калейдоскопе. Сергеев куда-то бежал, кому-то кричал. Кругом

взрывы, стоны, паника, горели машины, а в них люди. Разбежались остатки экипажей.

После прибытия Ивана в полк вызвали его в особый отдел.

Спрашивает чекист:

– Почему ты, лейтенант, покинул машину без разрешения командира полка? Её нельзя покидать без команды вышестоящего начальства.

Иван отвечает:

– Как я могу спросить разрешения, если у нас в танках нет рации, мы получаем команды с помощью флажковой сигнализации?

– Ничего не знаю, если бы сгорел в танке, то мы бы написали «пал смертью храбрых», а так ты паникёр и трус. Отдам тебя под трибунал.

– Я ещё раз докладываю, товарищ капитан, чтобы получить команду от командира роты, необходимо вылезти из танка и просигналить флажками.

– Ничего не хочу слушать, пишу приказ расстрелять тебя. Родину предал.

Отправили Ивана под охраной в Москву. Доехал танкист, посадили в тёмный подвал, сказали, сиди и жди. Завтра решим твоё дело. Утром прибегает полковник, кричит:

– Ты что здесь сидишь? Все Родину защищают, а он прохлаждается.

Иван отвечает:

– Меня же расстреливать собираются.

– Какой расстрел? Набирают ополчение в школе, назначаю тебя командиром роты. Вот предписание. Бегом в штаб. Получишь боевую задачу. Смотри у меня.

Так и стал командиром роты Иван. Окидывал взглядом прожитую жизнь Иван Михайлович и жалел, что смалодушничал перед отцом Настеньки и уехал в Саратов. Нет Настеньки и её семьи. Деревни тоже нет, сожгли деревню фашисты, а вместе с ней уничтожили в колхозном сарае жителей. Сгорела заживо Настенька. Осталась о ней только память да кукла Наста. Ни одного близкого человека не осталось на свете у Ивана. Не осталось радости в жизни и мечты.

Шёл Сергеев Иван Михайлович на смерть и людей вёл. Хоть небольшая у него в подчинении сила, но сила, отомстит фашистам за смерть Настеньки и свою судьбу! Дорого заплатят фашисты! Все силы и желания слились в одну цель. Успеть до прихода танков к дороге окопаться и, погибая, максимально уничтожить фашистов.

У Георгия Александровича мысли были совершенно другие. Он в них был далеко-далеко от этого невероятно трудного перехода. Вспоминал своё знакомство с будущей супругой Людмилой. Георгий был студентом института, Людмила состояла вольнослушательницей. Многие в то время считали, что учёба отвлекает женщину от её прямых обязанностей: воспитывать детей. Горячие головы утверждали: у женщин другое строение ума, они не могут получать высшее образование. Когда первый раз увидел Георгий девушку на балу, его охватило такое волнение, такой восторг! Он понял, что сильно влюбился. На девушке был надет шерстяной чёрный жакет, изящно расшитый ирландским гипюром, а также юбка из белого кружева, поверх которой нашита чёрная сеточка, расшитая пайетками и бисером.

Надоело Георгию лгать, произошёл в нём катарсис. Он помнил времена ещё до Октябрьской революции. Много было нехорошего в жизни. Но менять так резко ситуацию в стране и проводить красный и белый террор, когда сын убивал отца, а брат брата, Георгий считал непозволительными действиями. Главным в государстве должен оставаться человек со своими проблемами. В новой советской власти про человека стали забывать ради красивых лозунгов и мировых целей.

Сам Георгий происходил из древнего дворянского рода. Отец и мать умерли до революции. По счастью, отец Людмилы состоял в гильдии купцов и подарил им восьмикомнатную квартиру на свадьбу. В 20-х годах пришли комиссары и отобрали часть квартиры. Преобразовали в коммунальную квартиру. Родились друг за другом три сорванца, три радости и счастья. Сергей, Пётр и Виктор. Очень любили своих

детей Георгий и Людмила, души в них не чаяли. Мальчики росли капризные, как все маленькие дети. Много интересно было в семье Борцовых, пока росли дети. Семейные вечера. Никто не садился за стол, если семья не была вся в сборе. Игры в буриме, шахматы. Музицирование на рояле в четыре руки. Выпуск совместной семейной газеты. Постановка различных семейных спектаклей. Постоянно в семье царил веселье. По окончании школы поступил Сергей в педагогический институт. После окончания института был направлен в школу учителем истории.

Вскоре началась война. Сергей был демобилизован на фронт. В первом бою погиб. Пришла похоронка домой. Приходит домой Георгий и видит: стоит его Людмила вся какая-то серая. Посмотреть на неё страшно. Еле успокоил жену Георгий. Да разве успокоишь мать после смерти сына? На всю дальнейшую жизнь останутся в душе незаживающие раны. Поседела Людмила и постарела. Стала бояться за жизнь Петра, который перед войной окончил военное училище. Воевал на Западном фронте. Борцов понимал: смерть второго сына Людмила вряд ли переживёт. Пришлось – очень не хотел делать этого Георгий – сходить на почту и договориться в случае прихода похоронки на сына отдать ему лично её в руки, не сообщать Людмиле. Не много прошло времени – пришла похоронка на Петра. Не сказал жене. Но разве обманешь сердце матери? Каждый день спрашивала о Петре Людмила. С каждым днём лгать Георгию было всё сложнее. Страдал он, не знал, что делать. Недавно прибежал младший и кричит с радостью:

- Ура, я уйду бить немцев, в ополчение записался!
- Ну ты, сын, герой! Пожалел бы маму, – ответил Георгий.
- Петька фашистов бьёт, а я ничего не делаю. Я тоже пойду.
- Сынок, не ходи, мама не вынесет такого удара!
- Странно, папа, ничего страшного, разобьём врага и окончим быстро войну на вражеской территории. Ведь про это все наши советские фильмы. Разве не так?

– Сынок, всё не так просто в этой жизни. Мы, конечно, победим, но пока фашисты подходят к Москве. Много в нашей жизни лжи. Мы ходим на демонстрации с именем нашего вождя Сталина, но многие его, особенно старшее поколение, боятся. Все помнят тридцать седьмой год. Я сам боялся, что меня, как человека графских кровей, уничтожат. Мама наша из семьи купцов. Мы скрывали это от вас, чтобы не навредить вашей жизни. Я люблю родину, но хочу, чтобы ты остался жить.

- Папа, я комсомолец, не могу бросить родину.
- Сынок, как мы скажем маме?
- Мама поймёт.

Людмила поздно пришла с работы, ей сказали, что Виктор уходит в ополчение. Людмила, услышав информацию о сыне, ничего не сказала, но как будто окаменела. В таком состоянии никогда не видел Георгий свою супругу. Решил старший Борцов сделать всё возможное, чтобы спасти единственного сына.

Утром Георгий сказал Людмиле:

- Люда, я завтра уйду вместе с Виктором в ополчение.
- Зачем? Ты себя погубишь.
- Я постараюсь спасти Виктора.
- Как ты его спасёшь?
- Попробую как-нибудь.
- Главное, чтобы ты, Виктор да сынок Пётр остались живы. Как ты думаешь, Георгий, жив наш Петя? Сердце о нём сильно болит.
- Конечно, жив. Похоронки ведь не приходило.
- Тогда зря волнуюсь, придёт Петя живым.

Шёл Георгий и всё размышлял, правильно поступил или нет? Надо было сказать правду про Петра? Ложь во благо? Нужна она?

«Сколько можно в жизни лгать? – думал Георгий. – Кто отец лжи? Кому мы служим?»

Пообещай глупому человеку, что он станет достойным,

не прилагая усилий, — и он полюбит тебя. Расскажи, что он избранный, — и он сделает тебя кумиром.

Преподнесёшь ему блюдо из сладкой лжи и фальшивых обещаний — и он вознесёт тебя. Проделай то же самое с мудрым человеком — и получишь обратный результат. Испытай себя и посмотри, чему ты поверил, красивой лжи или горькой правде?

Георгий понимал, что завтра его не будет. Войну, конечно, в конце концов выигрывает советский народ. Будет много жертв. Ведь в штабах отчитываются, сколько уничтожили солдат противника, а не сколько погибло своих людей. Неважны потери своего народа. Война обезлюдит страну. Будет много инвалидов, калек, беспризорных детей. Выпустят много книг, большинство напишут те, кто никогда не был в окопах. Правду о войне назовут окопной правдой, стараясь исказить её. Большинство наград получают те, кто был в штабах, а не на передовой. Кто пишет представления к награждениям, тот их обычно и получает. Участники войны очень неохотно будут рассказывать про войну. С кровью, потом и болью будет завоёвана победа. Великая победа великого советского народа!

Всё это понимал Георгий. Для него всё закончится. Осталось немного — спасти единственного сына.

«Как? Каким образом?»

Попробую уговорить ротного, чтобы он дал приказ Виктору отнести пакет в тыл. Тогда сын останется жить.

Пусть живёт Виктор, только бы уговорить ротного.

Останется сын — легче будет Людмиле».

Хоть и не слышали его жена и дети, просил у них прощения Георгий.

«Прости, Людмила, за то, что не сберёг двоих наших сыновей. Прости за все огорчения, которые я тебе принёс вольно или невольно. Простите, дети мои, если когда-либо я был неправ. Всю жизнь я старался жить и поступать по любви.

Спасибо тебе, Боже, что ты мне дал жизнь, прекрасную родину и замечательных детей. Низкий поклон за то,

что благодаря тебе дожил до пятидесяти лет. Умираю в бою за свою родину. Сбереги без меня Людмилу и Виктора. Прости меня, не всегда слышал тебя».

— Ладно, побегу, догоню ротного, — сказал Георгий Борцов. Он крепче запахнул шинель и зашагал быстрее. Ночь сдавала свои позиции. Постепенно начинался рассвет.

30 ноября 2017 г.

Продолжение следует...

СПОСОБНОСТЬ К ДВИЖЕНИЮ ВПЕРЁД

Многие из нас имеют способность двигаться вперёд? Имеется в виду движение не в пространстве, а в своём сознании. Твоё продвижение не покажет декартова система координат, оно мало ощутимо и заметно для окружающих. Главный режиссёр и действующее лицо ты сам. Твоё внутреннее самосознание.

Мелочей не бывает. Есть ли в тебе качества для движения вперёд? Способность прощать и забывать свои реальные или воображаемые скорби в той степени, в которой мы желаем прощения от Бога?

Способность проверять свою собственную жизнь посредством того света, которого мы проливаем на жизнь других?

Способность применить к самому себе то же наказание за проступки, какое ты хочешь видеть для применения к любому другому человеку.

Способность сдерживать данное тобою слово, вопреки любым обстоятельствам, зная, что ничем не стереть намеренную ложь.

Существует такой закон: согласно этому закону человек, испытывающий свет радости, дабы распространить этот Свет в пространстве, должен отдать материальное благо тому, кто в нём особенно нуждается. Сердце того, кто ну-

ждается, в этот момент начнёт ощущать радость, сходную с той, которую испытывал даритель. Самая наглядная практика этого принципа – Солнце.

Можно задаться вопросом: что может один человек? Примеров истинной жизни много. Великих посвящённых и подвижников было множество: Иисус, Будда, Моисей, многие, многие другие. А что делать обычному человеку? Держи ориентир на Свет, стремись к нему. Ведь в обычной жизни можно делать великие дела.

Великая Отечественная война явила миру наряду с ужасами войны множество примеров милосердия и сострадания друг к другу. Один из бесконечного множества примеров доброты и милосердия.

Деревня Самолуково Локнянского района Псковской области находится чуть более 70 км от г. Великие Луки. Деревня известна тем, что рядом с ней находится деревня Голенищево, в которой расположена церковь Святителя Николая Чудотворца, где венчался великий русский полководец Кутузов М. И. В 1936 году церковь была закрыта и заброшена. В настоящее время церковь восстанавливается.

Война началась 22 июня, а 2 июля был уже захвачен Псков. Уже 17 июля шли ожесточённые бои за Великие Луки.

Вначале фашистские войска продвигались по нашей территории достаточно быстро. Эвакуировать большинство жителей не успели. Множество жителей оказались в оккупации и стали жить в тяжелейших условиях. Захватчики пришли и выгнали на улицу жителей деревни, тех, кого не расстреляли. Пришлось строить землянки да жить в сараях и банях. Мальчишки – везде мальчишки, начинают озорничать и безобразничать, не отдавая себе отчёт, что это в условиях оккупации опасно для жизни.

В их душах, как и в душах предков, жила ненависть к врагу и бесстрашие. Стали мальчишки, показывая героизм друг перед другом, воровать у фашистов на станции

то фонарик, то батарейки или другие мелкие предметы. Герой нашего рассказа Саша решил такое украсть у фашистов, чтобы сразу завоевать большой авторитет и зависть у своих друзей. Долго думал и решил украсть санки. Была зима и возможность кататься на них в лесу.

Деревня Самолуково расположена рядом с железной дорогой. Зимой 1942/43 годов шло уже наступление советских войск, и бои были очень ожесточённые. Немцы несли потери, и на станции Самолуково стали появляться санитарные поезда, в которые грузили раненых. Сани у фашистов были отличные, добротные, из бука. Многие бытовые вещи у немцев были лучше советских, качественнее. Задумал Александр пробраться на железнодорожную станцию, когда будут грузить раненых с санитарных саней. Нашёл санитарные сани, но по насыпи вдоль состава ходил часовой. Когда часовой отвернулся, схватил Саша сани и мигом на них скатился с железнодорожной насыпи. Пока часовой снял карабин, пока выстрелил, Сашин след простыл. Александр ходил героем и слыл храбрецом у местных мальчишек.

Этой же зимой наши советские войска стали освобождать Псковскую землю. Станцию стали бомбить советские штурмовики, и поняли местные жители, что фронт приближается к деревне. Необходимо было отходить от деревни в леса: когда движется передний край фронта, пули, снаряды не разбирают, что ты думаешь, кому помогаешь, так же убивают и калечат. Горят дома и полностью деревни. Прибежала пожилая соседка Саши и попросила у его матери эти санки, чтобы вывезти минимальный скарб из своего дома. Саше было жаль этих саней, ведь он рисковал жизнью ради них, но пришлось отдать, необходимо помочь человеку.

Закончилась война, прошло более 10 лет. Саша превратился из маленького ребёнка в статного юношу, отслужил в армии и вернулся в родную деревню. Про санки он почти уже не помнил. Соседка, которой отдали санки, была старой женщиной и умерла. Огромное удивление и радость охва-

тили Александра от известия, что в благодарность за те санки соседка переписала на него дом. Так Саша стал хозяином настоящего деревенского дома. В те годы это было настоящее богатство.

Люди могли и успевали творить добро во время войны. Неужели мы в мирное время не можем делать этого? Кто и что нам мешает? Лень, жадность, карьера, окружение?

Для самого себя нет оправданий. Ты судья, себя не обманешь. Трудись и иди по дороге Света.

Милосердие ко всему живому – и тогда пробьёт час сбора урожая, подготовленный рукою Господа.

18.01.2017

Алексей Курганов

г. Коломна, Московская область

ВЫСТУПЛЕНИЕ «ЛЕВИТАНА»

Еремеич – мужик основательный. Прежде чем что сказать – сто раз подумает. А как же не думать, говорит он. Не подумаешь – такое ляпнешь, что и сам будешь не рад. Или людей подставишь. Запросто! И сам не заметишь!

– Наша часть тогда, в начале семидесятых, в Белоруссии стояла, недалеко от польской границы, – начал он. – И вот, как и положено, на День Победы командование решило собрание организовать. А что за собрание без ветерана-фронтовика? Ну, поехали по ближайшим сёлам, нашли одного. Он кузнецом в ближайшем колхозе работал. Может, в кузнечном деле он и мастер, а говорить – двух слов связать не мог. Всё только матом... Ну, подкатились к нему, объяснили, что да как, да по какому торжественному поводу... Он сначала брыкаться. Дескать, тоже мне, нашли диктора Левитана! Дескать, он – кузнец, а не Левитан. То есть совсем не по выступательной части. Вот если, скажем, конягу подковать или ещё чего по железякам – тогда будьте любезны. А если выступать, то на хрен ему это вообще надо... Целый час его замполит уламывал – бесполезно. Поллитру ставлю, сдался замполит. И закусь. Дед задумался. Литр, говорит. А то сам выступай. И стакан перед выступлением. А ты после стакана говорить-то сможешь, засомневался замполит. Не бойсь, подтвердил этот... «деятель наковальни и горна». Выступлю не хуже всё того же Левитана!

В общем, договорились. Приехали в часть, зашли в клуб. Замполит накатывает ему стакан и огурец даёт малосольный, для закуски. Этот старый мерин, конечно, принял с удовольствием, захорошел и говорит: ладно. Где у вас здесь трибуна? Куда итить? Вот сюда итить, показывает замполит. Ты скажи пару слов и с трибуны выметайся. Нам же только для отчётности, что ветеран выступил. А мы тебя прямо до дому на машине довезём. Останешься доволен.

Вылез этот «Левитан» на трибуну, начал вспоминать. Вот, говорит, был интересный случай уже в самом конце войны. Мы на самой Эльбе стояли – и поступает приказ: захватить мост, на который немцы должны выйти. Ну, мост так мост, дом так дом, баня так баня. Хоть бункер с Гитлером. Нам-то какая разница? Бежим, значит, к этому грёбаному мосту – а навстречу, как командование и предупреждало, фрицы. Впереди один здоровенный такой. Башка чёрная, прям угольная. Бежит, ручищами машет и орёт чего-то по-своему, хрен разберёшь. Ну, я, понятно, автомат навскидку и по нему очередью... Этот чёрный – брык, и всё. Аллес капут и шпрехен зи дойч... Отвоевался за своего фюлера... Да... Только недоразумение вышло. Оказалось, что этот здоровенный – негр... Союзник, в общем... Они тех немцев, что мост охраняли, вперёд нас побили и к нам шли, на соединение. Чтобы, значит, дружба – фройндшафт – брудершафт.

– И чего же дальше? – оживились слушатели.

– А чего... – вздохнул Еремеич. – Кузнеца этого побыстрее с трибуны стащили, в машину засунули – и до этой его драной кузни. Литр дали, не обманули... Замполит после этого неделю белый ходил, как снег. Переживал, как бы ему холку не намылили и куда-нибудь на Таймыр не сослали из-за этого старого дурака. Ничего, обошлось. Но выговорёшник по партийной линии схлопотал, а как же! За потерю бдительности! При чём тут бдительность? Я это вам к чему всё рассказал-то? Чтобы поосторожней с разговорами! А то так можно набалаболить – мало никому не покажется!

Александра Менъщиқова

г. Курган

ДВА БРАТА

*Посвящается моему отцу – Казанцеву Николаю Яковлевичу
и дяде Казанцеву Александру Яковлевичу,
погибшему в первые дни войны в 18 лет*

В далёком селенье, где поле
Обилием славилось рос,
Царило степное приволье,
Ковыль повсеместно там рос.
Село неприметным стояло
Вдали от шоссежных дорог.
На озере солнце ласкало
Лучами прибрежный песок.
Среди кучерявых берёзок,
В краю зеленистых лугов, –
Росли там и Санька, и Колька,
Играли в войнушку, в бойцов.

Не стало отца. Так случилось.
Семье тяжело без него.
Одна за двоих мать трудилась,
Судьбу обойти нелегко.
С годами утихли все грозы,
Былые невзгоды прошли.
Война. Материнские слёзы.
Сыны на защиту ушли.

Смогли. Отстояли Россию
И храбро держались в строю.
Вернулся сын Коленька с боя,
Погиб Санька в первом бою.
Покоится в братской могиле
Вдали от родного крыльца.
Растут там цветы полевые,
Сверкает слезою роса...

22 июня 2016 г.

ТРОФЕЙНЫЙ ПАТЕФОН

Скамейка. Дворик небольшой,
Где в юности встречались:
Стихи читали под луной,
Мечтали и влюблялись.

И под трофейный патефон
Мы вальсы танцевали.
Никто не знал, откуда он.
У тёти Луши брали.

А патефон прошёл войну
С хозяином на пару.
Крутил пластинку не одну
В затишье на привале.

Домой вернулся фронтовик
Израненный к Лукерье.
«Ей повезло – пришёл мужик», –
Судачили за дверью.

Лишь с год всего-то и прожил,
А патефон трофейный
Пластинки на скамье крутил
В тот год послевоенный.

11 марта 2018 г.

ДЕДУШКИНА ЕЛЬ

Зиму снежную люблю,
Не страшны метели.
Выхожу гулять в пургу
У высокой ели.

Ель у дома посадил
Дед перед войною.

Из ведра её полил,
Потрепал рукою:

«Ты расти тут без меня».
И печаль во взоре...
И слышала родня
Весть дурную вскоре.

Рядом с елью из лозы
Папа сплёл скамейку.
«Поливай, дождя не жди».
И вручил мне лейку.

Мы у ели той цветник
Разбиваем летом.
«Не забыт наш фронтовик», –
Говорим при этом.

Наша дружная семья
Память чтит о деде.
Не пустует и скамья,
Ходят к ней соседи.

Машет лапами мне ель.
С вьюгой я играюсь.
Намела сугроб метель.
Я с него катаюсь.

Вьюга ель не заметёт,
Лишь слегка припудрит.
И, как только май придёт,
Ель пушистей будет.

1 февраля 2018 г.

ПОСЛЕ БОЯ

Мы после боя, подсчитав свои потери,
В траншее покурить со старшиной присели...
Кисет с махорочкой пошёл у нас по кругу!
С ней папироску я скрутил себе и другу.

Дымок душистый ощутили наши ноздри.
И только тут я понял, как мне сегодня повезло...
Из мясорубки целым вылезти непросто,
Но в этот раз я вылез, всем смертям назло.

Друзей немало на высоте той осталось!
И старшина, подумав, фляжечку открыл...
Налил он водки нам по очереди малость
И закусить кусочек сала предложил...

Друзей погибших мы по-братски помянули!
«Земля вам пухом!» — на прощание пожелали.
Слезу скупую потихоньку с глаз смахнули,
Отмстить по полной за пацанов пообещали...

КАМИН

Поленья в камине, горят огоньки золотые.
Тепло излучая, смола на поленьях шипит!
Давно отшумели денёчки мои молодые,
А сердце, как прежде, волнуется, плачет, болит.

Не хочется верить, но молодость к нам не вернётся,
Подкинула жизнь нам добра — на виски серебра.
Но мысленно ты ещё там, где твой друг остаётся,
Не вышел из боя, а просто шагнул в небеса!

Камин языками огня чудеса совершает,
Из мёртвых поленьев берёз извлекает тепло!
Меня без друзей, не пришедших с войны, согревает,
И мне, хоть и грусть на душе, почему-то светло.

Светло вспоминать, как когда-то чудили с друзьями,
Девчонок своих провожали до самых дверей!
В любви им до гроба клялись, их любить обещали
И в небо пускали причудливых сизарей!

СЁСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Средь боли, крови и войны
Они, как Господа создания —
С крестом пурпурным на груди,
Смягчали раненым страдания.

«Сестричка, пить! Уж нету мочи!»
«Прости, родной, терпи, нельзя,
Уж больно сильно кровоточит...» —
Сказала, кружку унося...

Здесь те, кто храбро воевал
И грудь свою от пуль не прятал!
Страну от гадов защищал,
От боли, раненый, не плакал.

А сёстры те, кто будто ангел,
Бежали к ним без промедления!
Забытым словом назывались —
Сестра любви и милосердия!

И в темноте, без глаз чужих,
Когда лица никто не видел,

Слезами сёстры заливались,
Как будто кто-то их обидел...

Война – призвание мужчин.
Но их страдания облегчить
Сестричкам лишь давал Господь!
Лицо Войны очеловечить...

ВЕРНУЛИСЬ ЖИВЫЕ

Где-то там, на линии фронта,
На границе зла и добра,
Молодые солдаты-мальчишки
Грели руки свои у костра...

Вспоминали девчонок любимых.
Матерей вспоминали своих...
Тяжело на войне без родимых,
Сердцу милых, желанных таких.

Им бы жить и любить на гражданке.
Но страна позвала воевать!
Молодые юнцы и подранки
Научились врагов убивать.

И живые вернулись с победой,
Кто-то в ранах, но грудь в орденах!
Стали парни живою легендой,
Победили врага и свой страх...

Дождались их девчонки родные,
К гимнастёрке прижались щекой
И солёные слёзы пролили:
«Слава Богу, вернулись домой!»

АПРЕЛЬ 45-ГО

Под разрывами бомб и снарядов
И под визгом противным сирен
Мы с тобою о мире мечтали,
И в войне ждали мы перемен!

До Берлина совсем уже близко.
Пол-Европы прошли мы в боях!
За спиною Варшава и Плиска,
Встречи на Елисейских полях...

Мы с тобою давно не туристы.
В сапогах, автомат на плече...
Гоним зверя, Европу зачистив,
И добьём его в волчьем гнезде.

Не в загаре, землистые лица.
От отдачи синяк на плече.
Ведь война не курорты как в Ницце!
Не на пляже, всё время в дерьме...

Потерпеть нам осталось не долго.
На дворе расцветает сирень...
До Берлина догнали мы волка!
Приближается праздничный день.

Над Рейхстагом поднимем мы знамя.
И вздохнёт с облегчением народ.
И девятое мая настанет
И победу в войне принесёт...

ИСТОРИЯ ПРО ЮНОГО ПОГРАНИЧНИКА

Серебрится рассвет над границей,
Над рекою белёсый туман,
Прибыл в часть из самой из столицы
Симпатичный такой мальчуган.

Сирота, партизанил немного,
Полюбили у нас пацана,
И дозором теперь дорога
На мальчишечьи плечи легла.

Мы волчком мальчишку прозвали
За его диковатый взгляд.
Обучали, оберегали,
Домом стал пограничный отряд.

Шла тропинка берёзовой рощей.
Он шагал по росе по сырой.
Разглядел: за тумановой толщей
Заструился дымок голубой.

И кошачьей, неслышной походкой
Продвигался он ближе к костру,
Как когда-то, бездомным сироткой,
Воровато скитался в порту.

Но предательски хрустнула ветка,
Сердце бьётся о грудь воробьём.
«Пусть твердят, что ещё малолетка,
Повоюем и поживём».

И сигнальная взмыла ракета,
Что на случай Матвей ему дал.

Жаль, не дал он ему пистолета,
Он тогда уже сносно стрелял.

В тот же миг вдруг ужалило что-то
И земля из-под ног ушла,
И огромная капелька пота
Под пилоткой висок обожгла.

И, упав на траву безмолвно,
Сквозь ресницы свои разглядел:
Засверкали врага погоны
Среди белых берёзовых тел.

Серебрится рассвет над границей,
Над рекою белёсый туман,
Крепко спит сирота из столицы,
Вечным сном здесь уснул мальчуган

2010 г.

ДАВНЫМ-ДАВНО БЫЛА ВОЙНА

Я долго думал, как назвать серию моих рассказов о Великой Отечественной войне, публикуемых в настоящем сборнике. Однако, посмотрев на днях повторно замечательный советский фильм «Командир счастливой «Шуки»», остановился на указанном выше названии, ибо меня до глубины души задела звучащая там песня, где есть такие строки:

Давным-давно была война,
Но память нам на то дана,
Чтоб помнить, как весь мир пылал когда-то.
И те, кому по двадцать лет,
Пусть знают, что глядят им вслед
Солдаты, солдаты, солдаты.

Для читателей, которые путают рассказ с документальным очерком, должен сказать, что все мои рассказы, помещённые ниже, являются строго художественными произведениями. Не стоит поэтому искать в них образ автора, тем более родившегося спустя одиннадцать лет после войны, как и его родственников, знакомых, друзей.

УЧИТЕЛЬ-ФРОНТОВИК

Всё дальше и дальше уходят от нас годы Великой Отечественной войны. Всё меньше и меньше присутствуют в школах на «Уроках мужества» её участники. Учителя истории рассказывают своим ученикам о 1418 днях войны, пользуясь учебными пособиями и необходимыми документами. Другое дело, когда в школах историю преподавали учителя-фронтовики. В 1960-х годах их было немало. К скупым строчкам пособий и документов времён Второй мировой войны они добавляли свои рассказы о той войне, непосредственными участниками которой являлись. В классах стояла тишина.

Василий Фёдорович Бойченко, как и все его одноклассники, пошёл на фронт в июле 1941 года добровольцем. На тот момент он ещё не достиг призывного возраста. Не хватало нескольких месяцев, которые он, разумеется, себе приписал в военкомате. Войну прошёл «от звонка до звонка», был несколько раз ранен, в том числе и тяжело. Домой вернулся инвалидом войны. Окончил педагогический институт по специальности «учитель истории». Стал преподавать в сельской школе. В 1968 году в школе появился новый директор. Очень молодой. А, как говорится в народе, «новая метла метёт по-новому». «Выметать» стали пенсионеров. В какой-то степени директор оказался прав, если вспомнить поговорку «Молодым везде у нас дорога». А пенсионерам — «почёт».

Спорить фронтовик не стал, уволился молча. А первого сентября его с распростёртыми руками встречали в школе соседнего села. Как инвалиду войны ему выделили специальный автомобиль. С первого же дня его авторитет в новой школе был таким, что учащиеся шестого класса встречали его, глядя в окна.

Класс до него не считался дружным. Вина за это лежала на прежнем классном руководителе Людмиле Григорьевне, которая, по всей вероятности, в педагоги попала чисто случайно. И сама, скорей всего, мучилась, и подшефных мучила. К счастью, она вовремя поменяла своё место жительства, переехав в город. Освободившийся класс возглавил Бойченко.

Начал он, немного подумав о ситуации, с выборов старосты.

— На фронте жизнь солдат во многом зависит от того, кто ведёт их в бой. От командиров, — рассказывал классный руководитель. — На войне их не избирали, назначали сверху. Главное же — не ошибиться. Я начал воевать рядовым. В моём отделении командиром служил сержант Фомичёв. Звучит приказ командира роты: «В атаку». Мы поднимаемся во весь рост и идём навстречу смерти. Смотрим, а наш сержантик сзади, за нашими спинами. Под пулемётным враже-

ским огнём отделение залегло, первым это сделал сержант. За свою жизнь он дрожал как осенний лист, слетевший с дерева. Поступает приказ командира взвода: «Всем ползти вперед!» Никто не ползёт. Потому что не ползёт командир отделения, а приказывает нам ползти. Тут я не выдержал и первым пополз под огнём, кланяясь пулям. Моему примеру последовали остальные. Доползли до заветной цели только четверо. Пятый – сержант – так и оставался в том окопе. Это происходило на глазах командира роты. После этого боя нас с сержантом поменяли местами. Как командир отделения я не стал мстить сержанту за его трусость. Хотя если бы и захотел, то не успел бы: на следующий день его разорвало на куски вражеским снарядом.

После такого вступительного слова класс единогласно избрал старостой Антонишина Павла. Он устроил всех, потому что с первого раза нашёл общий язык с Василием Фёдоровичем и, как говорится, до того особо «не высовывался».

Бойченко показал себя прирождённым оратором, ученики слушали его часами, затаив дыхание. Вскоре у большинства учащихся любимым предметом стала история. Наравне с другими любимыми предметами. У Павла это: история и русский язык с литературой. Но с этого момента он историей стал увлекаться больше, не переставая дома писать для себя сочинения и вести дневниковые записи. Став взрослым, Павел Антонишин много раз перечитывал свои записи о том, как учитель Бойченко рассказывал им на классном часе о своём первом посещении столицы Советского Союза города Москвы.

Много городов, и советских, и европейских, пришлось освобождать с боями сержанту Бойченко. Пришлось побывать и в самом Берлине. А вот походить по улицам и площадям столицы, посмотреть на её золотые купола как-то не приходилось. Довелось только через двадцать лет, к юбилею Победы.

Можно много и бесконечно ругать Леонида Ильича Брежнева за «застой», но нельзя не отдать ему должное: в его правление к участникам войны повернулись в стране лицом.

Это, говорят, если не врут, при Сталине всех инвалидов войны изъяли с улиц и площадей. Василий Фёдорович в мае 1965 года ехал в Москву за наградами, которые нашли героя спустя два десятилетия. Нельзя согласиться с тем мнением, что награды массово за подвиги советские воины стали получать только после коренного перелома в войне: после Курской битвы. Награждения были и в сорок первом, и в сорок втором горестных годах. Другое дело, что их не успевали получать из-за вынужденного отступления с тяжёлыми боями, из которых живыми выходили не все награждённые. Были раненые, были без вести пропавшие. Имелись и такие, как сержант Бойченко, попавшие после госпиталя в другие воинские части.

– Подъезжаешь на поезде к столице нашей Родины Москве, – говорил своим ученикам учитель-фронтовик, – и сердце начинает учащённо биться. Какая-то гордость берёт тебя за душу: Берлин взяли, а Москву отстояли. И никогда врагу её не видать. Ведь не зря же отдали за неё свои молодые жизни курсанты военных училищ Подмосковья, как и студенты с преподавателями московских вузов. Защищать Москву в годы войны мне не довелось, я воевал на другом фронте. Но кто бы из нас где ни находился, с каких окопов ни поднимался в атаку, мысли всех были о Москве. Выстоит Москва – выстоит вся страна в этой смертельной схватке с немецким фашизмом и его союзниками...

На уроках истории учитель Бойченко придерживался учебной программы. А вот на уроках продлённого дня он отвечал на любые исторические вопросы. Долго он не хотел отвечать на один, по тем временам «провокационный», вопрос: «Почему у многих героев Гражданской войны в России дата смерти стоит в большинстве одна и та же: 1937, 1938, 1939 годы?»

– Это, ребята, страшные годы. Когда мы дойдём с вами до них по программе, я вам расскажу, – был окончательный его ответ. Шестиклассников ответ учителя устроил. Главное: он не промолчал, как это делали другие учителя. Однако правду о тех страшных годах ребята узнали, только уже

став взрослыми, в годы Перестройки. Но никто из них не сомневался в том, что если бы у них и в последующих классах историю преподавал Василий Фёдорович, они эту правду узнали бы значительно раньше. К сожалению, в следующем году историю преподавал другой учитель, который руководил и классом.

Полистав дневниковые записи, Антонишин с улыбкой прочитал историю со сбором помидоров на колхозном поле. Выполнив норму, ребята стали дурачиться, устроив помидорные бои. Их быстро остановил учитель Бойченко:

– Не надо, ребята, больше этого делать. Помидоры, летевшие по воздуху, напоминают мне ручные гранаты и словно ранят в сердце. До сих пор мне снятся, как кошмар, сны о наших рукопашных боях в окопах, как вражеских, так и своих. Выйти из тех ожесточённых боёв суждено было не каждому из нас. Я несколько раз выходил, но сразу же попадал в госпиталь.

Все молчали, понимая, что невольно причинили душевную боль своему учителю.

Ну и, разумеется, каждый раз бывший староста с удовольствием перечитывает страницы своего дневника, касающиеся их совместного с учителем туристического похода на велосипедах в ближайший от села лес. Дисциплина была среди «туристов» как в своё время у Бойченко на фронте сначала в отделении, затем во взводе. Войну он закончил командиром стрелкового взвода. Сам учитель ехал на своём автомобиле впереди, как и положено старшему. Никто из любителей гонять по селу на велосипедах на предельной скорости на этот раз его не обгонял. И вовсе не из-за боязни сбиться с маршрута и затеряться в украинских степях. Просто из-за глубокого уважения к своему учителю, прошедшему в своё время «долгими вёрстами войны». О чём фронтовик думал в этот момент? Возможно, о том, как под Будапештом пехота шла в атаку вслед за танками. Как его, раненого, бойцы взвода посадили на броню танка, а сами с криком «Ура!» бежали ему вослед. Оглянувшись назад, учитель на мгновение «увидел» вместо своих родных велосипедистов тех солдат

из своего стрелкового взвода. Многие из которых в город не вошли. По понятной на фронте причине: смерть или тяжёлое ранение.

Прошли десятилетия. Павел Антонишин, открывая в очередной раз свои дневниковые записи школьной поры, жалеет только об одном: что так и не узнал дальнейшей судьбы своего любимого учителя. Родители Павла через год выехали из села. Связь времён прервалась. Память же об учителе-фронтовике, как яркая звезда на небосклоне, никогда не исчезнет в душах благодарных бывших учеников и учениц. О таких людях помнят всю жизнь. Они это заслужили.

ДЕТИ ВОЙНЫ

С утра в городской поликлинике не пройти. Возле каждого окна регистратуры толпился народ, желая получить заветный талончик к врачу. Поскольку количество желающих их получить, как обычно, превышало количество талонов, очередь быстро стала таять, люди стали расходиться. И когда молодая девушка с пожилой женщиной подошли к окну регистратуры, то получили бюрократический отказ: «На сегодня к кардиологу и урологу талонов нет и не будет. Приходите завтра». А ещё лучше – послезавтра.

– Вы извините меня, – тихим голосом произнесла девушка, – мы уже третий день к вам ходим и слышим одно и то же. Моей бабушке 80 лет, она войну пережила на оккупированной территории и относится к категории «Дети войны».

– Дети обслуживаются в детской поликлинике напротив, – разговаривая по телефону и, видимо, не поняв смысла слова «дети», ответила ей медсестра в регистратуре.

После этих слов окошко так же быстро закрылось, как и открывалось. А внучка с бабушкой направились к выходу. Следом за ними вышел парень, слышавший весь их интересный диалог у окна регистратуры.

– Завтра опять сюда придёте? – спросил он.

— А что нам остаётся делать? — отвечала бабушка. — Мне как таковые кардиолог, уролог пока не нужны, всего-навсего надо снять кардиограмму сердца и пройти УЗИ почек. Но без указанных врачей талонов не дают.

— Я бы вам посоветовал не унижаться здесь, а обратиться в платную клинику.

— Хороший совет, но внучка Алёна окончила лицей, только устроилась на работу и не получала ещё заработной платы. А моей пенсии не хватит. Живём вдвоём.

— Ничего, хватит. Я знаю, где стоимость медицинских услуг вас обеих устроит. Хотите, я подвезу туда? Правда, это на окраине города.

Бабушка с внучкой поверили словам молодого человека и поехали с ним. Парень сразу же спросил, где бабушка провела годы войны. Услышав, что на Украине, попросил её рассказать об этом. Он учился на факультете журналистики и собирал очередной материал в газету. Бабушка ему отказать не могла.

...Когда началась война, Петрова Наташа жила в большом селе. Ей было тогда 7 лет, собиралась осенью идти в первый класс. Отец ушёл на фронт, осталась она с мамой и бабушкой. Вначале было тихо, спокойно. Война в село нагрянула спустя несколько месяцев. В одно не очень прекрасное утро жителей села разбудили взрывы и рёв самолётов в небе. Над селом кружили два немецких самолёта с непонятными крестами, сбрасывая бомбы. Наташа вспомнила, как бабушка вчера говорила: «Ой, быть беде, над селом пролетел немецкий самолёт-разведчик. Наверное, завтра будут бомбить». Её предсказание точь-в-точь сбылось: ни одна бомба просто так на землю не упала, бомбили прицельно: больницу, почту, правление колхоза, тракторный парк. Вечером в село уже заезжали немецкие автоматчики-мотоциклисты. В помещении сельсовета разместился комендант. С этого момента детство у Наташи, как и у других сельских детей, закончилось. Они стали «детьми войны».

Немцы, вошедшие в село, пошли дальше, не встречая никакого сопротивления со стороны Красной Армии. Село не имело стратегического значения, и было принято решение его не оборонять. Более двух лет село жило в страхе. Молодёжь угнали в Германию на принудительные работы. Наташа запомнила на всю жизнь своими детскими глазами, как в центре села стояло несколько грузовых крытых машин и в них немецкие автоматчики загоняли парней и девушек. Кто пытался бежать — расстреливали на месте. В селе остались одни женщины, старики и несовершеннолетние дети.

Казалось, оккупации не будет конца. Но благодаря победе советских войск сначала в Сталинграде, затем на Курской дуге для жителей села, как говорится, «появился свет в конце туннеля». Но вот здесь как раз и начинается, пожалуй, страшное.

Наташа хорошо запомнила тот день. В село понаехало великое множество немецких солдат. Это были отступающие под ударами наших войск немецкие разрозненные части. Первые дни они никого не трогали, а потом вдруг стали всех собирать в школу. Сельчанам стало понятно, что их собрали вовсе не на школьные занятия, только тогда, когда автоматчики окружили школу плотным кольцом, а другие подносили к зданию солому. Кто выскакивал из окон, тут же замертво ложились на землю, чтобы уже больше никогда не подняться. Ни Наташа, ни её мама с бабушкой, как и их односельчане, находившиеся в тот роковой миг в школе, потом никак не могли понять: почему озверевшие отступающие фашисты решили жителей села сжечь живыми в школе, а не взорвать, что было бы быстрее. Видимо, чтобы причинить своим жертвам больше страданий. Поджечь школу долго не могли. На небе появились тучи, а ветер, словно спасая жителей села от неминуемой гибели, разносил в стороны солому.

Как ни обыскивали перед этим всё село фашисты, двум мальчишкам лет тринадцати удалось огородами незаметно выбраться и убежать в соседнее село, находившееся в шести километрах от них. Им повезло: когда они прибежали, туда только что вошёл без боя советский танковый батальон.

Выслушав мальчишек и поверив им, командир батальона, отменив отдых, повёл своих танкистов на помощь соседнему селу. Успели вовремя: поджечь школу так и не смогли. А атака танкистов была такой молниеносной, что расстрелять людей фашисты просто не успели, спасая свои жизни бегством...

– Вот и приехали, – остановив автомобиль возле какого-то здания, сообщил парень, но при этом заметил, что бабушке стало плохо. Вместе с внучкой они провели её на второй этаж медицинской частной клиники. После оказания необходимой помощи внучка повела бабушку снимать кардиограмму сердца, а парень, попрощавшись, уехал – казалось, навсегда.

Когда бабушке сделали УЗИ почек, они вместе подошли к регистратуре, чтобы получить результаты и расплатиться. Получив заключения врачей, внучка медленно, глядя на бабушку, достала кошелек.

- Спасибо вам большое. Сколько с меня?
- Нисколько.
- Не поняла?..
- Уже заплачено.

Тут только внучка догадалась, кто за них мог заплатить. Очень расстроилась, что не смогла отблагодарить незнакомца. Медсестра, увидев её смущение, положила перед ней визитную карточку, где указана была фамилия неожиданного «спонсора»: Родионов Юрий Валерьевич – и телефон.

Добравшись домой, она первым делом набрала указанный в визитке телефон.

- Родионов слушает, – слышалось в трубке.
- Добрый день, вас беспокоит Алёна, за которую вы заплатили в клинике. Вот только не знаю, как вас отблагодарить? Может, подскажете?
- Выходите, Алёна, за меня замуж. Уж больно мне ваша бабушка понравилась.
- А можно я с бабушкой посоветуюсь?

– Можно. Я вам вечером перезвоню, ваш телефон у меня высветился.

Вечером он перезвонил, затем приехал, получив согласие бабушки. С тех пор она со своей внучкой к окошку регистратуры той злополучной поликлиники больше не подходили. Пользовались платной медициной. Что не запрещается.

27.07.2015

Я ВЫБРАЛА ЖИЗНЬ

После победного мая 1945 года в село возвращались не только фронтовики определённого возраста, но и молодые люди, угнанные во время немецкой оккупации на принудительные работы в Германию. Те, кто выжил.

– Владимировна, дорогая, – не вбежала, а влетела в калитку двора соседка Кондратенко, – радость-то у меня какая, моя Светка из Германии вернулась.

- Одна вернулась, а моя Катя?
- Не знаю, соседка, заходи, спроси её сама.

...Света Кондратенко и Катя Симоненко дружили с первого класса, сидели за одной партией. Учились на отлично, но поступить в институт после окончания школы не успели: началась война. В сентябре сорок первого года немецкие войска без боя заняли украинское село. Сначала никого не трогали. Но прошло несколько месяцев – и всё изменилось. По всей округе начались массовые отправки молодёжи в Германию, понятно, что не для отдыха. Цивилизованные немцы в середине XX века начали применять у себя рабский труд. Не избежали этой печальной участи и подружки, Света и Катя.

В Германии их определили на работу на местную фабрику. Жили в охраняемых лагерях. Переносили и холод, и голод...

Через несколько минут соседки уже сидели в доме Кондратенко и, затаив дыхание, слушали печальный рассказ её дочери.

...И в товарном вагоне, и в лагере, и на фабрике подруги не расставались, держались вместе. Однако со временем из-за плохого питания, если его можно вообще назвать питанием, первой заболела Света. Силы медленно покидали её. На работу направлять её перестали, готовили для отправки в крематорий. Никто лечить её не собирался. Да и зачем? Если новая рабочая сила прибывала в лагерь постоянно. Однако спасение всё же к ней пришло. В лице простой немки. Её муж и два сына к тому времени погибли на Восточном фронте, хозяйство имелось большое, не хватало работников. Она в лагере выпросила с большим трудом себе в работники умирающую Свету.

Увидев в доме немку еду, Света набросилась на хлеб. Хозяйка быстро отобрала буханку хлеба, сказав при этом на ломаном русском языке: «Хочешь выжить – ешь по кусочку с перерывами». Она знала, что говорила: истощённый организм не выдержал бы приёма пищи в большом размере после долгих месяцев голодания. Послушав немку, Света в итоге выжила. До самого момента, когда в Западную Германию вошли союзные войска, она работала на винограднике у немки, получая такую пищу, которая позволила ей и работать, и жить. После этого её, как и многих женщин с Украины, не пожелавших остаться в Германии (хозяйка Светы долго её об этом уговаривала), отправили на Родину. Где её ждали мать и младшая сестра. Отец и брат погибли на фронте...

Выслушав Свету, мама её подруги встала со стула, походила по комнате.

– Где моя Катя? Ты убила её! Ты! Ты! Ты! – с криками набросилась она на Свету. – Если она не вернётся, я тебя убью.

– Владимировна, ты что, с ума сошла, – Кондратенко пыталась успокоить разбушевавшуюся соседку, – они же были лучшими подругами.

– Были. Но Света-то твоя есть, а моей Кати-то нет, как это понимать?

Когда Симоненко успокоилась, Света подошла к ней, обняла её и со слезами на глазах сказала: «Тётя Зина, я ни в чём

не виновата, мы с Катей расстались только тогда, когда я не смогла из-за болезни и упадка сил ходить на работу. А Катя продолжала ходить. Она тоже обязательно вернётся». Не ответив, тётя Зина ушла к себе домой в подавленном состоянии.

Прошёл год. Света поступила в институт, о котором они мечтали со своей подругой Катей и в школе, и в кошмарных условиях немецкого лагеря. На её очередной день рождения с поздравлениями пришла и мама Кати. Поздравив подругу дочери и расплакавшись, она снова повторила ту сцену своего гнева, обвиняя Свету в том, что её Катя так и не вернулась. За год судьба её не прояснилась.

Шли годы. Света вышла замуж за одноклассника-фронтовика. Его друг-одноклассник, с которым они прошли трудные военные дороги, как ни пытался узнать о судьбе Кати, так ничего и не узнал, и женился на соседке по дому.

В 1953 году умер Сталин. Затем состоялся знаменитый XX съезд партии. Медленно, со скрипом, начиналась хрущёвская оттепель. Страх постепенно уходил.

Потеряв мужа и сына на войне, Симоненко одна трудилась на огороде.

– Владимировна, бросай работу, тебе письмо, – стоя у калитки, кричала почтальон Нина. – Но письмо не простое, а «золотое».

«От Кати», – подумала её мама и расстояние до калитки преодолела за секунды.

Обрадовавшись вначале, она потом отдала почтальону конверт, на котором обратный адрес был написан по-английски.

– У меня родственников за границей нет, – с грустью произнесла она.

– Да это же от твоей Кати письмо. Давай я тебе его прочту.

Письмо действительно было от Кати, но только не от Симоненко, фамилия значилась другая, трудно произносимая. Текст написан её рукой: в доме у мамы сохранились тетради за 10-й класс и сравнить почерк не составило труда.

«Дорогая мамочка, — писала Катя. — Я очень виновата перед тобой, что раньше не дала знать о себе. Несколько раз пыталась это сделать, но пока жив был Сталин, пока жив был Берия и его репрессивный аппарат работал на полную катушку, ты могла свободно пострадать из-за меня. За то, что я не вернулась из Германии, будучи туда угнанной на работы. Тебя могли судить как мать изменницы Родины. Но видит Бог, никому и ничего я не изменяла.

Когда мы расстались со Светой, я продолжала работать на фабрике, жила в невыносимых условиях. Накануне освобождения американскими войсками силы покинули меня, я медленно стала умирать. Меня спас офицер армии США и отправил на его родину к родителям. Иначе я бы не выжила. Его условием было, что по окончании войны я выйду за него замуж. Мама, прости меня, я согласилась. В той страшной ситуации, в одном шаге от смерти, я выбрала жизнь. Сейчас он мой муж, у нас двое детей, твоих, мама, внуков. Ехать к вам в гости сейчас я боюсь. Меня просто могут не выпустить обратно. Подождём до лучших времён. Бог даст, свидимся. Но не сейчас. Ещё раз прости меня, мама, за то, что я выбрала жизнь. Другого выхода судьба мне не предоставила».

После этого Симоненко пошла к соседке, стала на коленях перед бывшей подругой дочери и попросила у неё прощения. Света её простила. Как-никак были подругами. А в том, что пути их разошлись, — виновата только война.

18.09.2015

ПЛЕЧО ФРОНТОВИКА

Дом Тарасова стоял на окраине села. Когда-то здесь была длинная улица с домами по обе стороны, густо росли деревья, закрывая своими ветками дворы. Но прошли годы, десятилетия, и стали исчезать с лица земли жилые постройки девятнадцатого века. Старики и старухи уходили в мир иной, их дети, став взрослыми, разлетались кто куда в поисках лучшей доли. Ветхие же дома без хозяина рушились от пролив-

ных дождей, сильных ветров, да и просто от времени. Теперь на их месте колосится золотая пшеница.

Алексей Петрович встал сегодня раньше, ибо день был не совсем обычный, предпраздничный.

«Да, завтра будем отмечать очередной День Победы, — подумал про себя фронтовик. — Хотя и не юбилейный, а всё же большой праздник на государственном уровне. Через пару лет будем отмечать и сорокалетний юбилей Великой Победы. Дожить бы только».

Позавтракав, Тарасов вышел на крыльцо кормить своего верного друга Шарика, который не ожидал хозяина так рано.

— Сейчас я тебя покормлю, дружок, потом мы с тобой будем готовиться к походу в школу, где меня просили выступить накануне праздника.

Так получилось, что разговаривать ему в своём доме и дворе было просто не с кем. Жену свою он похоронил два года назад, единственный сын, кадровый офицер Советской Армии, пал смертью храбрых в горах Афганистана, сноха вышла второй раз замуж за немца и уехала жить в ГДР, взяв с собой внучку.

Покормив Шарика и надев пиджак с боевыми наградами, ветеран вышел во двор и присел на скамейку, поскольку до встречи со школьниками у него оставалось ещё много времени. Закрыв глаза, он стал вспоминать былое.

— ...Лейтенант, отходи! — кричал ему боец. — Я прикрою.

Бой за железнодорожный переезд шёл уже несколько часов. А немецкие автоматчики под прикрытием танков всё наступали и наступали, неся большие потери. Переезд защищал взвод молодого лейтенанта Тарасова. На тот момент в живых осталось двое: он и боец Баев, который изо всех сил пытался убедить командира, чтобы тот, взяв документы погибших солдат взвода, отходил. На дворе стоял сентябрь 1941 года, немецкие войска волнами катились на восток, поглощая, словно саранча, всё новые советские земли. Удерживать переезд не было возможности из-за превышающей во много раз численности вражеских солдат.

– Нет, Коля, – отвечал лейтенант. У меня приказ продержаться ещё ровно час, а затем можно отходить. Как раз через час начнёт темнеть. Будем держаться вдвоём. Надо, надо продержаться. За нами рабочий посёлок, в котором много раненых солдат, до ночи их должны вывезти. Держаться, держаться...

Тарасов проснулся от сирены, вышел со двора. По улице мчалась «скорая помощь».

«К кому это? Ах да, я же один живу на этой улице. Ко мне, что ли?»

Из машины вышли два санитары, положили его на носилки и занесли в «скорую». Он подчинился, стараясь понять, что бы всё это значило.

– Здравствуй, лейтенант, – протянув руку, сказал ему находящийся в салоне седой мужчина, – я тот самый рядовой Баев. Как же я вовремя успел. Всё, поехали, по пути поговорим. Нельзя терять время. Алексей Петрович не узнал меня.

– Узнал, Коля, вот только не пойму, куда мы едем и при чём тут «скорая помощь»?

– В сорок первом, когда мне сказали в медсанбате, что ты, лейтенант, тащил на себе меня, рядового, тяжелораненого, три километра, я поклялся: останусь жив, стану врачом и буду спасать жизни фронтовиков уже в мирное время. Больше всего я переживал, что не застаю сегодня тебя в живых, что не смогу подставить своё плечо помощи, как ты тогда подставил мне своё.

– Ничего не понимаю, Коля, объясни подробнее.

После того жестокого боя рядовой Баев «путешествовал» по госпиталям. Потерял память, которая вернулась только через несколько лет. В итоге он благодаря врачам встал, как говорится, на ноги в полный рост. Сразу же пошёл учиться в медицинский институт на кардиолога. Выучился и молодым специалистом был направлен на работу в областную кардиологическую больницу. Где и работал

на момент приезда в село к бывшему своему командиру Тарасову. На днях в областной газете он прочитал письмо сельского почтальона Пантелеевой о том, что в селе живёт одинокий фронтовик. Автор письма привела всего лишь один пример из фронтовой биографии Алексея Петровича. Но это был тот самый их бой. В конце письма говорилось, что районные врачи формально подходят к лечению заслуженного фронтовика. В тот же день Баев затребовал из районной больницы медицинскую карту Тарасова. А изучив её, сел в «скорую помощь» и помчался на помощь своему бывшему командиру. У последнего он обнаружил по записям очень серьёзное заболевание сердца. Нужна была срочная операция. Дорога была каждая минута.

«Скорая помощь» въезжала на территорию областной больницы.

– Ну да ладно, – виновато произнёс Алексей Петрович, – встречусь с ребятами в школе на 40-летний юбилей Победы.

– Да, лейтенант, теперь ты в моих руках, – проговорил Баев, – и я спасу твою жизнь, как ты спас тогда мою. Плечо фронтовика – оно крепкое, всё выдержит.

Операция на сердце прошла успешно, и на сорокалетие Победы Алексей Петрович Тарасов, как и обещал, встретился с учащимися сельской школы. Рядом с ним за столом сидел другой фронтовик – рядовой Баев. Ребята приглашали одного, а пришли двое. И через сорок четыре года перед мысленным взором девятиклассников шёл тот бой из далёкого 1941 года. Все слушали, затаив дыхание. Ведь перед ребятами сидели настоящие герои-фронтовики.

06.08.2015

РИСУНОК НА АСФАЛЬТЕ

Накануне 25-летия Победы в одной из сельских школ проводили конкурс «Рисунок на асфальте». Поскольку школа являлась новостройкой (открыли её месяц назад), то конкурс

притянул к себе в прямом смысле слова не только районных журналистов, но и областных.

Со вступительным словом перед началом соревнования юных художников выступил директор школы. Он, как участник войны, приложил немало сил, чтобы этот конкурс состоялся именно накануне праздника «со слезами на глазах» и непременно во дворе нового школьного здания.

В те советские времена сельские школы были с полными классами. Недостатка в учениках и ученицах не испытывали. Посему понятно, что все желающие участвовать в конкурсе не могли поместиться одновременно на широком, но отнюдь не резиновом дворе. Для начала во всех классах провели свои конкурсы. Десять победителей (по количеству классов) и стали финалистами.

В первые минуты конкурса фотокорреспонденты скучали, но потом, словно проснувшись, дружно взяли в руки фотоаппараты.

Восьмиклассница Арина нарисовала цветным мелом праздничный салют над селом. Десятиклассник Иван попытался на асфальте «снять копию» с бронзового солдата с автоматом, установленного на братской могиле воинов, погибших за освобождение данного населённого пункта. Девятиклассник Степан нарисовал портрет своего дедушки, погибшего у стен Сталинграда. Шестиклассница Ирина по-своему раскрыла тему конкурса: внутри большой цифры «9» находился белый голубь мира, а внизу она дописала: «Спасибо вам, ветераны, за мирное небо». На рисунке семиклассника Юрия, словно вышедший только что из боя, стоял на постаменте танк Т-34. Пятиклассница Тамара ограничилась автоматом ППШ и алой гвоздикой.

Учащиеся младших классов по понятной причине не были так сильны в рисовании, их рисунки здорово отличались от рисунков их старших товарищей по школе. Тем не менее вскоре все корреспонденты собрались возле четвероклассника Коли с его рисунком. А причиной тому послужил пожилой фотокорреспондент областной газеты Кондратьев, стоявший на коленях возле Коли и державший

в руке фото. Никто вначале не понял: в чём дело? Что случилось?

На асфальте смотрелась нарисованная мелом девушка в гимнастёрке и в пилотке. На рукаве виднелась повязка с красным крестом. Сзади неё «выглядывало» здание поверженного рейхстага со знаменем Победы на куполе. Внизу подпись: «Моя бабушка у стен рейхстага».

Оказалось, мальчишка с первого класса увлекается рисованием. Со слов его родителей, у него талант художника от Бога. Пользуясь случаем, он решил посвятить свой конкурсный рисунок своей бабушке Марине, фронтовой медсестре. Для того чтобы из неё не получилась карикатура, он не только тренировался её рисовать дома, но и взял с собой фото военной поры. То есть рисовал он бабушку в молодости с её же фотографии. Её-то как раз и увидел бывший фронтовик. Нет, на фото не было рейхстага. На нём симпатичная двадцатилетняя фронтовая медсестра что есть силы тащила с поля боя раненого советского солдата. Вот себя-то на фото в первую очередь и узнал седой ветеран. А уж потом, стоя на коленях, стал вспоминать тот жестокий бой на территории Белоруссии летом сорок четвёртого года.

...Стрелковый батальон, в котором воевал рядовой Кондратьев, прорывался с боем к реке Березина. Враг отчаянно сопротивлялся. Раненых и убитых становилось всё больше. Но приказ есть приказ. Отступать нельзя. Комбат приказал выносить с поля боя в первую очередь тяжелораненых.

Санитары совместно с медсестрой приступили к выполнению приказа. Увы, исполнить его под огнём было не так просто. Положат одного на плащ-палатку, а у него через минуту «замирает» пульс. Положат другого – та же история. На то они и тяжелораненые. Помочь им, как казалось, было уже нельзя. Так думали санитары-мужчины. К счастью, среди них оказалась и женщина, сержант медицинской службы Марина Титова. Она, оставшись одна (санитары поползли с очередным раненым), вернулась к двум брошенным бойцам, не веря, что они уже мертвы. На войне девушка насмотрелась всякого, случались в том числе и чудеса.

Стала прощупывать повторно пульс, и... у одного из них он еле-еле был слышен. Недолго думая, она, взвалив раненого на себя, поползла с поля боя. Через несколько метров к ней на помощь поспешил лейтенант, фронтовой корреспондент, успевший до этого их сфотографировать.

Через несколько дней во фронтовой газете появилось фото фронтовой медсестры Марины Титовой с раненым солдатом Степаном Кондратьевым.

Вернувшись после операции и излечения в свою часть уже на территории Германии, боец не застал там спасшей его медсестры. За месяц до этого её, тяжелораненую, отправили в тыловую госпиталь. Расписаться ей у стен рейхстага было не суждено. Однако же фамилия Титовой там появилась: её оставил вместе со своей Кондратьев. После войны он пытался её найти, но безуспешно: уж больно ревнивой оказалась жена...

– Твоя бабушка, Коля, так с войны и не вернулась, получается? – придя в себя, спросил Степан Иванович мальчишку.

– Почему же, вернулась.

– И что, жива до сих пор? Где её можно найти, Коля?

– У меня дома. Мы с бабушкой вдвоём живём. Мама вышла второй раз замуж и уехала жить в город к мужу. С чужим дядей я ехать не захотел.

Их диалог внезапно прервал неизвестно откуда появившийся дождь. Но на конкурсе рисунков на асфальте это уже не могло отразиться: жюри во главе с директором школы успело определить победителя. Им стал... ученик девятого класса Иван Тихонов. Почему именно он? Особого секрета ни для кого не было: лицо того бронзового солдата на памятнике у братской могилы здорово напоминало лицо в молодости директора. Да, Олег Ефремович Стоянов был в числе освободителей села. Получив в том бою ранение средней тяжести, он отказался от госпиталя, а добровольно остался на излечении в местной сельской больнице. Уж больно ему понравилась молоденькая медсестра. Будучи неженатым, он после войны вернулся к ней, женился. Окончив педагогиче-

ский институт, из учителя труда в школе со временем перебрался в кресло директора.

После оглашения решения жюри Степан Иванович заметил, что Коля незаметно из здания школы исчез. Дома его бабушке потребовалось много времени, чтобы успокоить внука и вытереть ему слёзы. Конечно, Марина Николаевна переживала за внука, но пойти с ним на конкурс не могла: в тот день с утра ей стало что-то нездоровиться. Однако она себя винила, когда Коля рассказал ей о незнакомом дедушке, который интересовался его бабушкой. Она уже пятый год считалась вдовой: её мужа в мирное время «догнала» война, открылись фронтовые раны.

Девятого мая, в день 25-й годовщины Великой Победы, Марина Николаевна, надев фронтовую гимнастёрку с боевыми наградами, взяв за руку внука, отправилась на торжество в центр села. В то время в сёлах, как и в городах, жили среди нас живые участники Великой Отечественной войны. Поэтому когда фронтовая медсестра Титова появлялась в военной форме на Днях Победы, то на неё особого внимания не обращали: она такая была не одна. Что играло ей на руку из-за небывалой скромности. Однако на этот раз всё было по-другому.

Она заметила, что многие односельчане держали в руках какую-то газету и, как говорится, одним глазом смотрели в газету, а другим – на них с внуком. Женщина не могла понять, в чём дело. Она, разумеется, не догадывалась, что тот знакомый Коле фотокорреспондент опубликовал в праздничном номере областной газеты ту фотографию военной поры со своими комментариями. Рядом находилось фото рисунка на асфальте Коли.

Сам фотограф сидел в тени берёзки, не зная, как ему поступить дальше. Выручил мальчишка. Разыскав в толпе односельчан и гостей дорогого Гостя, он подвёл его к бабушке. Та уже успела прочитать газету и всё поняла.

Объятия и поцелуи фронтовиков вернули их обоих в тот страшный день войны, когда жизнь одного из них могла оборваться в любую минуту, не прояви бдительность мед-

сестра. Много приходилось слышать от ветеранов, читать в книгах, смотреть по телевизору о том, как спасённые от гибели фронтовыми медсёстрами солдаты и офицеры привозили потом домой их в качестве жён. Кто знает, правильно ли они делали, имея дома законных жён или детей?! Но только в нашем случае судьба фронтовиков свела их навсегда только после того, как они потеряли свои вторые половинки (жизнь супруге Кондратьева укоротила онкология).

У самих «молодожёнов» здоровье тоже оказалось не на высоте: фронт есть фронт. Работать на огороде, в саду, содержать животных в своём хозяйстве становилось всё сложнее. Поэтому Новый 1971 год они встречали уже в квартире областного центра. Переездом больше всего оказался доволен Коля, ибо, окончив четвёртый класс, он стал посещать изостудию городского Дома пионеров.

Вступив во взрослую жизнь и став известным художником, Николай Титов с благодарностью вспоминал тот свой первый конкурс рисунков на асфальте. В память о своей бабушке и приёмном дедушке, которых уже не было в живых, он каждый год накануне Дня Победы приезжал в свою родную сельскую школу и на её базе проводил среди школьников областной конкурс рисунков на асфальте.

28.10.2018

В БЕРЛИНЕ, У СТАНЦИИ МЕТРО

В июне 1941 года Илья Харитонов и Игнат Коновалов распрощались со средней школой в станице, где родились и выросли. С первого по пятый класс сидели за одной партой, пока в шестом к ним не нагрянула первая любовь «с косичками». Илье приглянулась одноклассница Тоня, Игнату — Оля. С ними они досидели до конца школьных дней, с ними мечтали связать дальнейшую свою судьбу. Но... внезапно началась война.

В военкомате они попросили направить их на фронт в одну воинскую часть и желательно в одно отделение.

— Насчёт части обещаю, она только формируется, — отвечал капитан, прошедший с Будённым всю Гражданскую войну. — А с отделением будет сложнее, просите там на месте. Главное, ребята, вернитесь живыми домой.

— Оба? — переспросили друзья.

— Ну хотя бы один. Война будет страшной и жестокой. Должен же кто-то из вас потом рассказать ученикам о ней в школе?

— Согласны.

На фронт мобилизованных провожали родители и их школьные подруги Тоня и Оля. Попрощавшись, Тоня сняла с себя крестик и повесила на грудь Илье. То же самое пыталась сделать Оля, но Игнат её остановил:

— Оставь крестик у себя, в такой войне он мне вряд ли поможет, а тебя спасёт. Ты должна жить, Оля. Не обижайся.

Пройдя краткосрочную военную подготовку, друзья попали в стрелковый батальон. Вскоре его перебросили под Москву, над которой нависла смертельная опасность. Оба воина в ходе контрнаступления получили ранения средней тяжести, лечились в госпиталях. После выписки снова в бой.

В боях и походах Харитонов и Коновалов со своим стрелковым батальоном дошли до самого логова фашистов — до Берлина.

— Вот мы и в Берлине, Илья! — обрадовался друг.

— Не спеши, Игнат, мы ещё только на его окраинах. Дойти бы до центра.

— Дойдём, солдат, дойдём. Немного осталось. Ты был в Москве с родителями, я знаю. Катался в метро? А я не видел его ни разу. Теперь у нас с тобой появляется возможность увидеть берлинское метро. Может, повезёт хотя бы станцию какую увидеть. А уж внутрь зайти — это было бы для меня счастье.

Разговор друзей прервала артиллерийская канонада: начался штурм «фашистского логова». Батальон пошёл в атаку. Бои за Берлин были ожесточёнными. С каждым днём кольцо вокруг города сжималось. Оказавшись в подвале какого-то учреждения, одноклассники, ставшие храбрыми воинами,

вновь заговорили о городе, куда их привела фронтовая дорожка.

– Слушай, Илья, – положив на пол автомат и обняв друга, произнёс Игнат. – Мне прабабушка рассказывала, что мой далёкий предок уже побывал в Берлине с русскими войсками. Только тогда, по её словам, Германии этой и в помине не было. Берлин являлся столицей Пруссии. Жаль, не запомнил, в каком году это грандиозное историческое событие случилось.

– В сентябре 1760 года. Мне тоже прадедушка рассказывал. Мой предок тоже брал Берлин. Удивительно, Игнат, всё это. Разве могли наши предки знать, что пройдёт почти два столетия – и их потомки (это мы с тобой) от Москвы дойдут с боями до того же Берлина?

– Кто его знает? Может, и догадывались. Меня же другое волнует: неужели эти пруссаки-немцы не поняли ещё тогда, что ходить на Москву себе дороже? Мы ведь и в третий раз можем сюда прийти, если они к нам наведуются.

На улице послышалась стрельба: краткосрочная передышка закончилась. Бойцы батальона, выскочив из подвала, пошли в атаку. Впереди показалась станция метро. Из входа в него обороняющиеся фашисты вели автоматный и пулемётный огонь. Поднявшаяся во весь рост пехота выбила со станции сопротивляющихся автоматчиков. На мгновение наступила тишина.

– Вот ты, Игнат, и увидел метро, – обратился к нему Илья.

– Моя мечта сбылась, дорогой друг. Расскажу о нём маме, сестрёнке – не поверят...

Договорить боец не успел. Выронив автомат из рук, он медленно стал опускаться на землю, политую кровью солдат с обеих сторон.

– Что с тобой, Игнат? – испугался Харитонов.

К ним подбежала фронтовая медсестра.

– Сестричка, спаси его, – умолял со слезами на глазах Илья. – Мы с Игнатом дружим с детства, войну прошли вместе.

– Увы, твоему другу уже ничем не поможешь. Пуля попала в сердце. Стрелял, по всей видимости, снайпер-профессионал.

Дальше случилось непоправимое: в состоянии шока Харитонов схватил свой автомат и побежал за станцию метро, где находились пленные. Не раздумывая, открыл по ним огонь на поражение. Не миновать бы ему за это расстрела, если бы грудь не украшали ордена и медали.

Прошли годы. Накануне 25-летия Победы к Илье Николаевичу Харитонову пришли станичные школьники с приглашением выступить у них на классном часе. Сославшись на здоровье, он вежливо отказал ребятам.

Настоящая же причина отказа заключалась в другом. Тот самосуд над пленными немцами в Берлине, у станции метро, не прошёл для него бесследно. Если бы Илья Николаевич и выполнил просьбу учащихся местной школы, то не смог бы надеть на свой пиджак боевых наград. Да, он мог бы много чего рассказать о «боях и пожарищах», но представиться им как участник войны тоже не мог. Его жена Антонина знала эту историю. «Для меня, Ильюша, главное, что ты живым вернулся, а без наград как-нибудь проживём», – постоянно успокаивала она мужа. «Спасибо тебе, Илья, что отомстил за моего Игната», – часто повторяла Ольга, так и не вышедшая замуж, оставшаяся верной навеки тому, которого провожала в сорок первом на фронт. «Да, браток, и натворил ты делов», – повторил несколько раз седой майор районного военного комиссариата, когда ставил его на учёт после увольнения из армии.

За самосуд над пленными рядовой Харитонов тогда же был лишён всех боевых наград, не получил удостоверения «Участник войны». Это не могло не сказаться на здоровье фронтовика, плюс ранение в битве под Москвой: на следующий год его не стало. Не выдержало сердце. Всеми виной война.

ОН ВЕРНЁТСЯ

– Вы не против, если я включу музыку? – спрашивал водитель такси Смирнов у пассажирки на заднем сиденье.

– Ничего, сынок, включай и слушай. Может, и мы с внучкой послушаем.

– Бабушка, только сегодня у нас, водителей такси, за три дня до 20-летия Победы песни военные. Внучке-то понравятся?

– Если мне понравятся, то и внучка их будет слушать с удовольствием.

Такси тронулось с места. Следовало ехать от железнодорожного вокзала до военного госпиталя, находящегося на северной стороне города. В салоне зазвучала музыка: «Почему всё не так? Вроде всё как всегда: то же небо – опять голубое, тот же лес, тот же воздух и та же вода... Только он не вернулся из боя». Пел Владимир Высоцкий. Все внимательно слушали. А когда пошли строки песни «Наши мёртвые нас не оставят в беде, наши павшие – как часовые...», водитель в зеркало заметил, как пассажирка достала носовой платочек и стала им вытирать слёзы, вдруг появившиеся на глазах.

– Бабушка, вы тоже воевали и кого-то потеряли на войне? – поинтересовался таксист.

Пассажирка из-за нахлынувших слёз не смогла ответить на вопрос. За неё ответила десятилетняя внучка Света:

– Нет, дядя, бабушка на войне не была, у нас дедушка воевал.

– А почему же ты его с собой не взяла?

Внучка промолчала.

– Дедушка не вернулся с фронта. Прошло двадцать лет. Вряд ли вернётся, – ответила за внучку бабушка.

– Он вернётся, вернётся! Его же одноклассник обещал, что дедушка вернётся! – запротестовала внучка.

– Дай-то Бог, – не стала спорить с внучкой бабушка.

Полчаса ехали молча. Остановились возле железнодорожного переезда. Проехать не успели: опустился автоматический шлагбаум. Впереди показался поезд.

– Жаль, не успели проехать, теперь минут десять потеряем. Бабушка, что означают слова внучки «дедушка вернётся»?

Пассажирка посмотрела на внучку осуждающим взглядом, но ругать её не стала за то, что та опять наговорила лишнего при постороннем человеке. Но, минуту подумав, заговорила тихим голосом.

...До войны жили они с мужем в небольшом городке. Она работала продавцом в магазине, а её Ванюша (так она его ласково называла) учил в школе детей немецкому языку. Когда началась война, муж ушёл добровольцем на фронт. Был военным переводчиком. Писал регулярно. До 1944 года. Последнее письмо – поздравление с Новым годом Марина получила в декабре сорок третьего года. Больше писем не было.

Закончилась война, пришла Победа, но весточки от Ванюши жена так и не получила. Как не получила она ни «похоронки», ни сообщения о пропавшем без вести. Сначала ждала, но затем, год от года, становилось понятно, что родной человек не вернётся. Тем более что прошло уже двадцать лет.

Пять лет назад соседка по дому нашла своего мужа через пятнадцать лет после войны в одном из военных госпиталей, где тот лежал без рук и без ног. Он просил медицинский персонал не сообщать о нём домой жене и детям. Считал, что так будет лучше. Однако одна из медицинских сестёр однажды проговорила в поезде, в котором ехала жена инвалида войны. Сжалилась над ней и назвала адрес военного госпиталя. И не пожалела. Когда жена забирала своего мужа, у последнего не нашлось слов, чтобы поблагодарить медсестру. Она забрала его как самого дорогого человека и стала ухаживать за ним и день и ночь.

Марина Николаевна последовала примеру соседки и стала объезжать все госпиталей...

Вот и сейчас она ехала в очередной из них, надеясь забрать оттуда своего Ванюшу.

Десять лет назад, перед десятилетием Победы, к ней заезжал одноклассник мужа. На тот момент он был политра-

ботником в армии в звании майора. Сжалившись над женой друга, он, как и та медсестра, проговорился, что Иван живой и что он, придёт время, вернётся. Но где и что с ним – не сказал.

Закончив рассказ, бабушка расплакалась.

– Да, интересную вы историю рассказали, – обратился к ней водитель. – Не знаю, что и сказать. Хотя... если учесть, что муж ваш свободно владел немецким языком, то не исключено, что он попал в разведку. А для разведчиков война ещё не закончилась. Тогда он не скоро вернётся.

– Вернётся, вернётся! – не выдержала внучка.

Доехав до госпиталя, пассажиры покинули салон автомобиля, а водитель, взяв других пассажиров, отправился в обратный путь.

Прошло ровно десять лет. Водитель Смирнов, выехав из таксопарка, ехал по центральной улице городка. На одной из остановок стояла девушка лет двадцати, жестом руки показывающая, чтобы тот остановился.

– Куда едем? – поинтересовался таксист.

– На железнодорожный вокзал.

– Уезжаете на отдых?

– Нет, еду в армию жениха проведать. Соскучилась.

Водитель включил музыку. До тридцатилетия Победы оставалась неделя, и по радио передавали песни о войне. Когда зазвучали строки «Всё теперь – одному, только кажется мне – это я не вернулся из боя», пассажирка внимательно посмотрела на водителя.

– Вы меня не узнаете? – спросила она. – Я Света, внучка той бабушки, которую вы везли ровно десять лет назад в обратном направлении: от железнодорожного вокзала к военному госпиталю.

– Теперь вспомнил. Дедушка-то ваш вернулся?

– К сожалению, я ошиблась: не вернулся. Покойная бабушка оказалась права. Дедушка, видимо, уже никогда не вернётся. Уж давно бы вернулся.

– Да, весьма тёмная история. А может, вам ещё раз спросить его одноклассника?

– Не получится: его уже нет в живых.

– Получается, ваш дедушка всё-таки погиб?

– А как же обещание его одноклассника, которое он дал бабушке?

– Знаете, на его месте я так бы поступил. Говорят же: «Надежда умирает последней».

Они замолчали, а в салоне автомобиля играла музыка и пел Высоцкий: «Нам и места в землянке хватало вполне, нам и время текло для обоих. Всё теперь – одному, только кажется мне – это я не вернулся из боя».

07.10.2015

КРЕСТИК

В тот год страна отмечала 30-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Поскольку 9 мая выпало на пятницу, торжественные мероприятия проходили три дня. Тогда вокруг нас находилось ещё очень много участников той войны, чего, к сожалению, не скажешь про нынешний год, когда мы отмечаем уже 70-летие Победы. Если в то время им стукнуло за пятьдесят, то нынче, получается, уже под девяносто. А беседовать с живыми фронтовиками и читать их воспоминания – это разные вещи. Нашему поколению, родившемуся спустя десять лет после тех событий, в этом плане повезло.

Весенние лучи, словно играя в прятки, проникали ко мне в комнату сквозь оконное стекло. Вставать не хотелось. Торжественный праздничный сбор в нашей школе был назначен на десять часов утра. Одним глазом (второй никак не хотел открываться после сна) я взглянул на будильник: было восемь часов.

После завтрака решил зайти поздравить с юбилеем Победы своего соседа деда Василия. Поздравив его, не удержался и спросил:

– Василий Константинович, а где война вас застала тридцать лет назад в этот день?

– В Златой Праге.

– Страшно было, ведь война фактически закончилась?

– Ты знаешь, Миша, всю войну прошёл, но нигде так было не страшно, как в Праге.

– «Никто не хотел умирать?»

– Да, это правда, но мы были солдатами. Этим всё сказано.

Достав из кармана носовой платок, ветеран вытер слёзы, которые так бесцеремонно капали ему на пиджак, украшенный боевыми орденами и медалями. С детства я интересовался боевыми наградами ветеранов войны, но если в первом классе в них толком не разбирался, то к восьмому уже мог отличить один орден от другого. Увидев на груди соседа два ордена Славы, хотел спросить, за что он их получил. Но, рассматривая боевые награды, невольно заметил, что их владелец, вытерев слёзы, продолжает держать в руках носовой платок. Тут только я заметил, что платок не совсем обычный: на нём имеется ручная вышивка с узорами и текстом. Пришлось вопрос по орденам заменить на вопрос о платочке. После моего вопроса у него на глазах вновь появились слёзы. Стало понятно, что платок этот дороже медалей на пиджаке.

Через две минуты, взяв себя в руки, он тихим голосом начал свой рассказ:

– Да, Миша, этот платочек мне дороже наград, денег, дороже жизни моей. В том памятном сорок первом году мы отступали. Я никогда не думал, что война придёт в мой сельский дом, откуда я ушёл на фронт. Нас всех в предвоенные годы успокаивали: если придётся воевать, воевать будем на вражеской территории. А вышло совсем по-другому. Война пришла в мой дом.

Зашёл я в него вместе с командиром нашего отделения сержантом Климовым. На улице в свои права вступала ночь. Моя жена Настя быстро собрала ужин. Поужинали. Когда она, постелив нам постель, вернулась, мы спали крепким сном прямо за столом. Настя не стала нас будить, пожалела.

Она села рядом, взяла откуда-то новый носовой платок и стала его вышивать.

На рассвете всех нас разбудили взрывы: на окраине села показались немецкие танки. Проснулась и Настя, уснувшая только час назад. Она вскочила и бросилась в мои объятия. Этих мгновений мне до конца моих дней не забыть. Потому что, провожая несколько месяцев назад на войну, она не так была встревожена, как сейчас. Тогда, чего греха таить, все мы думали, что через месяц-другой война закончится и мы вернёмся к своим жёнам. Но теперь всем было ясно, Насте в первую очередь: домой мы не вернёмся ни через месяц, ни через год. Если вообще вернёмся когда-нибудь.

Вытерев свои слёзы, Настя развернула носовой платок, по краям которого были узоры, а посередине читались слова: «Вася, вернись живым», – и, сняв с себя крестик, положила его в платок. Рассматривать крестик и платок у меня времени не оставалось. Я торопливо положил их в карман гимнастёрки, и мы с Настей быстро расстались. Как оказалось, навсегда. За селом завязался жестокий бой, и мы с сержантом побежали туда, где уже отбивали атаки немецких танков бойцы нашего батальона. Бой был жестоким, но не продолжительным: слишком неравные силы. Остатки батальона отступили по направлению соседнего села. Павшие однополчане мои лежат там в братской могиле и сегодня. Лежит там и сержант Климов. Но это ещё не всё: там и моя Настя. Только после войны узнал я, как она погибла.

После этих слов ветеран надолго замолчал. Потом он поведал мне подробности гибели его любимой жены. В село вошли немецкие танки с автоматчиками на броне. Назначенный комендант села разрешил жителям похоронить павших солдат. Поскольку родом из села со всего батальона был только один муж Насти, то она первая и побежала на место боя, надеясь найти его раненого. В гибель мужа она не верила, надеялась на спасительную силу крестика. Подбежав к первому бойцу, лежащему лицом вниз, Настя изо всех сил перевернула его на спину. В это время раздался взрыв, и она,

истекая кровью, упала рядом. Оказалось, что под ним находилась неразорвавшаяся граната.

– Никогда себе не прощу, – со слезами на глазах проговорил дед Василий, – что взял у жены тогда её крестик. Возможно, он тогда бы и спас её от неминуемой гибели. Как спасал меня не один раз на фронтовых дорогах. Но ничего не поделаешь. Видимо, судьба у нас с ней была такая.

31.07.2015

ВДОВА ФРОНТОВИКА

Пароход, переправлявший беженцев на другой берег Волги, наскочил на мину. На дворе стоял август 1942 года. Волга была источником повышенной опасности. Правда, не на всём её протяжении: война докатилась только до Нижнего Поволжья. Переправлялись глубокой ночью, днём и мина не понадобилась бы: для немецких самолётов перегруженный людьми пароход – мишень.

Затонувший пароход унёс с собой на волжское дно многие жизни вынужденных беженцев. Однако там были и те, кто «в рубашке родился». Оказавшись в воде, Антонина стала прощаться с жизнью: плавать она так и не научилась. Кричать перестала, страх покинул её. Луна освещала её бледное, но по-прежнему красивое лицо. Ещё минута – и голова её скрылась бы навечно в воде. Спасение пришло неожиданно в виде широкой и длинной, в два метра, доски. Женщина удивилась, как вовремя доска эта к ней приплыла. Она не видела и не знала, что доска появилась перед ней не сама по себе.

...Лейтенант Буркин был направлен командованием за пополнением. Грузовик, на котором они ехали с водителем, разбомбило ещё за несколько километров до переправы. Водитель погиб, а он дальше пошёл пешком. С трудом сел на пароход. Напротив него через несколько человек стояла девушка, как и он, лет двадцати пяти, необыкновенной красоты. Подойти и познакомиться с ней возможности не было

по понятной причине. Когда пароход подорвался на mine и стал тонуть, лейтенант потерял незнакомку из виду. Кажется, навсегда. Имея первый разряд по плаванию, он решил до последнего держаться на воде и постараться найти понравившуюся ему девушку. Лунный свет на мгновение хорошо осветил лицо находящейся рядом, в двух метрах, беженки. Это была она. Сзади себя он увидел спасительную доску и вместе с ней поплыл к утопающей. С трудом Буркин затащил незнакомку на доску. Успев сказать, что её зовут Тоня, она потеряла сознание.

Антонина очнулась уже на берегу от поцелуя лейтенанта. Другим способом он не мог привести её в чувство, как ни старался.

– Будем знакомы, Тоня, я Павел Буркин, лейтенант, – представился спаситель.

– Спасибо вам, не знаю, как вас и благодарить!

– Вот мой адрес полевой почты. Пишите Тоня, останусь жив – поженимся. Вы мне очень понравились. Это будет ваша мне благодарность.

– Не могу, Паша, проси что-нибудь другое, а замуж не могу. Я замужем.

– Пока замужем, Тоня, кто знает, что будет после войны. Может, твой муж не вернётся.

– Всё равно не могу. Прости меня, Паша. А за чудесное моё спасение я буду за тебя Богу молиться, чтобы ты живым вернулся. Живи, Паша. А похожую на меня ты ещё встретишь. Поищи после войны получше. Прощай...

В эвакуации за Уралом Антонина Герасимова письма от мужа Василия получала регулярно. В течение 1943 года. Потом на него пришла «похоронка». До этого дом родителей Василия они обходили стороной. Продолжал на фронте воевать его отец, братья, сестра, ставшая фронтовой медсестрой. С войны вернётся только один брат мужа Ефим. Своего же Василия Антонина продолжала ждать и до Победы, и после неё. Она не верила казённой бумаге. Верила: муж вернётся. Увы! Он так и не вернулся.

Первым свататься к Антонине стал Ефим. Даже его мать стала уговаривать сноху: «Тоня, мне как матери не меньше твоего жаль погибшего сына, но его не вернёшь. А жизнь-то продолжается. Ефим с тебя глаз не сводит. Выходи за него».

– Никак не могу не выполнить просьбу уходящего на фронт мужа, – отвечала вдова.

– Да знаю я, Антонина, об этой просьбе. Он просил, если его убьют на этой проклятой войне, чтобы ты больше замуж не выходила, а продолжала его любить и носить его фамилию. Фамилия у тебя, конечно же, останется, Ефим тоже Герасимов. А любить? Люби Василия, а живи с Ефимом. Не век же тебе теперь одной куковать? Ты ещё молодая, любить должна и быть любимой.

– Нет, не могу.

К концу 1945 года Герасимова вернулась к себе на Украину. В живых застала только мать, которая отказалась в начале войны эвакуироваться из-за болезней и возраста. Отец и брат с фронта не вернулись. Устроилась на стройку: восстанавливала со всеми дома из пепла.

Красота Антонины из-за похоронки на родного человека и гибели на войне близких людей немного поблекла, но оставалась ещё очень привлекательной: ей едва исполнилось двадцать восемь. Всего двадцать восемь!

Первой её красоту заметил безрукий фронтовик, а теперь мастер на стройке Илья Дорофеев, старший на десять лет. Пока он воевал на фронте, его семья погибла в оккупации. Подробностей он так и не узнал. Говорили, правда, что семью расстреляли из-за связи с партизанами. То, что её заметили, Герасимова поняла не сразу. Она стала догадываться только после того, как мастер стал ставить её на более лёгкие работы. Но оплата труда не уменьшилась, а в какой-то степени даже увеличилась. Спустя три месяца Дорофеев пригласил работницу к себе домой на свой день рождения. Предложил ей руку и сердце. Сделав категорический отказ и объяснив «жениху» причину, Антонина вскоре вынуждена была уйти со стройки по уважительной причине: работа стала более тяжёлой, а заработная плата –

меньшей. Пришлось перейти на восстановленную после разрухи фабрику.

На новой работе к Антонине больше никто не приставал, руку и сердце не предлагал. Она спокойно продолжала работать. Однако красоту её заметил сосед по коммунальной квартире Николай. Они были одноклассники. Ей она не хотела объяснять причину очередного отказа выйти замуж, но когда тот упрекнул её, что она не хочет выходить за инвалида войны, на которой он потерял левую ногу, пришлось объяснить.

– Молодец, Антонина, я тебя поддерживаю, – ответил сосед. – Нарушить обещание погибшему в страшной войне мужу – это грех. Живи, Антонина, и дальше за себя и за погибшего мужа. Возьми из детдома ребёнка и замени ему мать.

Вдова прислушалась к совету фронтовика и взяла из детдома девятилетнего Захара, а затем забрала и его десятилетнюю сестру Кристину. Заменяла им мать.

Когда дети, подрастая, стали интересоваться отцом, Антонина не могла сдерживать слёз. Что она могла им сказать? Она не только не знала их отца, но и их мать. Это была трагедия «детей войны».

Рассматривая письма-треугольники с фронта Василия Герасимова, приёмные дети нашли в них небольшую фотографию человека в военной форме.

– Мама, мама, смотри, это же наш папа! – закричал Захар. – Смотри, смотри, я же на него похож.

– А я похожа на тебя, мама, – добавила Кристина.

Антонина взяла в руки фотографию погибшего мужа. На глазах появились слёзы: они поженились накануне войны, детей своих завести не успели, решив построить сначала свой большой дом. Ни Захар на мужа, ни Кристина на неё, разумеется, похожи не были. Секрет был прост: своим благородным поступком приёмные дети решили отблагодарить свою новую «маму» и погибшего «папу».

Новая мама обняла их обоих и сказала: «Да, вы наши с папой Васей дети». И расплакалась. Вошедшая в комнату бабушка Галя подтвердила слова своей дочери и добавила:

— Я горжусь тобой, дочка, ты не предала любовь своего мужа, не вышла замуж, как он тебя и просил. Его нет сейчас рядом с тобой и больше никогда не будет. Но рядом с тобой «его» дети, живи ради них.

Антонина жила дальше, воспитывая одна двух приёмных детей. Просьба погибшего мужа ею была выполнена. Она оказалась чиста перед своей совестью и памятью погибшего мужа. Поступить по-другому значило предать любовь.

04.12.2015

НЕНАСТОЯЩИЙ ПОЛКОВНИК

— Стоянка поезда – пять минут, – услышали пассажиры поезда, прибывшего на железнодорожную станцию какого-то уездного городка.

Взглянув в окно вагона и увидев впереди газетный киоск, один из пассажиров лет пятидесяти произнёс, обращаясь к своей жене:

— Настенька, как ты думаешь, я за пять минут успею сходить и купить свежие газеты? Киоск – вот он.

— Сходи, Валера, и мне купи что-нибудь с кроссвордом.

Через пять минут поезд тронулся, но Валерий сидел уже напротив жены и читал газеты, а та вся сосредоточилась на разгадке очень интересного кроссворда из журнала, который наугад купил по её просьбе муж. Однако чтение последнего затруднялось вопросами любительницы кроссвордов.

— Валера, подскажи слово из семи букв.

— «Потанин».

— Нет, твоя фамилия не подходит.

— «Зубкова».

— Моя фамилия тоже не подходит.

Внимательно слушавшая попутчиков старушка не выдержала и спросила их обоих:

— Что-то я вас не пойму, вроде как муж и жена, а фамилии разные? Вы что, артисты?

— Нет, мать, мы не артисты, но фамилии у нас разные совсем по другой причине, – ответил за двоих Валерий.

— И кто виноват? – допытывалась любопытная старушка.

— Война, мать.

Все замолчали. Зубкова продолжала заниматься кроссвордом, не задавая больше вопросов, а Потанин углубился в чтение утренних газет. Долго он читал «Правду». Накануне двадцатилетия Победы газета публиковала воспоминания участников войны и фронтовые фотографии. Валерий долго всматривался в закалённые войной лица солдат и офицеров, надеясь увидеть кого-нибудь из своих однополчан. Но там были совсем другие, незнакомые ему лица. Отложив в сторону «Правду», он взял в руки газету «Рассвет». Газеты с таким названием он никогда в руках не держал. Это была местная районная газета того городка, где недавно была стоянка пять минут. Стал её читать. Она тоже была посвящена предстоящему празднику Победы. На второй её странице в рубрике «Награда нашла героя» была опубликована заметка о фронтовике, а ныне военном комиссаре района полковнике Зубкове Николае Юрьевиче, указаны год и место рождения и подвиг, за который он в 1942 году награждён боевым орденом.

Перечитав ещё раз газетную заметку, Потанин внимательно посмотрел на жену.

«Сказать или не сказать?» – две мысли лихорадочно боролись в его голове.

В заметке речь шла о награждении первого мужа его жены.

...Лейтенант Зубков встретил войну в тылу. Он только что окончил военное училище. Уезжая на фронт, попрощался с женой Настей, по его словам, навсегда.

— Настенька, с такой страшной войны я вряд ли живым вернусь, – обратился лейтенант к жене. – Жди меня пять лет после войны, потом можешь выйти замуж. Но одно прошу, носи до конца дней своих мою фамилию.

Настя выполнила просьбу, но вместо пяти лет вышла замуж через десять за своего начальника по работе Потанина.

С ним каждое лето ездила отдыхать на юг, отправляя на это время детей к бабушке в деревню. Вот и сейчас на этом поезде они возвращались с юга...

– Что ты, Валера, в этом «Рассвете» нашёл, никак не можешь с ним расстаться? – спросила жена. – Дай почитать.

– Читай, Настенька, сразу со второй страницы. Там кое-что тебя явно заинтересует.

Раскрыв газету на второй странице, Зубкова стала её просматривать. Потанин наблюдал, как быстро менялось выражение лица читательницы: то улыбающееся, то серьёзное, то грустное, то непонятно какое.

– Всё, завтра иду менять фамилию. Договор с первым мужем аннулирует эта газета.

– Настенька, не спеши, может, это просто однофамилец?

– Нет, Валера, мы с ним с одного села. В селе было много Зубковых, но в том году родился только один Николай Юрьевич, второй был Николай Васильевич. Это, безусловно, он. Пять лет жди, пять лет жди... а сам и через двадцать лет не вернулся. Какая непорядочность! Но почему он от меня скрывается? Всё, сегодня я – Зубкова, завтра – Потанина. Ты не будешь возражать, Валера?

– Буду, Настенька. Не надо горячиться, давай доедем домой и подумаем, что делать.

Целую неделю, приехав домой, супруги думали, как им поступить. Наконец-то пришли к единому мнению: Насте следует съездить в тот городок районного масштаба. Потанин, как начальник, выписал ей командировку в соседний город, где находился завод, с которым они сотрудничали. Зубкова поехала в командировку. Решив свои командировочные дела, она в последний день перед отъездом, взяв такси, поехала в тот неизвестный ей городок. Водитель высадил пассажирку прямо возле входа в районный комиссариат. Она попала удачно: в этот день военком проводил приём граждан по личным вопросам.

– Вы по какому ко мне вопросу? – спросил военком Зубков, когда посетительница зашла в его кабинет.

– Я в городе проездом. Мой муж Потанин Валерий воевал в этих местах. Я бы хотела посетить музей, но он сегодня закрыт. Не могли бы вы дать на это разрешение?

Пока полковник звонил по телефону в музей, Настя его внимательно рассматривала. Сомнений быть не могло: перед ней находился совсем другой человек, не её муж. У того на правой щеке была заметная родимка. У полковника её не было. Да и голос звучал не родной, а какой-то совсем чужой. Разрешение было получено. Поблагодарив полковника, Зубкова отправилась в музей. Она снова села в то же такси и поехала... в местный отдел Комитета госбезопасности. Там внимательно выслушали и просили в целях её же безопасности немедленно уехать из города, оставив все свои данные для последующих контактов. Зубкова вернулась домой.

...В июле 1942 года батальон капитана Зубкова попал в окружение. Выхода было два: погибнуть в бою, до конца выполнив свой воинский долг, или сдаться в плен, став по сути предателями. Капитан выбрал первый вариант. С каждой минутой боя численность батальона падала. В отличие от комбата, его начальник штаба Широков придерживался в данной ситуации другого мнения. Когда комбат, со слов начштаба, погиб, он с пятью солдатами сдался немцам в плен. Что случилось с комбатом, никто из солдат не знал. Кроме Широкова.

Вскоре ему, капитану, удалось из плена бежать, он вернулся на место того боя, нашёл зарытые им же тогда при убийстве комбата его документы. И с ними ушёл в партизаны. Когда советские войска освободили территорию, на которой действовал партизанский отряд, продолжил воевать уже в действующей армии. Он, казалось, всё наперёд учёл, но не предусмотрел того, что где-то должна была находиться вдова настоящего Зубкова...

Ей же пришлось ещё несколько раз побывать в том городке: сначала для очной ставки, затем для следственных действий и суда. Возмездие свершилось спустя два с половиной десятилетия. А на месте того последнего боя комбата Зубкова был установлен памятник ему и погибшему батальону. За исключением шести человек, среди которых был и предатель Широков.

08.11.2015

УСНУЛ НА ПОСТУ

В одной из воинских частей Советского Союза накануне очередного Дня Победы ждали проверку из Москвы.

Командир батальона железнодорожных войск Сазонов с утра направился в казармы лично проверить, как выполняется его приказ о наведении там должного порядка. Проверкой он и его штабисты остались довольны: казармы выглядели не хуже «пятизвёздных» городских гостиниц.

Посетив солдатскую столовую и позавтракав вместе с солдатами, подполковник потребовал на время высокой проверки исключить из меню так не любимую солдатами перловую кашу, заменив её на гречневую.

В библиотеке Иван Петрович остался недоволен имеющимся там количеством книг на военную тематику. Приказал срочно достать военные мемуары.

Не остался без внимания командира части и киномеханик. Последнему пришлось срочно менять репертуар кинофильмов, подготовленных для показа личному составу. Понятно, какие фильмы стали преобладать.

Возвратившись ближе к вечеру в свой кабинет, Сазонов с облегчением вздохнул:

– Приедет с проверкой любой полковник – не подкопается. Всё у меня готово, пусть проверяет. Сколько этих проверяющих я видел на своём веку – не перечесть. И попался только один раз, будучи неопытным молодым лейтенантом. Как давно это было!..

– А всё ли так уж и готово? – возразил начальник штаба майор Кондратьев.

– Смотри, Семён Денисович, не накаркай.

Спустя три дня в воинскую часть под командованием Сазонова прибыла делегация из Министерства обороны. Их цель была проверить, как воины-железнодорожники справляются с поставленной партией и правительством задачей: строить Байкало-Амурскую магистраль. Как известно, западную её часть возводили гражданские лица, в основном комсомольцы, а восточную – строители в военной форме с эмблемами железнодорожных войск.

В первый же день гости в погонах посетили строящийся железнодорожный мост. К этому дню руководство батальона по указке сверху устроило ТСУ, что для непосвящённых означало: «Тактико-специальные учения». И это не случайно. Одно дело, когда воины-железнодорожники в обычном режиме выполняют свою работу, другое дело – когда в условиях, приближенных к боевым, с автоматами за плечами. Проверяющие остались довольны увиденным. Заодно поздравили строителей моста с наступающим праздником Победы.

Посещение москвичами других объектов воинской части также не принесло замечаний. За исключением одного малопримечательного объекта. Он то появлялся в нашей армии, то исчезал, в настоящее время, говорят, снова вернулся, но немножко в другом виде. Речь идёт, как догадался читатель, служивший в Советской Армии, о гауптвахте, месте для содержания военнослужащих, временно арестованных за дисциплинарные проступки.

Вышеуказанная комиссия направилась на гауптвахту в последнюю очередь. Первоначально её проверять не собирались. Однако на проверке настоял один полковник. Он же стал и задавать вопросы трём арестованным солдатам:

– За что попал сюда?

– Ходил в самоволку к геологам. Девушки уж больно там красивые.

- Понимаю-понимаю. А ты, дружок, за что сидишь?
- За внешний вид на построении.
- Не совсем понимаю. Надо за своим внешним видом следить постоянно. Ну а ты, солдат, что натворил? Сколько суток ареста заработал?
- Пять суток, товарищ полковник! Уснул дневальным на посту!

Полковник ничего не ответил, но находящиеся рядом офицеры и арестованные солдаты заметили, что выражение его лица резко изменилось. Он снял папаху, достал носовой платок, медленно вытер пот со лба, затем произнёс: «Своей властью я добавляю тебе ещё десять суток ареста. Заслужил!» После этого на гауптвахте остались только арестанты и их караул.

На прощание командир батальона, разумеется, не мог, преодолевая страх, не спросить того полковника о причине столь сурового наказания для солдата.

– Я ждал этого вопроса ещё на гауптвахте, – отвечал офицер, – но там почему-то никто этим не поинтересовался. А зря. Правда, это длинная история, но я в память об отце могу вам её кратко рассказать.

Поскольку никто из присутствовавших ранее её не слышал, все согласились.

...Лейтенант Кожевников попал на фронт в 1942 году после окончания военного училища. Сначала воевал командиром стрелкового взвода, затем попал во фронтовую разведку, возглавив там специальную группу. Воевал храбро, показывая бойцам-разведчикам личный пример. Вскоре на груди офицера, уже старшего лейтенанта, засияла звезда Героя Советского Союза. Уж больно на опасные задания во вражеский тыл ходила его группа.

И довоевал бы Василий Иванович, возможно, до самой Победы, если бы не один трагический случай, нелепый случай.

Война есть война. Без жертв она не обходится. Уходили постепенно из строя группы разведчики: кто по ранению,

кто навсегда. На их место приходили новые. Проверять их на выносливость и мужество приходилось в разведке.

В начале июня 1944 года группа разведчиков во главе с капитаном Кожевниковым отправилась в очередной раз за линию фронта. Задание было весьма ответственное: готовилась на территории оккупированной Белоруссии наступательная операция советских войск под названием «Багратион».

Задание группа выполнила с честью, передав сведения по радиации в штаб фронта. Вот только вернуться всем разведчикам в свою часть не было суждено. В их число попал и сам командир.

Разведчикам удалось оторваться с боем от преследователей и укрыться на ночь в домике лесника. Выставили два поста. Остальные быстро уснули. И надо же было такому случиться, что одна группа фашистов, выследив разведчиков с помощью местных полицаев, подошла с той стороны, где на посту должен стоять рядовой Харитонов. Почему должен? К тому времени он просто уснул и видел не первый сон. Этот сон в его жизни, как можно догадаться, остался последним. Другая группа преследователей подходила в это время с другой стороны.

В это время из домика проверить посты вышел сам командир. Он не успел сделать и шага, как услышал автоматную очередь с другой стороны: это уничтожил фашистов разведчик со второго поста. Если бы то же сделал и разведчик на первом посту, то группа, возможно, ушла бы дальше без потерь. А так...

Автоматная очередь «Шмайсера» из-за кустов оборвала жизнь храброго фронтового разведчика, умелого командира капитана Кожевникова. Находящиеся в доме разведчики сумели занять круговую оборону и отбить атаку фашистов. Оставив одного для прикрытия, остальные ушли вглубь леса. На рассвете перешли линию фронта, не расставаясь с телом своего командира.

Полученные группой сведения оказались столь ценными, что капитан посмертно получил вторую звезду Героя Советского Союза...

Из всей той группы июня сорок четвёртого года до Победы дожил только один разведчик – тот, который не заснул на втором посту, чем, по сути, спас жизни своих боевых товарищей. Вот только командира не смог уберечь. Он же и рассказал после войны эту историю сыну Кожевникова Николаю. Тот, не задумываясь, отслужив срочную службу, поступил и успешно окончил военное училище, «обогнав» со временем отца по воинскому званию...

С тех пор офицер Советской Армии Николай Кожевников беспощадно наказывал солдат, которые имели привычку спать на посту.

23.09.2018

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Вера Ховайко проживала в украинском селе, забытом богом: ни школы, ни клуба, ни магазинов. За продуктами ездила в район на «Запорожце», ибо автобус проходил вдалеке от села. Муж давно умер, дети жили в областном центре. Попытались мать забрать к себе, но она за свои шестьдесят лет так «вросла в землю», что не оторвать. В селе и остались такие же люди, но их немного.

Накануне 25-летия Победы Вера Фёдоровна вновь поехала в районный центр. Ехала и думала, как прекрасно было, когда каких-то десять лет назад они с мужем ехали по той же дороге с оврагами, но автомобиль вёл супруг.

Вскоре впереди показался районный городок. До обеда объездила продуктовые магазины, не проехала и мимо аптеки. После обеда поехала на рынок, где случайно встретила свою одноклассницу Оксану. Та ещё перед войной, окончив сельскую школу, уехала в район. Там вышла замуж за какого-то местного чиновника. Больше о подруге Вера ничего не знала. Ведь после этого по здешним местам пронеслась смерчем война.

Сорок лет прошло, как расстались одноклассницы. И, возможно, прошли бы мимо друг дружки, если бы не одна общая примета: у обеих на левой щеке по-прежнему красовалось

родимое пятнышко, убирать которое врачи не советовали во избежание нежелательных последствий. Остановившись, они минуту молчали, потом, обнявшись, расцеловались.

– Надо же, какая встреча, – первой заговорила Оксана. – Как живёшь, школьная подружка? Замужем? Какой раз?

– Прости, я не поняла твоего юмора.

– Как не понять, Верочка? Войну-то мы какую с тобой пережили! В оккупации жизнь не сладкая. Сама знаешь. Первый мой муж погиб на второй год войны, хорошо, что не пропал без вести. А твой-то не погиб?

– Мой-то вернулся. Вся грудь в орденах. Но толку мало от них: десять лет назад война догнала моего Васеньку. Умер, едва отметив 50-летний юбилей. Но он ему радовался, как ребёнок конфетке, ибо боялся, что не доживёт и до него.

– Прости, я не знала! У меня же погиб, я вышла снова замуж, теперь я Оксана Крутько, третью фамилию ношу, а куда деваться? А ты сейчас со вторым мужем живёшь, одноклассница? Без мужей нам нельзя. Хоть какой-нибудь, да мужик в доме.

– Нет, живу одна в нашем с тобой бывшем селе. Вернее, что от него осталось.

В это время к Оксане сзади подошёл пожилой седой мужчина:

– Сколько тебя можно ждать, поехали домой, а то на день рождения твоей подруги опоздаем.

– Прости, Коля, вот одноклассницу встретила, – стала оправдываться жена.

– Од-но-класс-ни-цу, говоришь? – взглянув на Веру, проговорил он по слогам.

– Да, а что?

– Ничего, поехали быстрее.

...Проводив мужа на фронт, Вера до оккупации села немцами успела окончить курсы медсестёр и тоже отправилась на фронт. Выносила с поля боя раненых солдат всегда со словами: «Не стоит благодарности, я надеюсь, что за это Бог сохранит на фронте жизнь моему любимому мужу». В ок-

тябре сорок первого года на Брянщине попала с батальоном в окружение. Из него вырвалось только несколько неполных взводов. При этом солдаты вынесли на плащ-палатке и раненую медсестру Ховайко. Им повезло: блуждая наугад по лесу, они встретили партизанский дозор. Вера стала партизанкой. Лечила раненых.

Командиру партизанского отряда однажды пришлось послать в ближайшую деревню на задание Веру, разумеется, с её согласия, ибо она не совсем ещё отошла от полученного ранения. Эта мера была вынужденной: предыдущая разведчица с задания не вернулась. Кто-то её выдал, она была из местных. Веру же в эти места привела война.

Под предлогом поиска родственника она вошла в первый же дом незнакомой деревни. Решила расспросить местных жителей о лагере. Ещё по пути разведчица встретила двух девочек, сообщивших ей, что немцев у них нет, только комендант с охраной. Но они просили «тётеньку» не ходить в деревню, так как полицаи в ней зверствуют, хватают всех чужих людей. Поблагодарив детей за информацию, она продолжила идти своей дорогой. Только теперь она поняла, что может в отряд не вернуться, но задание должно быть выполнено. Оно состояло в том, чтобы разведать дорогу к находящемуся рядом временному лагерю для советских военнопленных с целью освобождения узников и пополнения поредевшего отряда.

Дверь открыла женщина и с удивлением уставилась на незнакомку:

– Что вам надо в нашем доме?

– Простите, я нездешняя, ищу своего брата Никифора Соловьёва. В каком доме он живёт?

– С вами всё понятно, – заулыбалась хозяйка, – сейчас муж мой вас отведёт.

– Спасибо! – заподозрив неладное, тем не менее спокойно ответила гостя.

Когда в дверях появился хозяин, Ховайко поняла: это конец. Но беспокоилась она не за свою жизнь, а за то, что подвела ребят-партизан.

– Николай Герасименко, – представился он, снимая с плеча винтовку и поправляя на руке белую повязку. – Кто без спроса ходит в мой дом? Документы!

– Я их потеряла по пути в деревню, шла из города к своему брату, который до войны проживал здесь.

– Как звать брата?

– Соловьёв Никифор.

– Это другое дело, – мигнув жене, произнёс полицай, – пошли, проведу к нему. Он живёт тут недалеко.

Как можно было догадаться, вместо брата оказались в доме немецкого коменданта.

– Ещё одна ищет брата, – с улыбкой доложил коменданту Герасименко.

Переводчик сначала перевёл эти слова, потом ответ коменданта:

– Господин комендант говорит, что, насколько он помнит, та женщина искала мужа. А сельчане подтвердили, что он погиб на фронте в первый месяц войны. Но не это главное. Неужели партизаны не могут придумать для своих разведчиц что-то новое? Короче, так, Герасименко, веди её куда хочешь, делай с ней что хочешь, но утром я должен знать содержание задания.

Привёл он её в какой-то пустой дом на окраине села. Его дом находился на другой стороне. «Сейчас мы с тобой займёмся любовью, потом расскажешь, что партизанам надо в моей деревне», – растопив печь, заговорил полицай.

Несмотря на изнасилование и унижение, Вера не выдала задания. Увидев это и выпив стакан самогонки без закуски, полицай приступил, как он выразился, к процессу допроса, который ничем не отличается, по его словам, от допросов в гестапо. Бил кулаками, тушил папиросы на теле (он так и не разрешил ей одеться), душил. Она же не могла оказывать сопротивление, будучи привязанной к кровати. Выпив ещё самогона и окончательно захмелев, пошёл к себе домой, еле передвигаясь. Рассчитывал на то, что из-за темноты его пьяную походку никто не заметит.

Вера осталась одна, ожидая своей горькой участи назавтра. Но, видимо, Бог решил спасти не только мужа, но и её заодно. Спасение пришло оттуда, откуда не ждала. Уходя, полицейский забыл запереть дом на замок. Когда через несколько минут дверь начала скрипеть, открываясь, партизанка закрыла глаза и стала прощаться с жизнью. Думала, воротился полицейский-изверг. Бежали секунды, но к ней никто не прикасался. Открыв глаза, она им не поверила, закрыла снова. Второй раз снова увидела наклонившихся над ней тех двух девочек, которых встретила по пути в деревню. Подружки тогда сразу сообразили, что «тётенька» не совсем простая и что её ждёт участь той другой «тётеньки», которую полицейские после пыток повесили. Незаметно для неё проследили её путь, сначала к дому полицейского, потом в пустой дом (семью, проживающую в нём, полицейские расстреляли за отказ хозяина служить им). Дождавшись ухода «дяденьки», они вошли в дом.

– Уходите в лес, тётенька, – развязав её, просили девочки, – иначе вас повесят.

– Спасибо, детки, за моё спасение, но уйти я сейчас не могу, не выполнив задания. Мне надо знать подходы к лагерю со стороны леса, где посты, какая охрана?

– Не волнуйтесь, мы вам сейчас всё расскажем. Ночью вы ничего не увидите, а днём вас снова задержат и спастись не получится уже.

– Ну тогда рассказывайте.

Ночью Вера была в отряде, но не одна, а со своими спасительницами.

Утром партизаны напали на лагерь, освободили узников и тем самым пополнили отряд. Медсестру командир оставлял в лагере с девочками, но она, взяв в руки автомат, рвалась в бой. Комендатуру народные мстители разгромили в селе, полицейских перебили, но не всех. Кое-кто успел унести ноги. Среди них оказался и Николай Герасименко. Вера долго плакала от обиды, что не смогла рассчитаться со своим мучителем. Успокаивая её, командир отряда сказал: «Не расстраивайся, сестричка, война ещё не скоро закончится.

Даст Бог, встретитесь. Не получится в войну – встретитесь в мирное время. Для таких зверей в человеческом обличье нет срока давности...

Расставаясь с одноклассницей, Ховайко запомнила номер автомобиля, на котором она уехала с мужем. Других действий предпринимать не стала, поехала домой успокоиться и подумать, что делать дальше. То, что мужем подружки был тот полицейский Герасименко, не сомневалась. Его выдали глаза.

Сама же подружка заметила, что её ненаглядный мужёнок занервничал, что отразилось на вождении автомобиля: «Что с тобой случилось, Коля, тебе плохо?»

Автомобиль продолжал движение, а водитель спросил пассажирку:

– Твоя одноклассница во время войны село не покидала?

– Конечно, нет. Она, как и я, перенесла все тяготы оккупации.

– Это хорошо, но вот родимка её и глаза?!

– Чему ты удивляешься, Коля, ты думаешь, что родимка и глаза есть только у нас двоих? Ну ты меня и рассмешил! Что случилось-то?

– Во время войны меня спасла одна медсестра, похожая на твою одноклассницу. На территории Брянской области. Всё никак не найду её и не отблагодарю.

– Земля круглая, дружок, возможно, она тебя сама найдёт.

Долго Вера не могла отгадать одну загадку: она не могла ошибиться в Николае, хоть и прошло почти тридцать лет, но... почему у него теперь фамилия Крутько? Как он смог её поменять? Этот вопрос не давал ей спать всю ночь. А утром она села в свой «Запорожец» и направилась... напрямиком в область.

В областном КГБ с Ховайко долго беседовали. Майора несколько не озадачило то, что у возможного бывшего полицейского нынче другая фамилия. Такие случаи встречались у него в практике не раз. Его интересовало другое: не могла ли она

ошибиться? Ведь в противном случае её могли потом привлечь за клевету.

– Вспомните, – просил майор, – хоть какую-то приметку у него. У вас вот родимка на щеке. Кстати, поселитесь на несколько дней в гостинице, домой не езжайте сегодня. Если это действительно полицаи Герасименко, он мог узнать вас.

– Я вспомнила, тот был абсолютно лысый, а этот с волосами почему-то.

– Вот видите, гражданка, вы могли ошибиться. Но внутренний голос подсказывает мне почему-то, что вы не ошиблись. Езжайте в гостиницу, вот адрес, я сейчас позвоню, забронирую вам номер. Мы за это время всё проверим.

Сотрудники госбезопасности, внимательно прослушав магнитофонную запись слов Ховайко, сработали высокопрофессионально. Парик не спас. Предатель Родины, дезертир Красной Армии, немецкий полицаи на оккупированной территории Николай Герасименко, сумевший в послевоенной неразберихе сменить фамилию на Крутько, предстал перед военным трибуналом. И получил то, что заслужил во время войны, – расстрел.

Чтобы у читателя не возник вопрос, почему военного преступника судили только из-за одной женщины, добавлю, что судебное разбирательство шло долго, ибо нашлось очень много выживших свидетелей злодеяний полицая. Они проживали на тот момент в разных уголках Советского Союза.

12.09.2017

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

29 июня 1942 года учитель математики Седов получил повестку в военкомат.

– Андрюша, что же это? – спросила, заливаясь слезами, жена. – У тебя же большое сердце, тебя даже в армию в мирное время не взяли служить!

– Так то в мирное время, Света, а сейчас война.

– И когда она, проклятая, закончится?

– Закончится, но только об этом не все узнают.

Прибыв в указанное в повестке время в военкомат, Седов встретил там двоих своих учеников, только что окончивших школу. Это были его любимые ученики Ваня Жилин и Володя Малов.

– Андрей Викторович, и вас вызвали? – спросил Володя. – Плохи дела, видимо, на фронте?!

Представитель военкомата майор Петров очень популярно объяснил всем: ситуация на фронтах такова, что пришлось мобилизовать и их, в армии никогда не служивших по разным причинам. Родину надо кому-то защищать. Седова на этот раз признали годным к нестроевой. Сказалось военное время. Не было бы войны – учитель так бы и продолжал учить математике своих учеников. Но война нагрелась. И вся жизнь вокруг поменялась.

На следующий день, попрощавшись, как ему казалось, навсегда, с женой и десятилетним сыном, новоявленный боец отправился по направлению к фронту. Попал в артиллерию. Сыграла роль любимая математика.

В лесу, пока что за линией фронта, полковник выстроил в две шеренги пополнение. Сначала молча прошёл перед строем вперёд и назад, осматривая вновь прибывших бойцов. Затем, останавливаясь перед каждым из них, стал задавать вопросы, на которые получал ответы.

– Фамилия?

– Рядовой Мурашкин.

– Жалобы есть?

– Есть. Ноги с детства болят.

– Ничего, увидишь немцев – бежать не придётся. Если не захочешь попасть под трибунал... Фамилия?

– Рядовой Слотин.

– Жалобы есть?

– Есть. У меня плохое зрение.

– Ничего, будешь подносить снаряды.

В том же духе процедура знакомства командира с подчинёнными солдатами продолжалась ещё минут десять. Очередь дошла и до Седова.

– Фамилия?

- Рядовой Седов.
- Жалобы есть?
- Никак нет, товарищ полковник. Надо Родину защищать.
- Молодец, Седов. Мирная профессия какая?
- Учитель математики.
- Будешь корректировщиком огня.

«Уже неплохо», – подумал про себя боец. Промолчать о своём сердце он решил в последний момент. Как и об обещанной в военкомате нестроевой службе. Здесь, в нескольких километрах от фронта, этим, по его мнению, пустяком заниматься никто не будет. А очень свободно могут воспринять эти «причины» как нежелание Родину защищать.

Вскоре все новобранцы после краткосрочной подготовки оказались на линии фронта. За месяц боёв Седов сменил две батареи, весь личный состав которых погиб от прямого попадания авиационных бомб. Тогда в воздухе советская боевая авиация не имела ещё численного превосходства. Сам же он вместе с сержантом Абросимовым остались живы только потому, что находились вдалеке от батареи и корректировали её огонь.

Новая батарея получила приказ накрыть огнём передвижение немецких войск за одним из населённых пунктов, находящихся за лесополосой и безымянной речкой. На рассвете Седов и Абросимов ушли на задание, надеясь остаться живыми и на этот раз. До лесополосы добрались без приключений. Однако, выходя из неё в голую степь, они заметили над головами немецкий самолёт-разведчик. Прошло некоторое время – и первая мина разорвалась впереди их. Вторая – позади.

– Слушай, Седов, – на ходу произнёс сержант, – нас заметили, судя по всему. А поэтому погибать вдвоём, не выполнив задание, мы с тобой права не имеем. Давай держать приличную дистанцию. Я пойду впереди, а ты – сзади меня. Ты всё правильно понял?

Седов остановился. Дождавшись, пока Абросимов отойдёт подальше от него, начал движение в том же темпе.

Но не прошло и нескольких минут, как впереди него раздался взрыв. Протерев глаза, он ещё раз посмотрел вперёд: сержанта перед ним не было. Мина попала прямо в него.

Оставшись один, корректировщик начал добираться до речки по-пластунски. Но это его не спасло: рядом разорвалась очередная мина, осколками которой были искалечены обе ноги. Он замер, притворившись убитым. Его оставили в покое.

Наступила ночь. Под покровом темноты, ползком, упираясь одними руками, вернулся в лесополосу. Рация, как и его ноги, пострадала. Сообщить на батарею о случившемся не мог по понятной причине. Вернуться обратно тоже не имел физической возможности. Перевязав повторно раны на ногах, Седов стал думать, что ему делать дальше. Он находился за линией фронта, на территории, оккупированной врагом. Казалось, выхода не найти. Утром та вражеская колонна, которую должна уничтожить его батарея, проследовала в двух километрах от лесопосадки на восток.

Седова днём нашли местные жители, а ночью принесли в село, переодели, накормили. Сельский врач, пользуясь тем, что в селе оставался только один немецкий комендант с помощником, сделал раненому необходимую операцию. Это же обстоятельство позволяло жителям села прятать бойца от посторонних глаз. Когда раны зажили, его переправили в партизанский отряд, в котором он воевал до конца войны. Воевал храбро, судя по количеству наград.

После Победы Седов с ними и с нашивками о ранении вернулся в родной город, до которого, к счастью, война не докатилась. Дом его одноэтажный по-прежнему стоял на городской окраине: в годы войны ни о каком строительстве речи не шло. Открыв калитку, фронтовик остановился, услышав из открытого окна знакомый голос жены: «Саша, иди к папе».

«Какой Саша? Какой папа? – пронеслось в голове фронтовика. – Сына звать Миша, а из-за разросшегося сада жена его видеть не могла. Что-то тут не так...»

Когда он зашёл в свой дом, то увидел картину, достойную кисти Репина или Левитана: на полу играл двухлетний мальчик, его сын Миша сидел за столом и что-то писал в тетрадке, а на кровати, обнявшись, сидела его жена с незнакомым мужчиной. После вопроса, что это значит, жена достала из шкафа сообщение от командира воинской части, где говорилось, что её муж, рядовой Седов Андрей Викторович, пропал без вести в октябре 1942 года при выполнении боевого задания. «Ну и что? Тут же не говорится, что погиб?» – тихим голосом спросил жену её законный муж.

– Не говорится, но вот Степан Ильич говорил, что ты погиб. Перед тем как его комиссовали по ранению, он встретился с твоими однополчанами, – отвечала женщина.

Это была явная ложь. Ни с кем он не встречался.

Седов после этих слов замолчал, отвернулся от жены и смотрел на своего повзрослевшего сына. Он не мог понять, как это его любимая жена, мать его сына, не смогла дожидаться окончания войны, поверив какой-то казённой бумажке и какому-то Степану Ильичу. Он не знал в эту минуту, что брак их уже был зарегистрирован, но догадался, что мальчик – их совместный ребёнок. «Сынок, пойдём со мной», – обратился он наконец-то к своему сыну.

Миша встал из-за стола и направился к отцу, но между ними встала мать.

– Никуда не пойдёшь, сядь на место!

Сын покорно выполнил приказание матери.

Ничего не сказав, Седов вышел из дома, решив пойти к своему любимому ученику Володе Малову, узнать, вернулся ли он с фронта, а заодно и решить для себя вопрос: что делать дальше?

Дверь ему открыл молодой, но уже седой капитан. Это был Малов. С боями дошёл до Берлина и сейчас находился дома в отпуске по ранению. Он остался служить в армии, будет обучать молодых солдат в учебном полку. Выслушав печальную историю своего бывшего учителя, капитан повёл его в свою комнату:

– Андрей Викторович, будете жить у меня. Тем более что я через неделю уезжаю в свой полк.

В это время с улицы вернулась мама Малова с его братом, который родился накануне войны и которого отец едва успел забрать из роддома.

– Мама, мама! – закричал четырёхлетний Коля. – Это мой папа вернулся?

Не успела его мать ответить, как он уже сидел на руках Седова и обнимал его. Мать молчала, оказавшись в весьма неудобной ситуации. За неё ответил сын: «Да, Коля, это твой папа с фронта вернулся». Мать, не выдержав слёз своего младшего сына, вышла из дома. Ни Коля, ни его «папа» не знали, что настоящий папа не вернётся никогда, что он пал смертью храбрых в окопах Сталинграда. Ошибки быть не могло: сын Володя воевал вместе с отцом и тот умер у него на руках. Об этом он написал тогда же в письме домой. С того дня мать ежедневно молилась за сына, чтобы хоть он вернулся живым. Он вернулся.

После ухода Седова его сын Миша вылез через окно в своей комнате и незаметно проследил весь путь отца. Вернувшись домой, собрал свои вещи, написал матери записку: «Меня не ищи. Я ушёл жить к отцу», – и ушёл из дома уже известным нам путём (через окно).

Спустя неделю капитан Малов отбыл в свою воинскую часть, а в его просторной комнате остались проживать его бывший учитель, брат Коля и... Миша Седов. Мать Коли второй раз замуж не вышла, Седов для него остался папой.

Что касается бывшей жены Светланы, то её постигла другая участь: новый муж вскоре начал злоупотреблять спиртными напитками, стал избивать жену. Ей пришлось с ним официально развестись. После этого Светлана и сама стала выпивать. Пила до тех пор, пока её не лишили родительских прав, а сына оправили в детский дом. Предательство близкого человека не проходит даром.

05.09.2015

ОНИ ПЕРЕЖИЛИ ВОЙНУ

В продовольственном магазине, расположенном в центре села, в очереди стояли пожилой седой мужчина и женщина, чьи виски покрыла седина. Им было на вид лет по семьдесят пять. На дворе стоял март 1969 года. Когда очередь дошла до них, они купили двадцать пачек соли, упаковку спичек, несколько кусков хозяйственного мыла. Стоявшие за ними две молодые девушки заулыбались. Одна из них не выдержала и спросила:

– Дедушка, вы что, огурцы собрались на зиму солить? Так их ещё не посадили на огородах. А насчёт спичек – бросайте лучше, дедушка, курить. А вот мыла правильно набрали: за день в огороде так наработаешься, что еле вечером отмоешься от пыли. А грязным спать ложиться нельзя.

Ни «дедушка», ни его «бабушка» отвечать на провокационный вопрос не стали, а молча вышли с товаром на улицу и сели на скамейку: мужчине стало плохо.

– Гена, тебе плохо, может, вызовем скорую помощь? – забеспокоилась жена.

– Не переживай, Маруся, сейчас маленько посижу, и боль в сердце пройдёт, – отвечал муж. – Просто моё сердце не выдержало насмешек этих девчонок, ничего не знавших о том, что такое война.

– Прости их, Гена, они ещё глупые, не знают, что такое холод и голод. Не дай Бог им пережить то, что пережили мы с тобой в годы войны.

...Рядовой Геннадий Борисов вернулся в село с Первой мировой войны инвалидом. Там, на фронте, он оставил левую руку. Несмотря на это, соседка-красавица Маруся вышла за него замуж. Родились дети. Надо было идти в колхоз – пошли. Репрессии 1930-х годов их семью обошли стороной. Возможно, потому, что в политику никто не лез, доносов на соседей не писал. Накануне войны оба сына-близнеца были призваны на службу в армию, из которой не вернулись: началась война. Дома оставались с родителями две дочери.

В сентябре сорок первого года в село вошли немцы. Нарушилась мирная жизнь сельчан, у которых быстро иссякли запасы продовольствия: в каждой избе поселились немецкие солдаты и офицеры, которых надо было чем-то кормить. Через месяц их воинскую часть сняли с села и перебросили дальше на восток. В селе остался один комендант с охраной. Полки единственного продовольственного магазина в селе оставались пустыми. Как известно, Гитлер не ставил задачу своим оккупационным войскам кормить, поить и одевать местное население. Задача была совсем другая.

Обеих дочерей Борисовых угнали в Германию на принудительные работы. Никто из них в отчий дом так и не вернулся. Что с ними случилось, неизвестно.

Поблизости партизан не было: местность – степная. Хотя Геннадий с первого дня войны пытался уйти в партизаны.

– Куда ты, Гена, пойдёшь с одной рукой-то? Не зря же тебя на фронт не взяли, – каждый раз успокаивала его Маруся. – А меня на кого оставишь? Печку растопить и то будет некому, замёрзну я зимой.

Зима действительно вскоре наступила, она не посмотрела на то, что в селе была другая власть. Печку надо было топить каждый день: морозы той зимой были сильные. Борисовы топили, пока не закончился запас спичек. Растапливать печку стало нечем. Пospрашивали у соседей, но у тех ситуация была такая же. Пришлось Геннадию на следующий день идти в район на местный рынок. Вернулся со спичками. Но в своей «коллекции» он после недосчитался одного Георгиевского креста. Их у него было три. До конца войны не осталось ни одного: менял на соль, мыло. По той же причине исчезли и другие боевые награды.

Когда закончилась война, ситуация была не лучше. Послевоенный голод унёс с собой в могилу многих односельчан, чудом уцелевших во время оккупации. Борисовы были христианами и очень верующими людьми. Не исключено, что именно вера в Бога и спасла их жизни. Но из всего это-

го они поняли одно: к войне надо готовиться заранее, запастись продовольствием и всем необходимым. Иначе не выжить...

Посидев около часа на скамейке, пенсионеры хотели подняться и пойти домой. Но неожиданно к ним подошли и сели те две «смешные» девушки. Они уже успели сходить домой и вернулись к тем, кого невольно обидели.

– Дедушка, извините меня за ту неудачную шутку, – заговорила девушка, которую звали Ирина. – Я же не знала причину ваших повышенных закупок товара, но мне бабушка сейчас рассказала о ней и послала меня перед вами извиниться. Поверьте мне, я раскаиваюсь в содеянном и прошу меня простить.

– Твоя бабушка тебе правду сказала, внучка, – отвечал Геннадий. – Твоя бабушка, как и мы с Марусей, пережила войну. Мы не можем спокойно смотреть, что в наши дни происходит на далёком острове Даманском. А вдруг война начнётся с Китаем, что тогда? Вот и запасаемся чем можем.

В это время к магазину подошёл молодой человек лет тридцати.

– Не волнуйся, дедушка, никакой войны на этот раз не будет, – вмешался в разговор парень. – Мой отец и два моих дяди погибли на той войне, чтобы войны больше не было никогда. И её не будет. Иначе зачем тогда столько было жертв?

– Ну как же, там же стреляют с обеих сторон. Есть погибшие.

– С сегодняшнего дня уже не стреляют. Договорились на самом высоком уровне.

– Да? А что же мне тогда делать с купленной солью и спичками? Последние пенсионные деньги потратили.

– Сколько вы за всё заплатили, дедушка?

Тот сказал. Парень отсчитал необходимую сумму денег и отдал им.

– Спасибо, добрый человек, – в один голос произнесли супруги. – Но кто вы? Мы вас в селе не видели, хотя живём всю жизнь. И чем нам вас отблагодарить?

Добрый человеком оказался заезжий по делам журналист районной газеты. Он заулыбался и произнёс:

– Отблагодарить можете. Вечер у меня свободный, из села я уезжаю завтра утром. Если можно, я подойду к вам домой, и вы расскажете мне о себе, своих детях и внуках. Это мне пригодится для статьи.

Журналист, увидев на глазах пенсионеров слёзы, которые потекли ручьём, понял, что, наверное, с внуками он перестарался:

– Простите меня, дети ваши, видимо, все погибли на войне?

– Да, два сына пали смертью храбрых: Коля погиб под Варшавой, а Серёжа – под самим Берлином. Что касается двух дочерей, то с принудительных работ из Германии они так и не вернулись. Вот и доживаем свой век вдвоём с Марусей, – ответил пенсионер.

Журналист сдержал слово: вечером посетил Борисовых. А утром расставались они уже как родные. Спустя неделю в районной газете «Вперёд к коммунизму» была напечатана статья «Они пережили войну». Когда же она заняла на областном конкурсе первое место к очередному Дню Победы, к ним стали навещать не только сельские власти, но и районные. В статье большое внимание было уделено их сыновьям и дочерям, которых родители с войны так и не дождались. Со страниц газеты перед читателями всплывала весьма печальная история: родители пережили своих детей, пережили страшную войну, потеряв на ней всех четверых детей. Понятно, что малейшая угроза миру на земле, в первую очередь в их стране, не может оставить равнодушными не только Борисовых, но и всех тех, кто пережил войну. И неважно где: на фронте, в глубоком тылу или на оккупированной территории. Всем было трудно. Заканчивалась статья словами поэта Александра Твардовского:

Война – жесточе нету слова,
Война – печальней нету слова,
Война – святее нету слова

В тоске и славе этих лет.
И на устах у нас иного
Ещё не может быть и нет.

23.03.2019

СЛУЧАЙ У КАССЫ

Рассказ

В продовольственном магазине с самообслуживанием выстроилась очередь у трёх касс. Покупатели, расплачиваясь за товар, уступали друг другу место. Неожиданно все обратили внимание на первую кассу, где возник какой-то шум. «Оплачивайте мороженое или я сейчас позову охранника, он вас всех в полицию отведёт! Воровка! Воровка!» – кричала во весь голос молоденькая, лет двадцати, кассирша с нагрудным бейджиком «Татьяна».

Пожилая женщина, стоящая у кассы, расплакалась:

– Прости, внучка, мне семьдесят пять лет, шла в магазин с внуками за мороженым, а кошелек на тумбочке в коридоре у телефона забыла. Сейчас я схожу, тут рядом, и принесу тебе деньги. К сожалению, вернуть я его тебе обратно не могу. Сама видишь причину.

Причина понятна стала всем: семилетний внук, стоящий рядом, уже доделал, облизываясь, мороженое. Он выбрал самое вкусное, не интересуясь ценой. Восемилетняя внучка успела укусить его только один раз, но тем самым нарушила товарный вид. А злая кассирша, вставшая утром с постели, видимо, не с той ноги, или ей приснился плохой сон, продолжала кричать:

– Охрана, ко мне! Задержите всех троих. Будут знать, как у меня на глазах есть мороженое неоплаченное. Да к тому же моё любимое. Мне бы кто его купил. Так никто до сих пор не догадался почему-то. Ума не приложу.

Не успела подойти охрана магазина, неизвестно где находившаяся в это время, как с конца очереди к кассе подошёл один седой мужчина, опираясь на палочку. Уточнив, сколь-

ко стоит мороженое, он отсчитал необходимую сумму денег и отдал бабушке с внуками: «Заплатите, пусть она успокоится». А сам направился в очередь другой кассы. Пока бабушка расплачивалась, стоящие за ней девушка с парнем молча перешли на ту же кассу, оказавшись за добрым дедушкой. Их примеру последовали остальные. Поступок незнакомца и наглость кассирши их задели за живое. Она осталась одна.

На второй кассе, поняв, что произошло, покупатели пропустили дедушку вперёд. Его покупка была нехитрой: хлеб, молоко, сметана. Все подумали, что он человек бедный, что ему не хватает пенсии, но никто из взрослых не захотел за него заплатить. К счастью, у того имелась пенсия фронтовика.

Уже на улице к нему подбежали две девочки лет двенадцати:

– Дедушка, дедушка, возьмите наше мороженое. А мы себе ещё купим.

Описываемые события происходили накануне праздника Победы. Дедушка мороженого не взял, пожелав приятного аппетита и мирного неба над головой.

Наступило 9 Мая. Известный нам уже магазин открылся после обеда. Администрация, не ожидавшая в этот праздничный день наплыва покупателей, посадила за кассу только одного кассира. Им оказалась та самая девушка, устроившая скандал из-за мороженого. Спустя десять минут, когда у кассы образовалась большая очередь, в магазин зашёл, опираясь на палочку, седой майор, весь в орденах и медалях. В другой руке он держал то самое дорогое мороженое. Подойдя к кассе, он отдал его девушке:

– Татьяна, кушай на здоровье. И дай Бог, чтобы тебе не удалось пережить того, что пережил я во время войны.

...Лейтенанта Бондарева война застала в летнем лагере недалеко от польской границы. А закончил он её в Праге. Через многое прошёл фронтовик, многое видел, но на всю жизнь до мелочей запомнил выход своего взвода из окружения.

Тогда, летом 1941 года, жители Западной Украины, не так давно ставшей советской, по-разному относились к красноармейцам, выходящим из окружения. С каждым днём из-за боёв от взвода оставалось всё меньше солдат. Но вот наконец-то для оставшихся троих бойцов во главе с командиром замаячил на горизонте хуторок. Обойти его не хотелось: хоть какая-то надежда перекусить на голодные желудки появилась у них внезапно...

Было это под вечер. Дождались темноты и пошли в... неизвестность. Шли поодиночке, чтобы не привлекать внимание жителей, а возможно, и находящихся там немцев. Заходили с разных сторон и стучали, понятно, тоже в разные дома. Последним направился к домику, утопающему в зелени, Бондарев. Услышав из открытого окна немецкую речь, спрятался в сарае. Хотел было уйти к другому дому, но послышался вдалеке ружейный выстрел и крик: «Партизаны!». В тот же вечер комендант (а на хуторе находился только он со своим помощником) с помощью полицаев задержал всех троих красноармейцев. Их судьба осталась неизвестной.

Василий Бондарев продолжал скрываться в сарае, принадлежащем, как и дом, старосте. Поэтому-то его сарай и не обыскали. На всякий случай беглец залез на его чердак. Съедобного ничего там не оказалось. Утром, ближе к обеду, почувствовав запах борща, который хозяйка варила во дворе, он чуть было не полез вниз, вспомнив своё детство, когда мама, приготовив обед во дворе их сибирского дома, просила сына слезать с чердака дома.

Чтобы не думать о голоде, лейтенант снова окунулся в сон. Очнулся оттого, что чья-то рука гладила его по лицу.

– Дяденька, вам плохо? – спрашивала на смешанном русско-украинском языке девочка на вид лет восьми.

– Я помираю с голода, девочка, но ты будь так добра, не говори об этом никому.

– Нет, не скажу, дяденька. Но вы не бойтесь, в нашем доме часто бывает немецкий комендант, искать здесь никого не будут. К тому же мой папа – староста на хуторе. Но ему на глаза вы не должны показываться. Когда трезвый, он вас

не выдаст, он не фашист, но когда пьяный, и мать родную продаст.

– Спасибо, девочка, я прятаться буду здесь до вечера, а ночью пойду дальше.

– Ой, дяденька, сегодня ночью нельзя. Я слышала, что ночью полицаи хотят делать облаву на появившихся в лесополосе за хутором партизан. Перекроют дороги. Им на помощь комендант даёт взвод немецких солдат из города.

На этом они расстались. «Верить, не верить девочке?» – подумал «дяденька». На всякий случай приготовился к бою. Как ему казалось, к последнему. Через полчаса девочка вернулась. В руках она держала кусочек хлеба и две печёные картошки. Ещё горячие.

– Это вам, дяденька, – положив перед ним еду, шёпотом произнесла девочка. – Больше не могла, мама знает, из меня плохой едок, ещё что-то заподозрит.

– Умничка ты, как звать-то тебя, добрый маленький человечек?

– Маша.

– Спасибо тебе, Машенька, за всё. Если останусь жив, найду тебя и отблагодарю. Сейчас у меня ничего нет.

Спустя два дня лейтенант ночью ушёл из хутора. Пробираясь по ночам на восток, он в итоге попал к партизанам. Когда же Советская Армия пришла в эти края, продолжил воевать в её рядах до самой Победы. Своё обещание выполнил: разыскал после войны свою спасительницу, ставшую уже совершеннолетней, пригласил её в гости в родную Сибирь, где Маша впервые увидела настоящего русского медведя...

Тогда, находясь в очереди у кассы магазина, увидев такую же восьмилетнюю девочку, которую злая кассирша пыталась вместе с бабушкой отправить в полицию из-за мороженого, майор вспомнил свою спасительницу из сорок первого года с печёной картошкой в руках. Такое не забывается. Никогда!

О ФИЛЬМЕ «ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ НИКОГДА!»

Статья

На портале «Проза.ру» я состою с 21 июля 2015 года. С самого начала заметил, что некоторые авторы уж больно стремятся похвастаться изданными книгами, размещая их обложки на своих страницах. Не буду лишним раз говорить о том, что в наши дни, если у тебя есть лишние деньги, можно издавать каждый день по книге. Я хочу сказать о другом.

Да, приятно, конечно, видеть свои произведения напечатанными, открыв книгу, пахнущую ещё типографской краской. Вряд ли кто от этого удовольствия откажется. Но существует ещё большее удовольствие: видеть, как герои твоих рассказов оживают в буквальном смысле слова. Речь, как понял уже читатель, идёт об экранизации произведений. Не каждый автор может получить этот драгоценный подарок.

Такой подарок я получил, когда посмотрел короткометражный художественный фильм «Такое не забывается никогда». Он снят ульяновским кинорежиссёром Павлом Жарковым по мотивам моего рассказа «Случай у кассы». Его я написал 29 мая 2017 года под впечатлением прошедшего 72-го Дня Победы. Хотя собирался написать ещё ранее, когда участники той страшной войны сами ещё ходили по магазинам, а сегодня, увы, даже живущие среди нас фронтовики, которым за девяносто, уже не ходят по торговым точкам. Их становится всё меньше и меньше. Но с их уходом должна продолжаться память о них. С этой целью и был написан мной рассказ.

22 августа 2017 года я получил юбилейную 2500-ю рецензию к рассказу «Случай у кассы». Однако она оказалась для меня весьма необычной: Павел Жарков, зарегистрированный на портале «Проза.ру», прочитав мой рассказ, просил разрешения на экранизацию. Я согласился, ни на что особо не надеясь. Каково же было моё удивление, когда спустя год и неполных четыре месяца увидел обещанный фильм. Теперь о самом фильме.

В отличие от Михаила Шолохова, утверждавшего актёров на главные роли в фильме «Тихий Дон» и присутствующего при съёмках, я понятия не имел, кто снимается в фильме «Такое не забывается никогда». Это тем более интересно, что на месте режиссёра я бы не смог так удачно подобрать актёров, как это сделал он. Видимо, сработала на все сто процентов интуиция.

Тринадцать минут продолжается фильм, и все эти 780 секунд я любовался игрой Александра Егорова, прекрасно исполнившего роль главного героя – дедушки. Не отстаёт от него и «бабушка» (Альбина Андреева) со своими внуками. Их, насколько я понял, сыграли сестра и брат Вероника и Слава Никишины. А как сыграли! Возможно, перед нами будущие кинозвёзды! Ведь вместе с ними в эпизодах приняли участие Алексей и Ирина Никишины, судя по всему, их папа и мама.

Когда я смотрю фильмы, то всегда удивляюсь, зачем актёры соглашаются на отрицательные роли. Вопрос, разумеется, интересный. Понятно, что положительные роли играть куда приятнее, но... кому-то надо играть и отрицательные. Но для действительно талантливых актёров и актрис, как давно было замечено, нет разницы, кого играть. Талант — он или есть, или его нет. Не сомневаюсь, что Лада Малаева, сыгравшая роль кассира, таким талантом обладает. Она свою роль исполнила так, что если не знать, что это художественный фильм, то можно принять эпизоды с её участием за видеозапись с камер наблюдения. Кажется, событие происходит на самом деле. Как я узнал, по профессии она актриса, возглавляет детский театр «Радость» Ульяновска.

Зрители, посмотрев фильм, не могут, я думаю, не обратить внимание на яркий талант маленькой актрисы Кати Сабанчевой, сыгравшей Марийку в детстве. Так свободно чувствовать себя перед кинокамерой не каждая её ровесница сможет. Катя смогла. Я же смотрел на неё, слушал её и пришёл к выводу: да, при написании рассказа именно такой я эту девочку и представлял. Как Павел Жарков сумел найти её на эту роль, не представляю. Это, несомненно, его

большая удача. Пройдут годы, Катя вырастет, возможно, станет актрисой, но, не сомневаюсь, никогда не забудет свою первую роль, как не забыла это Анна Каменкова, в шестилетнем возрасте сыгравшая главную роль в советском фильме «Девочка ищет отца».

Дедушку в молодости во время войны сыграл Сергей Титов. Ему досталась трудная роль, на первый взгляд: играть эпизод с девочкой. Он же с ролью справился на пять. Как и в эпизоде с участием Ольги Александровой (взрослая Марийка).

Надо отдать должное Олегу Пономаренко (немецкий офицер), Олегу Казаку (староста) и Анне Шестопёровой (жена старосты). Играть врагов не очень приятно, но они переборили эту неприятность.

Очень запомнились ролями: Борис Алексеев (лейтенант) и Дмитрий Озеров (Сорокин).

Моя благодарность сценаристам фильма Леониду Овтину и Ирине Лавыревой. По мотивам моего рассказа им удалось написать киносценарий, на основе которого Павел Жарков снял фильм, который не оставит зрителя равнодушным, ибо он с самого начала берёт, как говорится, за душу и не отпускает до его окончания. Оператор — Виталий Антонов.

Недавно наш президент утвердил мероприятия по празднованию в 2020 году 75-летия Великой Победы. Снятый за полтора года до этой даты фильм «Такое не забывается никогда!» займёт достойное место в праздничных мероприятиях.

ЖАВОРОНОК

Статья

В 1964 году, в преддверии 20-летия Великой Победы на экраны вышел советский художественный фильм с прекрасным названием «Жаворонок». В основу фильма, как извещают об этом в самом начале его авторы, положен подлинный факт. В этом не может быть сомнения потому, что одним

из авторов сценария является поэт-фронтовик, танкист Сергей Орлов. Это его строки, положенные на музыку, звучат в самом начале фильма в исполнении Кристалинской:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

Это самое значимое для поэта стихотворение было написано в 1944 году, когда командир танка Сергей Орлов не снял ещё свою гимнастёрку, опалённую в буквальном смысле слова войной: дважды горел в подбитом танке и дважды выжил. Соавтором явился поэт Михаил Дудин. Сняли фильм режиссёры Никита Курихин и Леонид Менакер.

Фильмов о Великой Отечественной войне в советское время сняли много, но почему же я заговорил именно об этом фильме? Потому, что он лучше всего подходит для патриотического воспитания нашей современной молодёжи.

В этом фильме нет массовых батальных сцен, как в «Освобождении», нет уличных городских боёв, как в «Солдатах», нет штурма, как в фильме «На пути в Берлин». Тяжело было в окопах фронтовикам, но, идя в атаку, они чувствовали, что рядом шли такие же, как они, солдаты. Атака — это подвиг каждого из них. Однако на войне совершались подвиги, о которых в сводках Совинформбюро не сообщалось. Об одном из них и рассказывает фильм «Жаворонок».

В Интернете прочитал комментарии к этому фильму. Они разные. Особенно задел меня комментарии, касающиеся актёров. Якобы те плохо сыграли. Роли членов экипажа танка Т-34 сыграли: Вячеслав Гуренков, Геннадий Юхтин, Валерий Погорельцев и Валентин Скулме. Сыграли, на мой взгляд, превосходно. А вот с тем, что сценаристы фильма

зря включили в экипаж советского танка француза, которого сыграл латвийский актёр, согласиться можно. Но никак нельзя согласиться с некоторыми комментариями о том, что такого быть не могло. Надо учитывать, что фильм «Жаворонок» не является документальным, а с начала и до конца он – фильм художественный с допустимым в таком случае творческим вымыслом сценаристов.

Главная идея фильма – показать, что и в плену советские солдаты вносили свой вклад в предстоящую Победу, совершая незаметные маленькие подвиги. Не зря же в фильме точно назван день – 22 июня 1942 года. «Второй раз для нас с тобой, – говорит герой Гуренкова, – война начинается!» Его оптимистические слова находят живой отклик у морально подавленного героя Юхтина и заставляют героя Погорельцева действовать с умом, а не сломя голову. Только герой Скулме, видимо, ничего не понял: для него это обычная дата.

Некоторые комментаторы «советуют» задавить несколько немцев и при этом героически погибнуть. К счастью, сценаристы фильма пошли по другому пути. Последствия ужаса в том маленьком, находящемся в глубоком тылу, немецком городке не сравнимы с гибелью нескольких фашистов. Пройдёт почти три года – и жители этого городка увидят (но не в фильме, разумеется) на своей площади уже не один советский танк. Причём просто крутить башнями они не будут.

Самый сильный эпизод в фильме, который смотреть без слёз нельзя, – это когда советский танк Т-34 идёт на полной скорости по немецкому полю с ромашками, где угнанные в Германию наши женщины, увидев танк, пытаются его остановить, а потом бегут ему вослед. Когда я посмотрел фильм первый раз, то не мог понять, почему он называется «Жаворонок». Экипажи танков немцы на полигон выгоняли рано утром. Подумалось, может из-за этого. Но я ошибся. Только посмотрев его несколько раз повторно, окончательно понял смысл названия фильма. Когда одна из женщин, дальше всех убежавшая по полю, с тоской и надеждой

смотрит на всё дальше уходящий танк, оператор фильма нам показывает парящего в воздухе жаворонка. Птице всё равно, где летать, она в полёте свободна. В отличие от этих бедных и подневольных женщин, вынужденных работать в поле на какую-то немецкую баронессу.

Финал закономерный для экипажа танка: уйти живыми им в реальной обстановке вряд ли удалось бы. В июне 1942 года ещё не могло быть на территории Германии никаких партизанских отрядов. Они там появятся позже. Уйти военнопленным было некуда. Немецкие овчарки быстро брали след.

Некоторые комментаторы утверждают, что в советские времена фильм «Жаворонок» мало показывали и что он чуть ли не «лежал на полке». Неправда! В далёком 1964 году я его посмотрел впервые в восьмилетнем возрасте и с тех пор смотрел неоднократно: и по телевидению, и в кинотеатрах. Очень надеялся, что фильм «Жаворонок» будет показан 9 мая 2019 года на одном из федеральных телеканалов. Надежда оказалась напрасной.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МИРА

Статья

Тысяча четыреста восемнадцать дней и ночей, опалённых войной, уходили в прошлое. Наступал мир. Каким был он, первый день мира? Когда читаешь мемуарную литературу, смотришь фильмы о прошедшей войне, приходишь к выводу: 9 мая 1945 года явилось, по сути, невидимой гранью, разделившей с одной стороны горе и слёзы переживших войну – и их же радость мирному дню. К сожалению, и в первый день мира ещё гибли советские солдаты и офицеры, которые принесли мир в Европу. Доказательством этого является замечательный советский фильм 1959 года «Первый день мира».

Фильм снял кинорежиссёр Яков Сегель (10.03.1923 – 19.05.1995), сам прошедший фронтовыми дорогами. Он знал,

что снимал. В отличие от нынешних режиссёров. Сценарий написан супругами Ольшанскими: Иосиф (22.12.1917 – 12.01.2004) и Нина (19.10.1923 – 22.12.1975). Может, поэтому лучшего фильма о «первом дне мира» мне видеть не приходилось.

Он рассказывает о советском офицере в звании лейтенанта, а не о советском солдате, как это написано почти на всех сайтах, где можно посмотреть этот фильм. Ну это ещё ладно, а вот на одном из них я вычитал, что, оказывается, фильм «повествует о трагической судьбе простого советского солдата Михаила Платонова, который вернулся в родную деревню в уже мирные дни 1945 года». В этой цитате правда содержится только в словах «трагическая судьба» и «Михаил Платонов». Остальные не соответствуют действительности. Я написал рецензию, но на сайте она почему-то так и не появилась. Там по-прежнему «простой солдат возвращается в свою деревню». Интересно, что думают зрители после просмотра фильма об авторах той «аннотации»? Наверное, то же самое, что и я. Но узнать невозможно. Прочитать там можно следующее: «Здесь пока нет рецензий и отзывов к фильму «Первый день мира». Хотите написать?» Отвечают то же самое.

Однако не все сайты скрывают комментарии зрителей. Из всех к этому фильму мне запомнился один. Зритель «moskva2» пишет: «Премного огорчает, что по каким-то непонятным причинам для большинства этот замечательный фильм предаётся забвению». Может, зритель и не совсем прав, но 9 мая 2019 года мы, российские телезрители, этот фильм уж точно не увидели на федеральных каналах. Такой фильм надо показывать только в этот день.

Фильм действительно замечательный – благодаря хорошо продуманному сценарию и игре актёров. Посмотрев фильм, уже трудно представить в роли лейтенанта Платонова другого актёра на месте Валериана Виноградова или другую актрису в роли медсестры Оли, которую сыграла Людмила Бугенина.

Начинается фильм с того, что по кирпичной стене с надписью «Первый день мира» эсэсовец даёт пулемётную очередь. Понятно, что в действительности такого могло и не быть, но для фильма этот эпизод весьма кстати. Затем наступает тишина, и спустя пять минут советский парламентар с советским флагом идёт к засевающим в замке немецким солдатам и офицерам. Ещё через некоторое время вновь бьёт пулемётная очередь, стреляет тот же фашист. Однако парламентар Платонов остаётся стоять на месте: пули не задевают его. После тот познакомится со своим спасителем. Немцы выходят из замка и складывают оружие. Казалось бы, наступил мир и все останутся живы.

Увы! В конце фильма лейтенант Платонов получает смертельное ранение при погоне за тем же офицером СС и умирает, в бреду повторяя слова ультиматума, только теперь на русском языке. Умирает, оставляя любимую девушку – медсестру Олю. Неожиданно вспыхнувшая взаимная любовь уходит вместе с ним. Но судя по тому, что медсестра после этого отказала в любви своему бывшему жениху и одному больному, который не давал ей прохода в госпитале, их любовь продолжает жить, она сохранилась в сердце Оли. Что будет с ней дальше, авторы фильма не решились сообщить зрителю, ибо, как сказал начальник госпиталя: «Это для них война закончилась, но не для нас».

Самый сильный эпизод в фильме – это посещение лейтенантом и медсестрой разрушенного немецкого университета. И дело не только в том, что там вспыхнула любовь героев фильма. Мне кажется, режиссёр ставил вместе со сценаристами другую цель. А именно: показать, что на защиту Родины пошли с «гражданки» люди, всю войну мечтавшие вернуться в мирную жизнь. Ведь если бы не война, тот же Михаил Платонов не надел бы военную форму, а преподавал на кафедре Ленинградского университета немецкий, английский и французский языки и литературу. Как он мечтал, находясь в разрушенном вражеском университете, о том, как будет преподавать в своём родном университете, а среди его слушателей будут студенты в гимнастёрках...

В фильме на примере семьи Фишера показана и трагедия немецкого народа. Вначале мы видим, как солдат Фишер в том замке рассматривает со слезами на глазах фотографию своей жены и дочери. Затем он пытается их найти, но буквально в нескольких метрах от замка расходится с ними. Он потом погибает, так и не встретившись со своей семьёй. А жену и дочку спасает от холода на улице советский офицер Платонов, попросив немецкую семью приютить их. Символично, что именно их, дочку и её маму, зритель видит потом у его могилы с надписью: «Гвардии лейтенант Платонов Михаил Григорьевич. Убит 9 мая 1945 года». Убит в «первый мирный день».

Берёт за душу и песня «Солдатское письмо», которая звучит в фильме:

Ходят рядом в солдатской судьбе
Жизнь и смерть по дорожке одной,
Мама, жди, сын вернётся к тебе,
Ничего не случится со мной.

К сожалению, не все матери дождались своих сыновей с той страшной войны!

Андрей Петраков

г. Воскресенск, Московская область

НИКОЛАЙ СУХОВ ПОХОРОНЕН ПОД НАРВОЙ

*Не плачь, мы жили жизнью смелой,
Умели храбро воевать.
Ты на штабной бумаге белой
Об этом можешь прочитать.*

А. Лебедев

Работник прядильно-ткацкой фабрики им. А. Д. Цюрупы, комсомолец Сухов, в сентябре 1940 года был призван Виноградовским РВК на военную службу. Никогда не видавшего моря губинского паренька направили на Балтийский флот. Здесь, у стен Ленинграда, сухопутный краснофлотец — боец отдельной зенитной батареи — и встретил начало войны.

До июля 1943 года Николай в составе боевого расчёта зенитно-артиллерийского дивизиона защищал от вражеских стервятников небо северной столицы, а затем был списан с батареи в сводный батальон морской пехоты и отправлен на Орловско-Курскую дугу. После завершения наступательной операции старшему матросу больше не довелось надеть привычную форму. В звании гвардии рядового наш земляк был зачислен в пехоту на должность пулемётчика станкового пулемёта «Максим».

В составе гвардейской стрелковой роты участвовал в тяжёлых боях на Синявинских высотах, был тяжело ранен и спустя четыре месяца вновь направлен на передовую.

Отважный пулемётчик, награждённый медалью «За оборону Ленинграда», принял участие в победоносной Красносельско-Ропшинской наступательной операции, в результате которой город Ленина полностью освободился от вражеской блокады.

В составе 63-й гвардейской стрелковой дивизии Ленинградского фронта он, не щадя себя, из боя в бой вместе с товарищами много раз поднимался в атаку, чтобы овладеть и закрепиться на Нарвском плацдарме.

За месяц кровопролитного сражения красноармеец Сухов совершает два героических подвига.

17 января 1944 года при занятии опорного пункта врага Дудергофа лично уничтожил из своего пулемёта 18 фашистов, а после гибели командира принял на себя командование, продолжая вести меткий огонь. При сближении с противником пошёл в атаку в передней цепи и из автомата истребил одного офицера.

С 11 по 13 февраля 1944 года уничтожил в бою 7 немецких солдат. Также заменил командира станкового пулемёта, который и при нём продолжал действовать безотказно.

За свои ратные подвиги Николай был представлен командиром полка к орденам Красной Звезды и Славы III степени, но приказом командира дивизии награждён медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу». Получить медали пулемётчик не успел.

17 февраля 1944 года при атаке на вражеские позиции в районе станции Аувере железной дороги Нарва – Раквере отважный красноармеец, станковый пулемётчик, гвардии рядовой Николай Сухов пал смертью храбрых. В извещении от 23 февраля 1944 года, полученном его матерью, Марией Филипповной Суховой, точно значилось место захоронения: братская могила 300 метров северо-восточнее деревни Карья Нарвского района Эстонской ССР.

В этот же день, 23 февраля 1944 года, в день 26-й годовщины Красной Армии, над Невой прогремел двадцатью артиллерийскими залпами салют в честь Великой Победы, одержанной советскими войсками под Ленинградом.

А имя нашего славного земляка Николая Александровича Сухова благодарные потомки навсегда увековечили в Книге Памяти (стр. 308, том 3 по Воскресенскому району Московской области); в сборнике материалов о блокадном Ленинграде «Наша вечная память и боль» (автор Н. И. Пыркова); на плитах памятника погибшим в Великой Отечественной войне (деревня Губино, сельское поселение Ашитковское); в мемориале «Вечный огонь» на Аллее Славы города Воскресенска.

22.12.2018

ОН БЫЛ ГВАРДЕЙЦЕМ

Вспоминая свою службу в столице многонационального Ирана городе Тегеране, бывший гвардии старшина Сухов делился впечатлениями о белом солнце и раскалённых зыбучих песках древней Эламской пустыни... Он повествовал о вечных снегах на вершинах горных хребтов Эльбурса и растущих у их подножия диковинных фруктах и необыкновенно сладком винограде... Ветеран охотно говорил о персидском Реза-шахе Пехлеви и несметных месторождениях нефти, о чёрной женской парандже и о том, что Восток – дело тонкое. А на один из многочисленных вопросов: «Почему же всё-таки удалось отстоять Москву в 41-м, разгромить врага на огненной Курской дуге в 43-м и в конце концов добить фашистов в самом их логове?» – фронтовик-доброволец, недолго думая, отвечал: «Потому что мы были гвардейцами...»

Сухов Иван Александрович после продолжительной болезни ушёл из жизни в последний день зимы 1985 года... В год 65-летия Победы его рассказ о своей жизни и о войне с фашистами, который я успел записать с его слов 25 лет назад, представляю вашему вниманию:

– Родился я в 1911 году 25 октября в крестьянской семье у родителей Александра Григорьевича и Марии Филипповны в деревне Губино бывшего Бронницкого уезда. Крещён был в церкви Воскресения Христова села Ашитково...

До октябрьских событий 1917 года по деревне часто проезжал в удобной коляске, запряжённой тонконогой лошастью, владелец ткацкой фабрики Гусев (ныне фабрика находится в п. им. Цюрупы). Мы, босоногая детвора, мчались вслед за коляской. Окружив её с трёх сторон, начинали наперебой кричать Гусеву: «Гусь-гусь – красный нос, почём в городе овёс?!» Это продолжалось до тех пор, пока сидевший на козлах кучер в нарядном кафтане не начинал кнутом, подобно выстрелам из ружья, раскатисто хлопать по укатанной дороге направо и налево...

Зимой я любил покататься на деревянных коньках, а иметь настоящие железные коньки было самым заветным желанием. Когда в 1926 году погиб отец, на руках у матери осталось пятеро детей. Пришлось быстро повзрослеть и заменить в хозяйстве отца.

В начале 30-х годов случился голод и дома нечего было есть. Чтобы семье хоть как-то выжить, отправился в Москву и обменял на рынке свой единственный пиджак из дорогой ткани на мешок зерна.

Имея за плечами семь классов сельской школы, в январе 1933 года был призван на действительную военную службу в Особую Краснознамённую Дальневосточную Армию под командованием будущего Маршала Советского Союза Блюхера В. К., в 1-й эксплуатационный железнодорожный полк. На одном из полевых тактических учений полка присутствовал сам командующий. После манёвров во время обеда Блюхер вместе с нами, красноармейцами, расположился прямо на земле и ел кашу из одного солдатского котелка. При этом командарм интересовался боевой выучкой курсантов, смеялся и шутил, производя на нас впечатление душевного и открытого человека.

В октябре 1936 года в должности младшего командира я был уволен в запас.

Те профессиональные знания и навыки, которые приобрёл в армии, мне пригодились в мирной жизни. С 1937 по сентябрь 1941 года я работал в Москве вагономастером на железнодорожной станции Андроновка. В сентябре 1937 года женился, а в 1939-м у нас с женой Еленой родилась дочь. Начавшаяся 22 июня 1941 года война перечеркнула все планы на будущее...

На фронт ушли братья. Одному из них не было суждено вернуться домой.

Меня, как и всех железнодорожников, на фронт не брали. Мы имели бронь (не подлежали мобилизации военнообязанных в Красную Армию). В депо нас информировали, что на железных дорогах возможны диверсии со стороны

немецких парашютистов, забрасываемых вражеской авиацией. В этом убедился лично: в августе во время следования железнодорожного состава на переходной площадке последнего вагона пришлось вступить в рукопашную схватку с немецким лазутчиком. Спас мою жизнь оказавшийся под рукой железнодорожный башмак.

В сентябре в Виноградовском РВК написал заявление с просьбой отправить добровольцем на фронт. Мою просьбу удовлетворили. В октябре 1941 года был мобилизован и отправлен помощником командира взвода в звании гвардии старшины в 7-й стрелковый гвардейский полк, который находился в г. Павловский Посад.

Когда полк заново укомплектовали и подготовили к боевым действиям, нас погрузили в эшелон и отправили на передовую. По мере приближения к линии фронта среди необстрелянных солдат возникла паника. Некоторые из них пустились наутёк подальше от вагонов. Об этом я доложил командиру, на что тот ответил: «Пусть бегут... Посмотрим, как в бою себя покажут».

Воевать пришлось на Калининском, Западном и Юго-Западном фронтах. Своё первое боевое крещение получил на подступах к г. Калинин. Затем освобождали города Старица и Ржев.

Зима 1941/1942 гг. была снежная и морозная. Нам выдали тёплые полушубки, перед наступлением пришли посылки с варежками, а вот немцам, привыкшим к мягкому климату и благам западной цивилизации, в окопах пришлось несладко: на них не только обрушились ранние сорокаградусные морозы, но и напали полчища вшей, из-за которых те чуть ли не с лета 41-го года преднамеренно носили шёлковое нательное бельё. Вот фрицы и начали кутаться в тряпье, которое они отбирали у населения, да надевать на сапоги соломенные самодельные калоши.

Но, несмотря на это, фашисты яростно сопротивлялись, стараясь удержаться на своих позициях. Однажды мы получили приказ с хода выбить врага из одного населённого

пункта. Наша атака захлебнулась, когда с чердака крайней избы заговорил вражеский пулемёт. Бойцы залегли в снег и стали окапываться. Немец не давал поднять головы. Вооружённый противотанковым ружьём, я обошёл деревню с фланга, подполз как можно ближе и произвёл выстрел. Пулемёт замолчал... Пехотинцы поднялись в атаку и овладели населённым пунктом.

До сих пор жив в памяти бой нашего пулемётчика, позиция которого находилась на вершине холма, с пикирующим немецким стервятником. Эту схватку немецкий пилот проиграл, когда попал под меткий пулемётный огонь. Потеряв управление, машина рухнула на землю, а лётчик приземлился на парашюте и сдался в плен.

С января 1942 года я воевал в составе 875-го стрелкового полка. Помнится брошенная немцами полевая кухня: горячего кофе в термосах и бутербродов с маслом и сыром хватило на всех!..

В апреле 42-го в бою был дважды ранен в правую ногу, а затем и контужен. Придя в сознание, понял, что оглушён и нахожусь на нейтральной полосе. Надежда на спасение сменилась тревогой, когда разглядел в приближающемся человеке немца. Немец прошёл мимо. Запомнилась его упитанная фигура и выбритая здоровенная шея.

С поля боя меня вынесли санитары и отправили в санбат, расположенный в деревне. Разместили в крестьянской избе, до отказа забитой тяжелоранеными. За нами ухаживала хозяйка с десятилетним сыном Митей. Мальчик принёс мне со двора пару деревянных грабелек. Благодаря им я начал кое-как передвигаться. Когда утром следующего дня немцы прорвали нашу оборону и стали подходить к деревне, эвакуировать раненых было не на чем, да и некому. Не дали замёрзнуть под открытым небом каким-то чудом увидевшие меня из леса кавалеристы, когда я, проковыляв на грабельках от деревни полем метров сто, от бессилия и нестерпимой боли в ноге упал в глубокий снег.

На излечение меня направили в эвакогоспиталь № 3865. Хирург, осмотрев ногу, принял решение о её ампутации. Но сосед по койке стал убеждать меня в обратном: ампутация ноги – дело нехитрое, и следует ещё побороться за её сохранение. Когда хирург с медицинской пилой вошёл в операционную, я от ампутации отказался. Хирург оторопел. Он раздражённо сказал, что я об этой выходке не раз пожалею. Но правая нога вопреки неутешительным прогнозам всё-таки зажила. После госпиталя долечивался дома на родине. Поправившись, был направлен в прежней должности в 61-й отдельный стрелковый батальон. Участвовал в боях под Курском.

В конце 43-го года по состоянию здоровья был переведён на должность старшины 6-го отдельного строительного батальона 155-го дорожного комендантского участка.

9 Мая 1945 года встретил в Малой Азии на территории Ирана, северная часть которого была занята советскими войсками. После войны служил под Москвой. Демобилизовался в декабре 1945 года. Награждён медалями: «За боевые заслуги», «За отвагу», «За оборону Москвы», «За Победу над Германией».

В мирное время И.А. Сухов, получив очередную юбилейную медаль ко Дню Победы, часто вспоминал о боевом ордене, который он заслужил в боях под Москвой в начале войны и который ему так и не вручили... Фронтовик объяснял это тем, что в то тяжёлое для страны время о наградах никто не думал – немец стоял у стен столицы и надо было Родину защищать.

Светлая тебе память, Иван Александрович!

д. Тубино 30.03.2011

СТОИТ У ДЕРЕВНИ САЛАКАС АЛЁША

Большая семья Грибовых жила в деревне Губино Ашитковской волости Бронницкого уезда Московской губернии (ныне Воскресенский район Московской области), на Старой Слободке, в обмазанном глиной маленьком, похожем на баню, домике. Когда началась массовая коллективизация, глава семьи Василий Яковлевич вступил в колхоз, работал на лошади возчиком. И вдруг случилась беда: во время сенокоса он занемог и через несколько дней скончался...

Анна Васильевна с младшим сыном Алёшей остались в доме одни, так как старшие дети обзавелись своими семьями и жили отдельно...

Летом сорок первого на фронт уходят один за другим старшие братья Алексея... Не суждено им было вернуться с войны...

Закончив Губинскую школу, Алёша начал работать в молодёжной полеводческой бригаде, а 11 января 1943 года Виноградовский РВК призывает его в армию.

Со слезами на глазах, с болью на сердце, хранившем скорбь по старшим погибшим сыновьям, и с предчувствием новой беды провожала последнего сына на войну простая русская женщина — мать-героиня Анна Васильевна Грибова...

Сестра Алёши, Елена, бережно сохранила до наших дней пожелтевшие за давностью лет сложенные в виде треугольничков фронтовые письма, дорожка его воинской доблестью и светлой памятью... Написанные химическим карандашом, они адресованы в основном Елене, так как мама была малограмотной...

На фронт Алёша попадает не сразу. Его сначала направляют в Коломну, в учебную часть, где из молодых солдат готовят артиллеристов.

В своих письмах домой за март-апрель Алексей сообщает, что дела у него идут неплохо. «Елена, я живу ничего. Перешли на летний паёк. Получаем хлеба по 650 г...»

«Лена, скоро вам предстоит копать огород. Вам будет трудно... Но ничего. Как вам ни тяжело и ни трудно, но вы всё же дома...»

Своё первое боевое крещение сержант Грибов получил 14 января 1944 года под Ленинградом, когда наши войска сокрушительными ударами взломали и прорвали оборону противника. Затем 285-я стрелковая дивизия, в составе которой продолжает воевать командир орудия, теперь уже старший сержант Алексей Грибов, громит немцев под Псковом и летом 1944 года выходит с боями к границам Латвии. «Дорогая сестра, — напишет с фронта Алёша. — Вы мне описали хорошую новость, что мой друг Коля Зуев прибыл домой. Я был очень рад и написал ему письмо. Я всё нахожусь в боях... Дорогая сестра, когда подойдёт получка, я вам её вышлю, если жив буду и обойдётся всё хорошо... Ну, пока. Писать больше нечего. До свидания. Желаю вам благополучно приступить к севу, а я буду бить врага за родных моих братьев, не щадя даже своей молодой жизни...»

20 июля 1944 года он написал последнее письмо. Оно одно из самых коротких... «...Верю, что всё пройдёт, коли живы будем... Но больше писать нечего... Пока. До свидания. Ленинградский фронт. Вперёд и вперёд».

Анна Васильевна и Елена напишут ответ, а потом, так и не дождавшись заветного бумажного треугольничка с фронта, будут с надеждой писать ещё и ещё... Но писем от Алексея больше не было...

В сентябре Елена пошлёт командиру войсковой части письмо, в котором попросит сообщить, по какой причине от красноармейца Грибова Алексея Васильевича 1925 года рождения нет никаких известий. Ответ не заставил себя долго ждать. В нём были страшные слова: «На Ваш письменный запрос о судьбе Вашего брата старшего сержанта Грибова Алексея Васильевича, проходившего службу во вверенной мне части, сообщаю, что 13-го августа 1944-го года в жестоких боях с немецко-фашистскими захватчи-

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Закипели леса нежной зеленью
И душистой черёмухи цветом,
Значит, ждём за погодой весеннею
Благодатное тёплое лето.

А сегодня — девятое мая, —
Мы шагаем с Бессмертным полком,
Что погиб, свою жизнь отдавая,
Чтоб не встать на колени потом.

В снег, в жару и ночами — без устал
До последней сражался он крови,
И казалось, что люди — из стали
И не чувствуют жажды и боли.

И друзей, и любимых теряли,
В самолётах и танках горели.
На портретах семейных остались,
А иные и их не имели...

На трибуне сидят ветераны —
В битвах честно исполнили долг.
Ноют старые, старые раны,
Провожают с достоинством полк.

Мы безмерно гордимся Россией,
Он с колен ей подняться помог.
Уничтожил фашистскую силу,
Приснопамятный праведный полк!

СЕРДЦЕ РОССИИ

А на площади Красной
Бьётся сердце России.
Нет на свете прекрасней,
Благороднее силы.

Сердце громко стучало,
Русь когда собирали,
И оно не молчало,
Если нас предавали.

Часто грозное время
Для страны наставало,
И тогда население,
Поднимаясь, спасало.

И в грязи, и в болоте
Насмерть стенкой вставало,
И в тылу, как на фронте,
Русь победу ковала.

Сколько раз возрождали
Мы Россию из пепла,
Но сильнее лишь стали.
И Россия окрепла.

По брусчатке шагаем
Мы в строю демонстрантов,
Хором песнь запеваем
Вместе с боем курантов.

Бьётся сердце России
Рядом с Вечным Огнём.
Нет на свете красивей
Той страны, где живём!

ТЮЛЬПАНЫ

Тюльпаны, красные тюльпаны
Под День Победы расцвели,
Как кровоточащие раны
Давно законченной войны.

А над землёй ветра гуляют,
Весна берёт права свои,
И от любви в ветвях страдают,
Заводят трели соловьи.

Здесь рядом воины чужие
Под камнем памятным лежат.
Кому-то были ведь родные,
И кто-то помнит тех солдат...

Зачем война позабирала
Отцов, мужей и сыновей?
Тоска в день праздничный летала
Над мирной Родиной моей...

Цветите, красные тюльпаны,
Краса победных майских дней!
Мы не забудем слёзы, раны
Страны истерзанной своей.

ПОСВЯЩАЕТСЯ СЕМЬЕ ВЕРЫ КОШЕЛЬКОВОЙ

Я не любила про войну
Ни вспоминать и ни читать,
Но книгу умную одну
В руках пришлось мне подержать.

Раскрыв, я тут же увлеклась,
Страдая от большой беды.
С войною вместе родилась
И ела хлеб из лебеды.

Молилась: Боженька, прости! —
Когда нас лошадь понесла.

Мне нужно было бы расти,
А я голодная была.

И тельце хрупкое трясло,
Когда сосед собой прикрыл.
И я жила войне назло,
А пулемёт всюду строчил.

Я вместе с Вериней семьёй
В войне той выжила, поверь.
Закрела книгу — что со мной?!
Война стучится в мою дверь.

СОЛДАТУ СТАРОМУ НЕ СПИТСЯ

Блуждают тени по стене,
Солдату старому не спится.
Он вспоминает о войне,
Как гнали до Берлина фрица.

Как на исходе той войны
Друзья порою погибали,
И как хотелось тишины,
И как бойцы от ран страдали.

Как над рейхстагом флаг алел,
Пропитанный солдатской кровью,
И как от счастья весь светлел
При встречах со своей любовью.

Как громыхали поезда,
Домой с Победой возвращаясь,
Как люди плакали тогда,
С пришедшими с войны встречаясь.

Как чарку пили за помин
Тех, кто победный залп не слышал,
И как народ благодарил
Бойцов, кто в страшных битвах выжил.

Валентина Подгайская

г. Постава, Витебская область, Беларусь

*К 75-летию освобождения Беларуси
от немецко-фашистских захватчиков*

Кланяемся тем, кто прошёл через муки войны, кто восстанавливал из руин города и сёла, поднимал сельское хозяйство. Тем, кто пожертвовал своим детством, юностью и здоровьем ради своей страны и её жителей. Спасибо, что подарили нам свободу, жизнь, что прошли через весь ужас и остались живыми...

МАТЬ

Врезалась в память картина одна:
Взрывы, бомбёжка, стрельба...
Женщина-мать, прижимая к груди,
Старается сына от смерти спасти.

Руки сжимают всё крепче его,
А в голове, как набат, всё одно:
«Успеть бы, успеть добежать,
Не дам, не позволю я сына отнять!»

Откуда же силы у женщины той,
Бегущей от смерти с надеждой, мольбой?
Понять здесь несложно, ведь истинно мать
Готова за сына на всё — жизнь отдать.

Ребёнок притих, притаился в тепле,
Как птенчик беспомощный жмётся в гнезде,
Как чувствует будто опасность малыш,
А в мыслях стучит: «Добежишь, добежишь...»

Внезапно упала, как кто подкосил,
Но тут же поднялась, губу прикусив:
«Спаси б только сына, оставить живым,
От смерти уйти не удастся двоим».

Валентина Подгайская

И снова бегом, без оглядки назад,
А пули всё ближе и ближе свистят.
Немножко ещё — и лесок впереди,
Родные берёзки помогут спасти.

Толчок — очень больно плечо обожгло,
В глазах потемнело, по телу пошло.
От боли не может она устоять
И стала неспешно на дол оседать.

Упала в цветы, сына грудью закрыв,
Секунда — последний, что слышала, взрыв...
...Ребёнок остался, чтоб жить и расти,
Для этого мама сумела спасти...

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Память — самое дорогое, что есть у человека. Она неподвластна времени. Наоборот: чем больше отдаляются от нас те или иные события, тем более ценным становится их смысл и вес.

Василий Фёдорович Васюкович ушёл на войну в июле 1944 года. До Победы осталось меньше чем год. Но дорога до неё была такая же тяжёлая и была залита кровью солдат. Три месяца находился в г. Владимире в запасном артиллерийском полку. Изучали оружие, готовились на фронт. После подготовки отправили в Восточную Пруссию на 3-й Белорусский фронт под командованием маршала Черняховского.

Василий Фёдорович был миномётчиком. Когда слушаешь рассказ ветерана, то сразу понимаешь, что этот человек был мастером своего дела, настоящим солдатом: так всё подробно, во всех деталях описывает, знает все тонкости обращения с миномётом. Говорит, что не всё так просто в бою, как показывают в фильмах. Бой наяву — намного страшнее, жёстче...

Когда Василий Фёдорович вспоминает 13 января 1945 года, то будто вновь переживает всё, что произошло. Именно 13 января в шесть часов утра началась артиллерийская подготовка. Из всех стволов палили 2 часа 20 минут. Рёв, свист стоял страшный, так что даже бойцы не могли между собой сговориться. После пошли вперёд танки и пехота. Враг, конечно, не выдержал такого удара и начал отступать. Но сдаваться он не хотел и дрался за каждый дом, за каждый метр земли.

Каждый день занимали советские войска всё новые и новые населённые пункты Восточной Пруссии. Были заняты города Гумбинен, Истенбург. Войска шли в направлении города Киненсберга. Потерь было много, как у советской армии, так и у врага.

Василий Фёдорович с дрожью в голосе вспоминает о погибших друзьях. Ветеран не согласен с тем, о чём многие сегодня говорят: будто трудности, страх делают человека жестоким, агрессивным. Он убеждён, что человек, который видел ужасы войны, был на краю жизни и смерти, никогда не будет жестоким, потому что он это отрицает.

3 февраля 1945 года наши войска подошли к крупному населённому пункту. Враг пошёл в наступление. Завязался страшный бой, пошли с обеих сторон танки, пехота, авиация. Враг не выдержал и начал отступать. В этом бою Василий Фёдорович был тяжело ранен. Три месяца лежал в госпитале в г. Каунасе.

30 апреля 1945 года снова попал в Пруссию в запасной полк, который находился в городе Гумбинен. В городе была комендатура и сортировочный пункт, на котором было очень много русских, французов, итальянцев, поляков. Их готовили к отправке домой. Василий Фёдорович вместе с другими солдатами патрулировал город. 8 мая 1945 года он заступил на службу во вторую смену. С 23 часов до 3 часов ночи патруль должен был обеспечивать порядок в городе. Ещё тогда Василий Фёдорович не мог даже подумать, что именно эта ночь запомнится ему на всю жизнь...

В 2 часа ночи из комендатуры услышали сообщение, что подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. Все начали кричать: «Ура! Победа! Наше дело правое!» Раздались выстрелы, в небо полетели ракеты. Открывались окна в уцелевших домах, все кричали. Люди стали обниматься, целоваться с такой большой радостью, что трудно описать. Утром командир взвода организовал всех писать письма домой, что остались живы и здоровы.

Из армии В.Ф. Васюкович вернулся домой только в 1948 году. Возмужавший, с медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией», вернулся в родную деревню. Вскоре женился на местной девушке. Сначала молодые жили с родителями, помогали им по хозяйству и на доходы с него и жили.

А когда в 1950 году был создан колхоз, Василий Фёдорович записался в него одним из первых. Ему предлагали возглавить хозяйство, но В.Ф. Васюкович наотрез отказался, так как понимал, что дело это сложное, а если ты не уверен в своих силах, то не стоит начинать и подводить людей, которые оказывают тебе доверие. Василий Фёдорович всегда был честен перед собой и людьми. А вот на должность бригадира согласился. 5 лет он с ответственностью выполнял свои обязанности. Работал на совесть, его уважали люди. Но вдруг заболел. Долго лечился, а после стал работать кладовщиком.

И вот на этом месте Василий Фёдорович проработал 33 года. Имел благодарности, денежные премии, почёт и уважение. Жил, как подсказывала совесть. Для многих сельчан был примером, как нужно строить собственную судьбу, быть уважаемым и нужным.

Василий Фёдорович прост в общении, искренен, завораживает своей открытостью и обаянием. С женой Александрой Ивановной прожил в уважении и согласии 70 лет. Двух сыновей и дочь воспитали достойными людьми. Секрет счастья очень прост, как говорит ветеран: он в любви, в тёплых отношениях и уважении друг к другу.

В конце прошедшего года Василий Фёдорович пережил тяжёлую потерю: Александры Ивановны не стало... Сейчас

ветеран живёт у сына в деревне Вайнюнцы. Василию Фёдоровичу 94 года. По сегодняшним меркам — долгожитель. Его родная сестра Антонина Фёдоровна, живущая в Поставах, в скором времени отметит 98-летие. Каждый день брат с сестрой разговаривают по телефону. Он окружён любовью и вниманием, довольно активный и общительный.

О многом думается во время встреч с ветераном: не только о том, как жили и боролись наши предки, а больше — как живём мы, во что верим и чему поклоняемся, что ценим и чем дорожим...

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Война... Она по-разному страшной бедой ворвалась в жизнь. В те горячие дни июня 1941 года люди ещё не сразу могли понять, через какие испытания придётся им пройти, в том числе через нацистские концлагеря и каторжные работы на чужбине.

В те дни рано выросли мальчишки и девчонки, наши сверстники: они не играли в войну, они жили по её суровым законам. Очень рано дети военных лет познали боль тяжёлых утрат и лишений, но познали и ненависть к врагу, и радость Победы, и желание мира. Вместе со всей страной, с её народом они радовались долгожданной победе, которая пришла тёплым весенним днём — 9 мая 1945 года.

На мой взгляд, никто не может дать точного описания времён войны, кроме тех, кто прошёл через это. Поэтому тем ценнее для нас услышать рассказ о событиях Великой Отечественной войны из уст бывшего малолетнего узника фашизма Евгении Евстафьевны Сидорович.

Евгения Евстафьевна родилась в январе 1943 года, а уже в сентябре этого же года девятимесячный ребёнок стал узником фашистской Германии: их семью вывезли в чужую страну на каторжные работы.

Безусловно, в таком малом возрасте в памяти Евгении Евстафьевны ничего не сохранилось. Она знает о той тяжёлой жизни со слов своей матери.

Мать Евгении Евстафьевны работала на заводе. Маленькая Женечка оставалась дома под присмотром старших детей, или мать брала её с собой на работу. Было очень трудно и страшно. За самое малое нарушение немцы жестоко били. А ещё они специально провоцировали голодных людей и проверяли на выдержку: подбрасывали монеты под стол, яблоки, груши. Хотя люди и были голодные, но боялись брать, потому что знали, что за это их ждёт наказание.

Еду, которую привозили немцы, нельзя было и близко называть едой, ведь из большой кастрюли шла такая вонища... Но кушать очень хотелось...

Улицы города были просто напичканы фруктовыми деревьями. Земля была усыпана плодами, но брать их строго запрещалось. За нарушение тут же били.

Маленькие дети часто умирали от голода. Потеряли деток и две семьи, которые вместе с семьёй Евгении Евстафьевны были вывезены из деревни на каторжные работы в Германию. Только благодаря своей матери, которая до двух лет кормила грудью свою дочурку, и божьей благодати, считает Евгения Евстафьевна, она осталась жить.

В июне 1945 года семья Евгении Евстафьевны вернулась домой из Германии. После войны жизнь хорошей сразу не стала. Жили бедно. Основной кормилицей в семье была корова. Но вдоволь наесться сметаны да масла не получалось, ведь надо было эти продукты нести на продажу, чтобы что-то заработать на другие нужды для семьи. Евгения Евстафьевна вспоминает, как дети сидели вокруг стола и наблюдали, как мать с помощью деревянной формы делала брусочки масла для продажи, и с надеждой ждали, что в миске останется немного масла, чтобы намазать на хлеб. Бывало, оставалось, но чаще всего — нет. Все понимали, что нужно как-то выживать.

В 15 лет Евгения осталась без отца, а семья без хозяина. Жить было очень трудно. В 16 лет девушка стала работать дояркой на ферме, ей доверили 16 голов коров. Условия работы были сложными: всё делали вручную. Сначала

работали за трудодни. Деньги не платили. Спасало только своё хозяйство.

Много лет отработала Евгения Евстафьевна на ферме дояркой, а потом по состоянию здоровья перешла работать лаборантом. И так с 16 лет до пенсии работала в своём колхозе. За это время вышла замуж, родила сына и дочь, была заботливой матерью, хорошей женой и замечательной хозяйкой. С материнской гордостью рассказывает она про своих детей, которые выросли достойными людьми: прилежными, трудолюбивыми, честными. И сын Николай, и дочь Марина живут в Поставах. У них свои семьи, дети. Они очень часто навещают родителей в деревню Детково.

С болью в сердце женщина рассматривает фотографии, где она в Германии перед отправкой домой, где она маленькая с мамой и бабушкой. С нежностью – фотографии внуков, всей своей дружной семьи.

В январе Евгения Евстафьевна отметила своё 76-летие. «Годы летят стремительно, – задумчиво вздыхает женщина, – но воспоминания о войне, невероятно тяжёлый послевоенный период изредка возвращают в то время, вызывают слёзы и единственное желание: чтобы военное лихолетье никогда не повторилось на нашей земле, чтобы наши потомки не испытали того ужаса и беды, что выпали на долю моего поколения. Радуюсь, что в Беларуси люди живут под мирным небом. И это – наибольшее счастье».

Все войны когда-нибудь заканчиваются, трава пробивается из-под пепла, дети, пережившие войну, вырастают и воспитывают своих детей. Жизнь продолжается, но для того, чтобы она была мирной, нужно помнить о маленьких, но таких больших героях Великой Отечественной войны.

Любовь Потанина

пос. Красногвардейский, Свердловская область

ОДИН ИЗ ГЕРОЕВ ПОБЕДЫ

Горько плакала мать у ворот, утираясь платочком.
Не вернёт уж ей больше война двоих старших детей.
А сегодня она распрощалась и с младшим сыночком.
«Сохрани его, Боже, от пуль да в мороз обогрей!»

И пятнадцати лет не исполнилось нынче мальчонке,
Щупловат он ещё, да и ростом совсем не большой.
Он обнял свою матушку, нежно погладил сестрёнку
И сказал: «За Россию, за Родину выстоим бой!»

Он отважно прошёл всю войну. Он с врагами сражался.
Никогда не просил снисхожденья, мол, ещё молодой.
Подлечив свои раны, он вновь в батальон возвращался
И с войны воротился в семнадцать живой, но седой.

Его дом покосился, поник, словно старец убогий.
Повстречал он родную сестру у ворот всю в слезах:
«Не снесло сердце матери горя, потерь и тревоги...
За селом на погосте простились мы с нею на днях».

Он котомку свою опустил и заплакал тихонько,
Семилетнюю девочку крепко он к сердцу прижал
И сказал: «Я не брошу тебя! Я вернулся, сестрёнка!
Будем жить мы в честь тех, кто Победу для мира ковал!»

Галина Самусенко

г. Коломна, Московская область

ДЕДУ

Знаешь, дед, я ведь уже старая.
Я гораздо старше тебя.
Слева смотрю и справа я,
фотографию теребя —
память из далёкого прошлого
прямиком в двадцать первый век.

Дед, лицо у тебя хорошее —
добрым к людям был человек.
Строги чёрных бровей излучины,
тёмно-русых волос волна...

Были б, знаю, мы неразлучными,
не вмешайся она — война.
Вместе б осенью за грибами мы,
на рыбалку — опять вдвоём...

а глаза у нас с тобой мамины...
Целый век без тебя живём...

Что ж, на этом свете не даром всё,
и страна разочлась с бедой.

Только видишь — я уже старая.
Ну а ты всегда молодой.

Пётр Тимошқин

г. Луховицы, Московская область

(1941-2017)

ХЛЕБ

Припоминают детство, торжествуя,
С забвеньем смотрят фильмы о войне...
Я, как в бреду, «вторую мировую»
По хлебу помню,
Снившемуся мне.
По щелям
В нашем доме неказистом,
Где редко были думы голубы,
Где вместо дров
Вылеживались листья,
Накошенной для хлеба лебеды.
Мы плакать в эти годы не умели!
И, сам дойдя до истины простой,
Что труден хлеб насущный
В самом деле,
Я ел его впримешку с лебедой.
Был горек он,
Как выжженное небо,
Но верил я в любые чудеса,
Когда их выпадало
«Самых хлебных»,
Тех, небывалых в жизни,
Полчаса.
И пусть лишь в снах
Я радовался: ситный!
Пусть, мучаясь, метался по ночам,
Казался мне на редкость духовитым
Тот хлеб
С травую горькой пополам.
И пусть войны
Я, в сущности, не знаю:
Не падал под огнём, в дыму не слеп,
Она во мне, «вторая мировая»,
Живёт коротким, мирным словом — «хлеб».

Весна сорок пятого года.
Над «фрицем» победа близка.
От ран оживает природа.
Европу штурмуют войска.

Советский солдат шёл не грабить,
Не жечь города и поля;
Нацистскую хватку ослабить,
Дышала бы легче Земля.

Забыв про былую суровость, —
Хочу вам о том передать, —
На улицах были готовы
Голодным еду раздавать.

И немцы тянули им чаши,
Стараясь в глаза не смотреть.
Солдаты раздали всем кашу —
Пустые желудки согреть.

Потом люди молча жевали,
Свою вспоминая вину
За то, что фашизм прославляли
И зря развязали войну.

Бойцы покидали тот город
Свободу всё дальше нести.
А люди шли рядом с колонной,
Даря со слезами цветы.

Восемь ноль четыре
Девятнадцать сорок два.
Каждый день военных —
Адова тюрьма.

В небе с тьмой фашистской,
Посланной войной,
Хлобыстов Алёшка
Дрался как герой.

Шквалом пулемётным
Срезал он врага.
«Мессер» новый рвался
К парню в облаках.

Дерзкое решение
Принял капитан,
Крикнул громко в рацию:
«Иду я на таран!»

И, сражаясь храбро,
Чудо сотворил —
Ещё он двух фашистов
С неба вниз спустил.

Самолёт подбитый
Почти с одним крылом
Он сумел доставить
На аэродром.

Как сейчас в апреле
Шёл неравный бой.
Не забудем парня,
Он ведь наш герой!

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

(По рассказу А. Н. Щигарцовой)

Маша Параносенкова жила в деревне Мужитино Жиздринаского района Калужской области. Ей исполнилось семнадцать лет. Она сдала экзамены за десятый класс. Перед ней и её одноклассниками открывалось множество перспектив — путей, по которым мог пойти советский молодой человек, окончивший школу: поступить в училище, техникум, институт или пойти на работу в колхоз, учеником на завод или фабрику, куда душа пожелает.

Был июнь и прекрасная тёплая ночь с субботы на воскресенье. Маша вместе со своими вчерашними одноклассниками после выпускного гуляла по ночной Жиздре до рассвета. Ребята любовались чудесным заревом в западной стороне светлеющего неба.

Они ещё были счастливы, они ещё не знали настоящую причину этого кровавого зарева...

О начале войны узнали в полдень по уличному радио — чёрной тарелке. На следующий день все ребята добровольно пошли в военкомат, чтобы вступить в ряды Красной Армии и защищать Родину от вероломно напавшего на неё врага. Потом ни один из них не вернётся домой.

Гражданское население — в основном женщины и молодые девушки — помогало военным строить новые рубежи обороны, копали окопы, траншеи, противотанковые рвы. Это называлось трудовым фронтом. Они вносили свой сильный вклад в оборону страны.

Вместе со своими землячками Маша ходила за десятки километров на работы по возведению укреплений. Ноги не успевали заживать от долгой ходьбы. Она уставала уже на марше, а ей надо было целый день работать, да ещё преодолеть обратный путь.

Однажды Маша проходила мимо четырёх офицеров, склонившихся над картой. Разговаривая между собой, они

произнесли знакомое Маше название населённого пункта. Она по своей простоте подошла поближе к военным и сказала, что знает это место, потому что там служит её папа.

- Как зовут твоего отца? — спросил один офицер.
- Пётр Параносенков, — ответила девушка.
- Ты хочешь с ним встретиться?
- Очень хочу, — с радостью ответила девушка.
- Мы его отпустим к тебе. Это всего в пятнадцати километрах отсюда.

В ожидании встречи с отцом Маша не замечала усталости, выбрасывая изо рта тяжёлые комья земли. Уже не так сильно саднили мозоли от лопаты. Она не могла дождаться вечера, когда бросится на шею к своему папе. Девушка поделилась своей радостью с женщинами.

— Ты что! — говорили они. — Останешься здесь одна среди мужчин, среди солдат! А как ты ночью домой пойдёшь одна через лес? Заблудишься, пропадёшь, не дай бог!

Маша задумалась. Тогда она стала просить женщин о том, чтобы кто-нибудь остался с ней, чтобы не возвращаться домой одной. Но ни одна из них не согласилась остаться с девушкой. Маша очень расстроилась и согласилась с женщинами. После работ пошла вместе со всеми в обратный путь с тяжестью на сердце.

На следующий день женщины вновь пришли на работы. Маша увидела вчерашнего военного. Он сказал ей, что её отец вчера приходил сюда, прождал до утра и, не дождавшись, вернулся обратно в свою часть...

Как она жалела! Не могла себе простить того, что не осталась тогда ждать своего папку, когда узнала из похоронки, что её отец — «рядовой Пётр Семёнович Параносенков 1905 года рождения, при освобождении деревни Дмитровка Людиновского района Калужской области, погиб 24 февраля 1943 года и похоронен в числе четырёхсот двух бойцов Красной Армии в братской могиле» на окраине этой же деревни.

Людмила Чебышева

г. Воскресенск, Московская область

* * *

Не забывайте о войне,
О невернувшихся солдатах,
Сожжённых заживо в огне,
О стариках на баррикадах,

Об искалеченной судьбе
Детей в блокадном Ленинграде,
Слезях и горе матерей,
На Красной площади параде,

С которого на смертный бой
На фронт шли юные ребята,
Погибших пополняя строй.
Прошу, храните память свято!

Вы помните, какой ценой
Ковалась каждый день Победа,
Кто защищал наш дом родной,
Солдатских письмах без ответа,

О всех измученных в плену
И детях, детства не видавших,
О тех, кто помогал в тылу,
О всех вернувшихся и павших,

О днях трагичных, но святых,
О жёнах, матерях, чьи плечи
Всю тяжесть вынесли войны.
И пусть вовек не гаснут свечи

За здравие и за помин души
Всех тех, кто нам принёс Победу!
Поклон защитникам страны
От нас, принявших эстафету.

Наталья Шишқина

г. Бронницы, Московская область

ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

У многих прошёл выпускной,
И день был взросления первый.
С рассветом бродили гурьбой
В тот год, роковой, сорок первый.

Война. И набатом эфир,
Где голос взывал Левитана:
«Внимание! В опасности мир», —
Твердил он о том неустанно.

И бросились в военкомат
Мужчины, юнцы-комсомольцы.
Сжимая в руках автомат,
Рванулись на фронт добровольцы.

Сурово насуплены брови,
Вела их незримая нить.
Не знали они, сколько крови
Придётся в сражениях пролить.

Осознанно страх презирали,
Задача — дорогу закрыть,
Все силы и жизнь отдавали,
Чтоб дальше фашизм не пустить.

Но вот батальоны и роты,
Штурмующих горстка людей,
Бросаются грудью на доты,
Оставшись лежать средь полей.

На сопках, в окопах, оврагах,
В снегах замерзавшую рать —
Вела их к Победе отвага
За Родины каждую пядь.

Потери в войне неизбежны,
И в каждой семье слышен стон.
Победа! И враг был повержен
Ценою «бессмертных» колонн.

Стремилась во имя Победы,
Пройдя испытания войны.
Отцам всем спасибо и дедам
За мир и за славу страны.

Анна Шувалова

г. Владимир

«ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ! ПОСТАРАЙТЕСЬ ВЕРНУТЬСЯ НАЗАД»

Создано на основе рассказа
Горбушиной Елены Николаевны
о её дяде Антонове Борисе Фёдоровиче

«Хорошо-то как!» — думал про себя Борис, лёжа в траве под тёплым летним солнцем. Как и многие другие, он и представить себе не мог, перед каким испытанием поставит их жизнь. А все мечты братьев и сестёр, его самого и миллионов других людей так и останутся мечтами.

— Война началась! Война началась! — раздавались крики по всей округе. Юноша быстро вскочил на ноги, не в силах поверить, что всё это происходит наяву, а не во сне.

Борис родился в 1922 году в большой семье Вилковых Фёдора Васильевича и Акулины Петровны. Кроме него в семье было пять сыновей и три дочери. Ещё восемь детей умерли в младенчестве. Жили дружно в деревне Неврюево Владимирского района Ивановской промышленной области. Сейчас это Судогодский район Владимирской области. Все были трудолюбивыми, не боялись никакой работы, поддерживали и заботились друг о друге.

Было бы неправильно назвать их зажиточными, хотя держали лошадь, корову, овец. Просто все те, кто трудился с утра до вечера, зарабатывали себе на жизнь, а на те деньги, что удавалось скопить, приобретали всё необходимое для хозяйства. Правда, в период коллективизации с лошадью пришлось расстаться и отдать её в колхоз.

А ещё была одна интересная деталь. Фёдора Васильевича в деревне все называли «вилок». Почему к нему привязалось это прозвище, сложно сказать. Вероятно, из-за кудрявых волос и круглого лица. Или потому что так назы-

вали простодушных, бесхитростных людей в Нижегородской области и это «имя» каким-то образом вышло за её пределы. Также «вилками» называли тех, кто был под татарами, то есть «данников». Деревня, в которой они жили, носит своё название со времён золотоордынского нашествия хана Неврюя в 1252 году. Тогда «Неврюева рать» стояла возле этих мест при походе на Владимир и дальше на Ярославль. Однако с такой «фамилией» не поедешь в город, а потому четырёх старших, когда те собрались покинуть отчий дом, записали под фамилией Антонов. Позднее, когда стали выдавать паспорта, Фёдора Васильевича и Акулину Петровну с остальными детьми зарегистрировали как Вилковых.

Никто даже и предположить не мог, что Германия нападёт. Борису не было и девятнадцати лет, когда его, вместе с двумя другими братьями, Алексеем и Василием, призвали в ряды Красной Армии. Всех троих провожали со слезами и молитвами, надеясь на скорое окончание боёв.

Борис был крепким и сильным парнем. Не удивительно, что его заметили и направили во Владимирское пехотное училище. После его окончания в июне 1942 года новоиспечённого бойца отправили на фронт в составе 181-й стрелковой Сталинградской ордена Ленина дивизии. Молодой лейтенант назначен командиром взвода восьмой стрелковой роты 271-го стрелкового Нижне-Волжского полка.

В числе других воинов бесстрашно сражался с фашистами, проявляя храбрость и смелость, вёл за собой в атаку вверенных под его командование солдат, идя впереди всех, не прячась за чужие спины. А потому получил несколько ранений. Однажды даже числился убитым, но каким-то чудом выжил. Случилось это в июле 1942 года в Чудинском районе Ленинградской области. Тогда погибло много солдат. Списки о безвозвратных потерях пятьдесят восьмой отдельной стрелковой бригады оказались значительными. Борис Антонов оказался в госпитале. После выписки снова отправился на фронт. Пока лежал на боль-

ничной койке, думал о том, что, когда всё это закончится, вернётся домой, обнимет родителей, сестрёнок, братьев. Влюбится, женится, появится у него семья. Заживут они тогда мирной жизнью, без бомбёжек, убийств и прочего ужаса войны.

А на деле снова встал впереди взвода, ведя за собой в атаку таких же «мечтателей», как и он сам, потому как все желали скорейшего окончания бесконечных битв и мирной жизни. В октябре 1943-го и августе 1944-го получил ещё два ранения, что неудивительно. Борис был настоящим командиром. Таким, что первым шёл под пули.

В 1945 году войска 181-й стрелковой дивизии участвовали в боевых действиях по освобождению Польши от немецких оккупантов. Перед бойцами была поставлена задача в ходе операции не дать фашистам отстоять аэродром в городе Бреслау, чтобы они не имели возможности снабжать боеприпасами с воздуха окружённый гарнизон. Необходимо было прорвать оборону противника. Сражения велись с пятнадцатого января 1945 года. Во всех последующих боях младший лейтенант Антонов показал себя смелым, мужественным, умеющим командовать взводом в бою. Это помогло первым без потерь, несмотря на сильный миномётно-артиллерийский огонь противника, ворваться в его траншеи и в рукопашной схватке уничтожить три ручных пулемёта и более десяти гитлеровцев. Его наградили орденом «Красная Звезда». Наградной лист от двадцать второго января 1945 года подписан командиром полка полковником Скрипниковым и командиром дивизии полковником Морозовым Павлом Ивановичем.

«Родители будут мной гордиться, не зря воспитывали», – вероятно, думал в тот момент Борис. А может, и не думал ни о чём. Мы никогда об этом не узнаем.

И снова фронт, опять ожесточённые бои на реке Одер за крепость Бреслау. Командир вновь рвётся в бой. Двадцать четвёртого февраля 1945 года Антонов Борис Фёдорович получил сквозное пулевое ранение в область поясницы. Это ранение он уже не перенёс. Двенадцатого марта

1945 года солдат скончался в госпитале, не дожив примерно двух месяцев до дня Великой Победы Советской Армии в Великой Отечественной войне. Его похоронили на гарнизонном кладбище в городе Неймаркт. Позднее бойца перезахоронили на армейском офицерском кладбище в городе Вроцлав, бывшем Бреслау.

Брат Алексей вернулся с фронта с ранениями, а Василий возвратился без ноги, став инвалидом. И, как в той песне, они праздновали каждый день Великой Победы «за себя и за того парня».

Хочется верить, что все следующие поколения никогда не забудут подвиги этих героев. Будут продолжать формировать и пополнять Бессмертный полк, чтобы все погибшие воины могли праздновать вместе с ныне живущими 9 Мая очередного года.

Содержание

Анастасия РУССКИХ. Жить и помнить	3
Галина БЕЗМЕНОВА. г. Барнаул, Алтайский край.	7
Алевтина БОНДАРЕНКО. г. Коломна, Московская область.	17
Лилия ВОЙНОВА. г. Бийск, Алтайский край	19
Ирина ГОНЮКОВА. г. Барнаул, Алтайский край.	20
Татьяна ДАБЫРОВА. д. Среднее Кечёво, Удмуртская Республика.	22
Анна ДЬЯКОНОВА. г. Пятигорск	25
Василий ЗИНОВЬЕВ. г. Великие Луки, Псковская область	26
Алексей КУРГАНОВ. г. Коломна, Московская область	41
Александра МЕНЬЩИКОВА. г. Курган	43
Олег МАЗУР. г. Воскресенск, Московская область	46
Елена ПАТРУШЕВА. г. Бронницы, Московская область	50
Петр ПАНАСЕЙКО. г. Тольятти, Самарская область	52
Андрей ПЕТРАКОВ. г. Воскресенск, Московская область	123
Тамара ПОТАПОВА. г. Москва	133
Зинаида ПОНАСЕНКОВА. г. Воскресенск, Московская область.	134
Валентина ПОДГАЙСКАЯ. г. Поставы, Витебская область, Беларусь.	138
Любовь ПОТАНИНА. пос. Красногвардейский, Свердловская область ..	145
Галина САМУСЕНКО. г. Коломна, Московская область	146
Пётр ТИМОШКИН. г. Луховицы, Московская область	147
Алексей ФЕДУНОВ. Республика Алтай	148
Юрий ФОКИН. г. Воскресенск, Московская область	150
Людмила ЧЕБЫШЕВА. г. Воскресенск, Московская область	152
Наталья ШИШКИНА. г. Бронницы, Московская область.	153
Анна ШУВАЛОВА. г. Владимир	155

75-летию Великой Победы посвящается...

Священная народная...

Сборник произведений. Выпуск 2

Редколлегия:

С.С. Антипов, И.Е. Витюк,
Д.В. Минаев, Г.В. Самусенко

Составитель: Г.В. Самусенко

Дизайн обложки: Д.В. Минаев

Корректор: А.Е. Русских

Компьютерная вёрстка: А.А. Минаева

Подписано в печать 06.09.2019

Формат 60х90/16. Бум. офс. 80 г/м². Печать цифровая.

Объём 10 усл. п/л. Гарнитура BalticaС.

Тираж 500 экз. Заказ № 144899

ООО Издательство «Серебро Слов»

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин: <http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.

Тел: 8 (495) 322 38 30

www.t8print.ru

ISBN 978-5-907154-64-3

9 785907 154643

